

ТОТ **а**ЛЬНЫЙ
ДИКТАНТ

2017

#ТОТСБОРНИК

Фонд «Тотальный диктант»

Новосибирский государственный университет

#ТОТСБОРНИК

Сборник научных трудов
по материалам Тотального диктанта

Вып. 2

Ответственный редактор – Н. Б. Кошкарева

Новосибирск
2017

УДК 81'271
ББК 81.411.2
Т 633

Отв. редактор:
д-р филол. наук, профессор *Н. Б. Кошкарева*

Рецензенты:
д-р филол. наук, профессор *Г. М. Мандрикова*,
канд. филол. наук, доцент *Н. В. Кузнецова*

Редколлегия: д-р филол. наук Н. Б. Кошкарева (отв. редактор), канд. филол. наук М. В. Шпильман (отв. секретарь), канд. филол. наук Е. В. Арутюнова, канд. филол. наук Т. И. Белица, д-р филол. наук Л. И. Горбунова, С. В. Друговейко-Должанская, Т. А. Заковряшина, д-р филол. наук И. Е. Ким, канд. филол. наук Е. С. Кузнецова, канд. филол. наук В. М. Пахомов, канд. филол. наук Е. Н. Сорокина. Редактирование аннотаций на английском языке – О. В. Павлова и М. В. Александрова.

Т 633 **#ТОТСБОРНИК:** Сборник научных трудов по материалам
Тотального диктанта / Отв. ред. Н. Б. Кошкарева. – Новосибирск,
2017. – Вып. 2. – 281 с.

ISBN 978-5-4437-0726-6

В сборник входят статьи, посвященные актуальным проблемам русской орфографии и пунктуации, а также вопросам речевой культуры, тенденциям развития и специфике преподавания современного русского языка. Материалом для исследования в большинстве статей стали материалы Тотального диктанта – международной просветительской акции, целью которой является привлечение внимания к вопросам грамотности и повышение ее уровня.

Сборник представляет интерес для специалистов, работающих в области орфографии и пунктуации, культуры речи, для преподавателей русского языка в высших и средних учебных заведениях, а также для всех интересующихся вопросами русистики.

УДК 81'271
ББК 81.411.2

ISBN 978-5-4437-0726-6

© Фонд «Тотальный диктант», 2017
© Новосибирский государственный
университет, 2017
© Коллектив авторов, 2017

Содержание

Орфография	5
<i>Плунгян В. А.</i> Русская дореформенная орфография: Как? Почему? Зачем?	5
<i>Арутюнова Е. В., Пахомов В. М.</i> «Благословил меня коньяк на риск признаний». О чем говорят ошибки в словах <i>коньяк</i> и <i>пьедестал</i> в Тотальном диктанте – 2017?	36
<i>Бешенкова Е. В.</i> Написание слов с отрицанием: орфографический словарь, правила и реальное грамотное письмо	44
<i>Дымарский М. Я.</i> Как победить «эти едва ли победимые трудности»: тест для отглагольных прилагательных на <i>-мый</i>	63
<i>Исаченко О. М.</i> Орфографический каприз: Н или НН в гибридных атрибутивах	75
Послеловие от редколлегии сборника	93
<i>Кошкарёва Н. Б.</i> Куда уходит дорога? И куда уходит жизнь? (о слитном / раздельном написании <i>вдаль</i> и <i>в даль</i>)	116
Пунктуация	132
<i>Друговойко-Должанская С. В.</i> О корректировке правил пунктуационного оформления вводных конструкций (тире перед вводными словами и словосочетаниями)	132
<i>Глазкова С. Н.</i> О двоеточии, или Где заканчивается причина и начинается следствие	146
<i>Кошкарёва Н. Б.</i> ПРИЧИНА vs СЛЕДСТВИЕ: что между?	153
<i>Сафонова Ю. А.</i> Осторожная пунктуация	168
<i>Шпильман М. В.</i> Некоторые наблюдения над использованием сочетания <i>и да</i> в письменной речи	180
<i>Яковлева Ю. В.</i> Графические средства выражения речевой агрессии в газетно-журнальной полемике 1917–1932 гг.	186
Вопросы преподавания русского языка	191
<i>Евграфова С. М.</i> К проблеме когнитивной адекватности преподавания родного языка	191
<i>Шмаков А. А.</i> Риторизация электронной поддержки курсов подготовки к Тотальному диктанту: к постановке проблемы	213

<i>Патрушева Л. С.</i> #ТОТАЛЬНЫЙДИКТАНТ: коммуникативные возможности центрального хештега образовательной акции	221
<i>Савельева Т. В.</i> Языковая картина мира современного подростка: оскудение или перезагрузка?	227
<i>Бикмаев Е. А.</i> Принципы выразительного чтения как средство успешной коммуникации вводных конструкций (тире перед вводными словами и словосочетаниями)	234
Послеловие от редколлегии сборника	243
<i>Панов Б. А.</i> Типы упражнений по орфографии и пунктуации: задания на выбор объяснений	245
<i>Гусейнова Н. С.</i> Возможности Тотального диктанта при подготовке к ЕГЭ и ОГЭ в 9 и 11 классах	258
<i>Дружиловска Д.</i> Тотальный диктант как средство измерения степени достижения определенных языковых навыков инофонами (на примере польскоговорящих учащихся)	267
Цитатник Тотального диктанта	277
Сведения об авторах	278

Тот не филолог, кто не #ТОТФИЛОЛОГ.

С. В. Друговейко-Должанская

Орфография

УДК 811.161.1 + 81'354

В. А. Плунгян

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

РУССКАЯ ДОРЕФОРМЕННАЯ ОРФОГРАФИЯ:

КАК? ПОЧЕМУ? ЗАЧЕМ?¹

Рассматривается история русской орфографической реформы начала XX в., описаны основные правила дореволюционной орфографии, которые отличают её от современной. Подробно рассмотрены правила употребления некоторых букв дореформенного алфавита, в частности буквы «ять» (ѣ). Проанализированы степень необходимости реформы, подробно описан исторический контекст её осуществления.

Ключевые слова: русский язык, алфавит, реформа орфографии.

Давайте поговорим об истории орфографической реформы начала XX в., вспомним, как это на самом деле было, поговорим о том, хорошо или плохо, что такой переход произошёл, как к нему сегодня относиться, надо ли стремиться вернуться в дореформенную орфографию, как сегодня иногда призывают, или, наоборот, радоваться, что орфография у нас новая.

«Русская дореформенная орфография: Как? Почему? Зачем?» – так название лекции выглядело бы в старой орфографии. Вид этих слов привычен, всё-таки прошло не так много времени – ровно 100 лет, не такой уж большой срок. И тексты, изданные в старой орфографии, я думаю, каждому из вас, по крайней мере, попадались. И дореволюционные буквы *і, ѳ, ѣ*, конечно, тоже знакомы. Их облик немного непривычен, но кажется, что современный человек может без труда это прочесть.

Чтобы ответить на вопрос о том, как и почему русская орфография менялась, давайте, как и положено в академической лекции, начнём издалека. Давайте вспомним, как вообще возникло русское письмо.

¹ В основу статьи легла лекция, прочитанная 18 декабря 2017 г. в НИТУ МИСИС в рамках проекта «Грамотные понедельники», организованного порталом Грамота.ру при поддержке «Тотального диктанта». Текст лекции расшифрован и подготовлен к печати М. М. Ровинской, заместителем руководителя Школы филологии НИУ ВШЭ.

Мы знаем, что славянская письменность появилась по историческим меркам сравнительно недавно, и обстоятельства её возникновения историкам хорошо известны. Они связаны с деятельностью славянских просветителей Кирилла и Мефодия. Самые первые попытки создания славянской письменности произошли в середине IX в. в княжестве, которое называлось Моравия. Произошло это в силу довольно сложного переплетения политических и религиозных факторов, очень специфических, я не буду в них углубляться, но обстоятельства эти интересны. Может быть, в другой ситуации своя письменность у славян и не возникла бы. Но тем не менее она возникла и называлась она «глаголица», именно её придумали Кирилл и Мефодий, а то, что мы называем «кириллицей», возникло немного позже. Знаки глаголицы очень своеобразны и ни на что не похожи. Они действительно придуманы одним человеком, и они очень хорошо передают фонетическую сущность того древнего славянского языка, для которого были предназначены.

Но глаголица довольно быстро вышла из употребления. В наше время она немного используется только в Хорватии, территориально это довольно близко к тому региону, где она впервые возникла. Хорваты считают глаголицу своим древним национальным письмом. В Хорватии и сейчас популярны сувениры с глаголицей, можно увидеть некоторые надписи, но больше нигде в славянском мире вы её не встретите. А древних глаголических памятников очень мало.

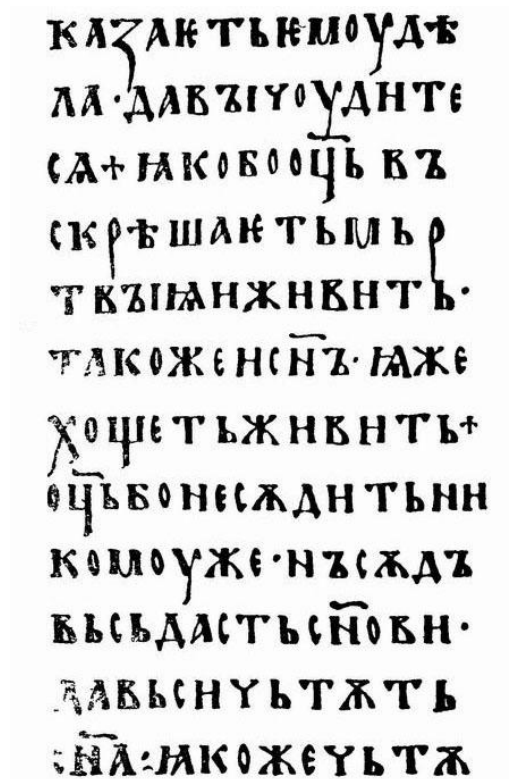
Глаголицу вытеснила письменность, которую мы называем кириллицей (в память о святом Кирилле). Она возникла в Болгарии примерно на один век позже и является адаптацией греческого письма: в ее основе греческие буквы, а к ним добавлены те, которых не хватало в греческом алфавите для обозначения славянских звуков. Буквы кириллицы в основном точно соответствовали буквам глаголицы, поэтому кириллица, как и глаголица, очень хорошо была приспособлена к славянскому языку. Это сравнительно редкий случай в истории письма: обычно, когда в языке возникает письменность, она возникает долгим мучительным путём, создаётся из подручного и часто несовершенного материала методом проб и ошибок. В случае со славянской письменностью изначально всё было сделано сразу очень хорошо и, я бы сказал, лингвистически профессионально.

В древнерусское государство болгарская кириллица проникает очень быстро, уже в X в., то есть почти сразу после создания. Естественно, после крещения Руси в конце X в. начинается массовое распространение письменности, письменность и христианство практически идут рука об руку. Собственно, первые письменные памятники, кото-

рые можно считать собственно древнерусскими, обычно датируются XI веком. Таким образом, с XI в. у нас есть своя письменность, до этого у славян, по-видимому, никакой письменности не было (по крайней мере, научных доказательств этому не найдено).

Вначале книги были, естественно, рукописными, с XVI в. начинается книгопечатание: сначала Франциск Скорина пробует печатать славянские книги в Праге и в Вильне, потом, через несколько десятилетий, известный всем Иван Фёдоров – в Москве, позднее в Львове и других городах Великого княжества Литовского. В целом книгопечатание на Руси появилось примерно на столетие позже, чем в Европе.

И первые печатные книги, и рукописные использовали кириллические буквы особой формы, которую обычно историки письма называют «уставом» («уставное письмо»).

Остромирово евангелие (1057 г., уставное письмо)

Вот так выглядит Остромирово евангелие, которое считается первым древнерусским письменным памятником. Это евангелие 1057 года, переписанное на Руси и содержащее много восточнославянских особенностей. Можно заметить, что вид букв довольно привычный, я думаю, не только филологи, но и любой человек хотя бы раз в жизни такого рода буквы видел, например, в книгах на церковнославянском языке, где уставное письмо продолжает использоваться. Оно и сейчас выглядит примерно так же, как в XI веке.

Оуѣрѣвъ же народы, възиде на горѹ: ѿ сѣдшѹ сѣмѹ, пристоупиша къ немѹ оуѣнцыи сѣгѹ.
 ꙗко ѡбѣрзѣ оуѣта своѣа, оуѣнше ѿ нѣхъ, г҃аѣ:
 вѣжени ниции дѹхомъ: ѣкѹ тѣхѣ сѣтъ цр҃етвѣе нѣное.
 вѣжени пачѹци: ѣкѹ тѣн оуѣбшѣа.
 вѣжени крѣтци: ѣкѹ тѣн насѣдѣа зѣмлю.
 вѣжени лѣтѹци ѿ жѣжѹци прѣбды: ѣкѹ тѣн насѣдѣа.
 вѣжени мл҃чнѣи: ѣкѹ тѣн помѣловани вѣдѹтѣ.
 вѣжени тѣн ср҃цѣа: ѣкѹ тѣн бѣа оуѣзѣа.
 вѣжени мироѹборцы: ѣкѹ тѣн снѹе вѣжѣ нарѣжѣа.
 вѣжени ѡз҃нѣи прѣбды рѣи: ѣкѹ тѣхѣ сѣтъ цр҃етвѣе нѣное.
 вѣжени сѣтѣ, сѣгдѣ понѣбѣа вѣмъ, ѿ нѣжѣдѹтѣ, ѿ рѣжѣа вѣмъ оуѣа г҃аѣа на вѣа жѣжѣ, ницѣ
 рѣи:
 рѣдѹтѣа ѿ бесѣлѣтѣа, ѣкѹ мѣдѣа вѣмъа ниѣа на нѣсѣхъ: тѣмъ бо ѡз҃нѣа прѣрѣки, ѿже [сѣша]
 прѣжде вѣа.
 вѣа сѣтѣ сѣдѣ зѣмѣи: ѣже же сѣдѣ ѡвѣжѣа, чѣмъ ѡсѣлѣтѣа: ни бо чѣѣжѣ вѣдѣа ктоѣмѣ, тѣѣѣа да
 ѡз҃нѣа вѣдѣа вѣи ѿ попиѣмѣа чѣлѣѣи.
 [(ѡз҃нѣа)] вѣа сѣтѣ сѣдѣ мѣа: не мѣжѣа г҃аѣа оуѣкрѣтѣа берѹхъ горѣа сѣѣа:
 ниже вѣжѣа сѣдѣа ницѣа ѿ сѣдѣа сѣдѣа, но на сѣдѣа ницѣа, ѿ сѣдѣа вѣмъа,
 ѿже вѣа хр҃аѣниѣ [сѣтѣ].
 тѣмъ да просѣдѣа сѣдѣа вѣмъа прѣд чѣлѣѣи, ѣкѹ да вѣдѣа вѣмъа дѣѣа ѿ
 прѣсѣдѣа сѣдѣа вѣмъа, ѿже на нѣсѣхъ.
 [да] не ницѣа, ѣкѹ прѣдѣа разѣрѣи законѣа, ѿа прѣрѣки: не прѣдѣа разѣрѣи, но ѡсѣлѣи.
 ѡмѣи бо г҃аѣа вѣмъа: дѣѣа прѣдѣа нѣѣо ѿ зѣмѣа, ѡѣа сѣдѣа, ѿа сѣдѣа чѣтѣа не прѣдѣа ѡ-
 законѣа, дѣѣа вѣа вѣдѣа.
 ѿже ѣже разѣрѣа сѣдѣа заповѣдѣи сѣхъ мѣмъхъ ѿ наѣнѣа тѣмъ чѣлѣѣи, мѣи нарѣчѣа вѣа цр҃-
 етѣи нѣнѣа: а ѿже сѣдѣа ѿ наѣнѣа, сѣи вѣа нарѣчѣа вѣа цр҃етѣи нѣнѣа.
 [(ѡз҃нѣа)] Г҃аѣа бо вѣмъа. ѣкѹ ѣже не ѡз҃нѣа паѣа вѣмъа нѣѣа кѣѣи ѿ ѡз҃нѣа. не кѣѣи

Это современный церковнославянский шрифт – печатный вариант древнего устава. Он не очень похож на современное русское письмо, хотя после небольшого обучения его довольно легко читать.

Может быть, мы бы и продолжали использовать эти буквы, этот шрифт и эту орфографию до сих пор, если бы не Петровские реформы, которые вообще, как известно, сильно изменили ход русской жизни. Мы все, конечно, знаем это со школьных лет, но одно дело – абстрактное знание, а другое – когда на конкретных примерах убеждаешься, как эпоха Петра I встряхнула и изменила уклад повседневной жизни. Это касалось всего, в том числе и таких вещей, как письмо и орфография. Именно Петру принадлежит, может быть, решающий вклад в тот процесс изменений русской орфографии, который был запущен в то время и продолжался до XX в. В 1708 г. Пётр лично эту реформу за-

думал и провел; он придавал ей большое значение и сам правил начертания букв. В результате был создан так называемый «гражданский шрифт» или попросту «гражданка». Начало XVIII в. – время, когда, как говорят историки языка, Петровские реформы фактически создали светскую письменность, раннюю норму современного русского языка.

Это была очень глубокая реформа. Пётр издал специальный декрет, разъясняя необходимость этой реформы, и давал, в своей характерной манере, очень точные технические распоряжения: «<...> присланнымъ Галанскія земли, города Амстердама, книжнаго печатнаго дѣла мастеровымъ людемъ <...> тѣми азбуками напечатать книгу Геометрію на рускомъ языкѣ <...> и иныя гражданскія книги печатать темижъ новыми азбуками <...>».

Если это произнести вслух, то всё вполне понятно, хотя в письменном виде выглядит чуть более загадочно, поскольку написано по нормам орфографии того времени. Обратите внимание, что первая печатная книга гражданским шрифтом – это руководство по геометрии, и это совершенно не случайно, это как раз отражает дух петровских реформ.

Что же было сделано? Во-первых, были изменены начертания (внешний вид) букв. Устав (или полуустав, как он стал называться в XVII в.) был заменён на гражданский шрифт. Внешне гражданский шрифт был похож на те буквы на основе латинского алфавита, которые использовались в европейских языках XVIII в., то есть русские и европейские буквы, как сказали бы сегодня, сильно сблизилась по дизайну, и из многих вариативных начертаний были отобраны именно эти; опять же, как сказали бы сегодня, произошла своего рода «глобализация» русской письменности. И Пётр, конечно, делал это сознательно.

Во-вторых, в это время или чуть позже (не буду вдаваться в тонкие детали) ряд букв был упразднён, отказались от надстрочных знаков, которые раньше употреблялись очень широко, примерно в это же время появилась буква э, возникли арабские цифры, формируются правила употребления прописных букв и знаков препинания. Практически всё то, без чего мы сегодня не представляем современное русское письмо, на самом деле в современном или в близком к современному виде возникает именно в это время – в начале XVIII в.

До 1918 г., до той реформы, которую мы обсуждаем, форма и состав русского алфавита более или менее сохранялись. Правила написания немного менялись. Здесь необходимо сделать небольшое терминологическое отступление. Лингвисты различают **графику** и **орфографию**. Графика – это состав букв и их звуковое значение, довольно

простая вещь. Орфография же – это правила перехода от звучащего текста к графическому, то есть правила употребления букв. Это вещь более сложная. В особенности полезно говорить об орфографии, отличая её от графики, когда имеются правила **выбора** из нескольких возможностей, предоставляемых графикой, то есть когда графика позволяет записать одно и то же слово по-разному. Например, русская графика **позволяет** записать слово *сапог* также в виде *сопог*, *сапок*, *сопогк* и т. п. Читать мы это будем совершенно одинаково, правила графики мы не нарушаем. Но мы не можем без нарушений правил русской графики записать то же слово как *запог* или *сыпог* – такие написания ей уже противоречат. А вот орфография **предписывает** из всех этих возможных написаний выбрать то, которое нам со школы привычно: *сапог*. Почему-то **а** в первом слоге, а не **о**, и почему-то **г** на конце слова, а не разные другие согласные. Ответ на вопрос почему именно так, в принципе, имеется, но он не такой короткий, и я его сейчас опускаю. Существенно, что между орфографией и графикой есть принципиальная разница. Русская графика сформировалась давно и, в общем-то, не менялась, а вот русская орфография менялась достаточно сильно.

Тексты XVIII в., после Петровской реформы, демонстрируют очень сильный разноречивый. Все историки и филологи, которые с ними работают, это знают. Люди писали очень по-разному, примерно так же, как сегодня пишут в интернете. Многие сетуют на то, что в интернете каждый пишет, как бог на душу положит, так вот в XVIII в. наши предки писали примерно так же. На неэмоциональном научном языке это называется «высокая орфографическая вариативность», такое вполне бывает во многих языках (и раньше, и теперь).

Конечно, была тенденция вводить некоторый больший порядок и эту вариативность уменьшать, хотя вплоть до середины, а может быть и до конца XIX в., вариативность оставалась, и в обществе с этим мирлись, особенно в рукописной практике, например, в частных письмах. Вы бы очень удивились, увидев многие рукописные документы даже середины XIX в. Ну вот, например, сохранилась резолюция 1840 г., написанная лично Николаем I, его собственной рукой, на заключении следственной комиссии о дуэли Лермонтова с де Барантом (это та самая дуэль, из-за которой Лермонтова сослали на Кавказ, и много всего в русской литературе вследствие этой дуэли произошло). Лермонтов был заключен под стражу, была комиссия, было следствие, и в конце концов его приговорили к высылке. И на этой резолюции рукой Николая I написано так: *Исполнить сиюднѣже!*

Если это прочесть вслух, то это совершенно современный русский язык, а вот написано с нашей точки зрения немного странно, даже не

всякий юный школьник в интернете так напишет, хотя, в принципе, мог бы. Точки вариативности – слитное / раздельное написание, безударные гласные, окончания прилагательных; для XIX в. такая практика, в общем, нормальна, хотя, конечно, в печатных книгах это слово выглядело бы, скорее всего, не так.

Наведение порядка в сфере орфографии связывается обычно с именем академика Якова Карловича Грота (1812–1893 гг.), замечательного учёного. Он известен как издатель Державина, лексикограф и автор «Справочника русского правописания» (множество изданий с 1885 г.) – наиболее авторитетного вплоть до реформы 1917–1918 гг. Канонический вид дореформенного написания обычно называется «гротовской орфографией». Гимназисты начала XX в. учились писать по Гроту и опирались на его правила. Фактически до Грота последовательно упорядоченных правил русской орфографии не было, Грот нащупал все сомнительные точки, принял решение, навёл порядок, и в начало XX в. русский язык входит с упорядоченным сводом «гротовской» орфографии.

Я. К. Грот ближе к концу жизни

Изложим основные правила «гротовской» орфографии (не все, а только те, где «гротовская» орфография отличалась от современной).

1. Был другим состав букв алфавита. По сравнению с современным, в нём имелись 4 «лишние» буквы (буквы **ѣ** и **ѣ** в тогдашний алфавит в качестве отдельных не входили! Буква **ѣ** иногда использовалась, но считалась вариантом буквы **е**; буква **ѣ** считалась вариантом буквы **и**):

І, і – «и десятиричное» (в алфавите помещалась между **и** и **к**);

Ѣ, ѣ – «ять» (в алфавите помещалась между **ь** и **э**);

Ѣ, ѣ – «фита» (в алфавите помещалась после **я**);

Ѣ, ѣ – «ижица» (в алфавите помещалась после **Ѣ**).

У нас **я** – последняя буква алфавита, а в то время после **я** в алфавите были ещё две буквы – фита и ижица. У гимназистов была известная поговорка «фита да ижица – к розге близится»: орфография тяжело давалась нашим предкам, это отражено в фольклоре. Кто дошёл до этих двух последних букв, того ждёт розга за все те ошибки, которые он до этого сделал.

2. Существовали иные правила написания буквы **Ѣ**. Твёрдый знак, или **ер**, писался по-другому, гораздо чаще, чем сейчас.

3. По-другому писались некоторые окончания прилагательных, некоторые приставки, а также немного по-другому употреблялся дефис.

Это всё касается разных точек русского письма, но всё описывалось правилами «гротовской» орфографии.

1) Употребление буквы **і**:

а) перед гласной буквой (и буквой **ѣ**, поскольку она считалась вариантом гласной буквы) вместо **и**: *триада, сиять, Россія, июль, тихій*; исключение – сложные слова (*пятиугольный*), приставки *наи-* и *ни-* (*наиострѣйшая, ниоткуда*);

б) в слове *міръ* 'Вселенная' в отличие от *миръ* 'отсутствие войны, покой'.

Омонимы *міръ* 'Вселенная' и *миръ* 'отсутствие войны, покой' графически различались. В зависимости от значения слова выбирался тот или другой вид буквы. Что имел в виду Л. Н. Толстой, говоря о войне и мире в своем знаменитом романе? Войну и отсутствие войны. И если так, то в его названии писалось **и** восьмеричное, как мы и сейчас пишем: «Война и миръ». Почему-то значительная часть наших современников убеждена в том, что на самом деле в этом названии писалось **і** (десятиричное, с точкой). Это такое тайное знание, которое люди шепотом передают друг другу. Но в таком случае Л. Н. Толстой имел бы в виду довольно странное сочетание смыслов – «война и вселенная». В принципе, можно было бы, конечно, так назвать роман, но когда сам Лев Николаевич рассказывал о нём по-французски, он называл его «*La guerre et la paix*», то есть *мир* в значении 'отсутствие войны', поскольку во французском языке эти слова звучат по-разному. Да и на все

прочие европейские языки название переводится именно так и, безусловно, Л. Н. Толстой имел в виду именно эту пару антонимов. Правда, есть одно-единственное дореволюционное издание «Войны и мира», где на обложке имеется **і**. Это – ошибка наборщика. Все остальные издания (а их было много), и все остальные тома даже в том самом издании имеют в названии то **и**, которое положено. Любители конспирологии обычно ссылаются на тот единственный том с опечаткой. Но никаких сомнений быть не должно, роман Л. Н. Толстого назывался «Война и мир».

А вот Владимир Маяковский, когда написал в 1916 г. поэму, назвал её «Война и мирь», скаламбурил, отталкиваясь от названия романа Л. Н. Толстого. В современной русской орфографии эту игру слов нельзя передать, и современный читатель склонен думать, что Маяковский просто взял ставшее известным название, но, как видите, это не совсем так.

2) Буква **ѳ** писалась в греческих словах на месте греческой **θ** [в латинской передаче **th**] по чисто этимологическому принципу: что в греческом, то и в русском. Получалось: *анаѳема, арифметика, диѳирамбъ, кафедра, логариѳмъ, марѳонъ, миѳъ, орѳографія, риѳма, скиѳъ, эѳиръ, эѳіопъ, ѳиміамъ, ѳита*. То есть некоторое знание этимологии, знание греческого языка, даже поверхностное, фиту писать очень помогает. Фита употреблялась и во многих собственных именах, поскольку наши собственные имена в основном греческого происхождения (или древнееврейского, но тоже пришедшие через греческий): *Агаѳья, Аѳанасій, Варѳоломей, Марѳа, Тимѳеѳ, Ѳекла, Ѳеодоръ, Ѳома*... Если помнить, что Фёдор – это в других языках Теодор, а Марфа – это Марта, если активизировать знание разных иностранных языков, то правильно писать фиту не очень трудно, но всё равно такие слова нужно в конечном счете запоминать.

3) Совсем редкая буква «ижица» **ѵ** соответствовала греческой букве «ипсилон» **ι** и употреблялась в XX в. на её месте всего в нескольких греческих словах, прежде всего, в слове *мѵро* (ср. *однимъ мѵромъ мазаны*) и ещё в некоторых словах, в основном, церковного обихода: *вподіаконъ, впостась* и т. п.

В XX в. ижица сама собой практически исчезла в большинстве слов. В реформа 1918 г. она даже не упоминается, но после реформы её просто перестали писать.

4) Твёрдый знак **ѣ** (ер) на конце слова отражает древний редуцированный гласный, который стал исчезать в древнерусском языке уже в конце XII в., но на письме он сохранялся долго. На конце слова он писался потому, что 800–1000 лет назад произносился соответствующий

звук. По правилам «гротовской» орфографии, эта буква писалась после всех согласных (но не после **й**, потому что это не согласная буква!), в том числе после шипящих, если после них не требовалось писать мягкий знак (**ь**). А мягкий знак после шипящих писали примерно так же, как мы пишем сейчас, здесь орфография не поменялась. Например, *сонь*, *мячь*, *врачь*, *плющъ*, *плюшь*, *ужъ*. Более симметрично различались некоторые омонимы (*плачь Ярославны* ~ *плачь, Ярославна!*), но, правда, их и часто путали. Некоторая тонкость состоит в том, что концом слова считалась и позиция перед дефисом: *Санктъ-Петербургъ*, *штабсъ-капитанъ*, *изъ-за горъ*, *какъ-то разъ*. С формальной точки зрения это, конечно, не конец слова, но эта позиция тоже к букве **ъ** чувствительна.

5) Теперь перейдём к употреблению буквы **ѣ** (ять), самому сложному месту «гротовской» орфографии. С исторической точки зрения эта буква пишется, в основном, на месте древнерусского гласного звука, произносившегося примерно как [ie]. Эта буква была нужна, потому что она передавала особый звук. Древнерусское письмо было очень точным, и лишних букв в нём практически не было. Произносили разные звуки на месте /е/ и /ѣ/ примерно до XIV в., потом произношение изменилось, а написание сохранилось. Это называется «этимологический принцип написания». В современном русском языке в безударной позиции звуки, обозначавшиеся буквами **е** и **ѣ**, совпали полностью, а под ударением они совпали в позиции перед мягкими согласными. Под ударением перед твёрдыми согласными и в позиции на конце слова, вообще говоря, эти звуки не совпали, потому что /е/ перешло в /о/, а /ѣ/ стала произноситься как /е/. Например, др.-русс. *сель* (> совр. *сѣл*) ~ *стѣль* (совр. *сел*), но *олень* (совр. *олень*) ~ *лѣнь* (совр. *лень*). Пара слов *сел* ~ *сѣл* на письме различается и сегодня (если мы поставим две точки над **ѣ**), но в «гротовской» орфографии она различалась по-другому, а *олень* и *лень* различаются чисто этимологически, потому что произношение совпадает.

Было примерно 120 корней и несколько падежных окончаний, где писалась буква **ѣ**, их надо было запоминать. Надо сказать, что различие в произношении /е/ и /ѣ/ в некоторых русских диалектах существует до сих пор, и есть свидетельства того, что вплоть до начала XVIII в., ещё в эпоху Ломоносова, были какие-то намёки на различие /е/ и /ѣ/ даже в Москве, хотя достоверность этого сейчас проверить трудно.

В других славянских языках на месте этих букв могут быть разные звуки. Скажем, на месте этимологического **ѣ** в болгарском и польском часто возникает **я**, в хорватском **ije** (примерно так, как и в древнерусском), в украинском **i**. Например, в корне слова *бѣлый* в «гротовской»

орфографии пишется **Ѣ**, а в болгарском этот корень выглядит как *бял*-, по-польски *bial*-, по-хорватски *bijel*-, по-украински *біл*-. Если вы знаете какие-то славянские языки, это тоже отчасти помогает. Но в целом написание буквы **Ѣ** надо просто запомнить, другого способа нет, и с этим связано множество мучений дореволюционных школьников. Но всё-таки есть и некоторые общие принципы.

Первый основной принцип состоит в том, что если в современном языке перед твердой согласной под ударением (в исконно русском слове!) произносится /e/ (а не /o/), то с большой вероятностью (впрочем, не стопроцентной) на месте современного **е** должен писаться **Ѣ**: *пѣна, стѣна, бѣлый, рѣзкій, лѣкарство*. Мы пишем *сестра, медовый, ведро, колесо*, потому что произносим *сѣстры, мѣд, вѣдра, колѣса*: раз в произношении появляется /o/, значит, буква **Ѣ** не должна писаться. Слова *коллега, метрѣ, текстѣ, спеціальный* мы пишем через **е**, потому что это заимствования, причём удачным образом такие яркие, опознаваемые заимствования: мы понимаем, что *коллега* и *текст* – не исконно русские слова, а в таких словах всегда писалась **е**.

К сожалению, из этого принципа есть немало исключений, причём в обе стороны. Например, слова *звѣзда, гнѣздо, сѣдло, цвѣтъ, приобрѣтъ* пишутся через **Ѣ**, хотя под ударением будет **ѣ** (*звѣзды, гнѣзда, сѣдла, цвѣл, приобрѣл*). Это – исключения. Исторически там действительно был **Ѣ**, но произношение нерегулярным образом изменилось (в истории языков такое бывает). Мы должны были бы говорить *звезды*, но вот говорим почему-то *звѣзды*.

С другой стороны, в словах *небо, чудеса, брегъ, бредъ* и многих других почему-то, несмотря на произношение, везде пишется **е**. На самом деле это слова тоже заимствованные, но только не из европейских языков, а из церковнославянского, и как церковнославянизмы они сохраняют исконное **Ѣ**, которое в церковнославянском произношении в /o/ не переходило (ср. русскую форму *нѣбо*, церковнославянизм *чудеса* ~ *чудесный*, но русское *колесо* ~ *колѣса* и т. д.).

В некоторых европейских заимствованиях, тем не менее, всё-таки пишется **Ѣ**: *Вѣна* (столица Австрии), но *вена* (по которой течёт кровь). Кроме того, не про всякое слово понятно, что оно заимствование, это всё-таки такое довольно специальное знание. Например, есть два похожих слова *клевер* и *север*, и так вот с ходу обычный человек не скажет, какое слово заимствованное, а какое – нет. На самом деле *клевер* – заимствование, а *север* – это исконно славянское слово, и пишутся они соответственно: *клеверѣ* и *сѣверѣ*. Таким образом, основной принцип помогает, но не очень сильно, расслабляться нельзя. Ну и существуют слова типа слова *хлѣбъ*, про которое историки языка вам скажут, что

Как можно видеть, запомнить всё это нелегко, поэтому приходилось сочинять мнемонические стихи, их было довольно много, и гимназисты ими пользовались:

Бѣлый, блѣдный, бѣдный бѣсъ
Убѣжалъ голодный въ лѣсъ.
Лѣшимъ по лѣсу онъ бѣгалъ,
Рѣдкой съ хрѣномъ пообѣдалъ
И за горькій тотъ обѣдъ
Даль обѣтъ надѣлать бѣдъ...

Вѣдай, братъ, что клѣтъ и клѣтка,
Рѣшето, рѣшетка, сѣтка,
Вѣжа и желѣзо съ ять, —
Такъ и надобно писать...

Вѣтеръ вѣтки поломаль,
Нѣмецъ вѣники связаль,
Свѣсилъ вѣрно при промѣнѣ,
За двѣ гривны продалъ въ Вѣнѣ...

Днѣпръ и Днѣстръ, какъ всѣмъ извѣстно,
Двѣ рѣки въ сосѣдствѣ тѣсномъ...

Кто тамъ гнѣвно свирѣпѣть?
Крѣпко сѣтовать такъ смѣть?

Наши вѣки и рѣсницы
Защищаютъ глазъ зѣницы,
Вѣки жмурить цѣлый вѣкъ
Ночью каждый человѣкъ...

Птичьи гнѣзда грѣхъ зорить,
Грѣхъ напрасно хлѣбъ сорить...

И так далее, это ещё далеко не весь список, но в совокупности эти стихи, в общем, покрывают все 120 корней. Школьники учили их наизусть. Например, моя бабушка, которая дожила до девяноста с лишним лет, их помнила, даже к концу жизни повторяла: «Вот нам в гимназии такое задавали учить — *возлѣ, нынѣ, подлѣ, послѣ, вчужѣ, въявь, вкратцѣ, вскорѣ...*». Так что это крепко врезалось в память (кстати, в слове *крѣпко* тоже пишется **ѣ**, но тут как раз в соответствии с основным принципом).

Мы говорили о корнях, теперь – некоторые окончания. Предложный и дательный падежи, в отличие от именительного и винительного, писались через **ѣ**: *уплыть въ море* (куда?), но *купаться въ морѣ* (где?), *мнѣ, тебѣ* (но меня, тебя), *къ / на травѣ* (но въ пѣньи), *чѣмъ* (но о чемъ), *съ кѣмъ, тѣ, всѣ* (но вотъ это все), *всѣмъ, всѣхъ, двѣ, обѣ, обѣихъ...*

В регулярных окончаниях сравнительной и превосходной степени тоже писался **ѣ**: *быстрѣе* (и *быстрѣй*), *быстрѣйший* (но *тише, глубже, меньше* – старая нерегулярная форма сравнительной степени писалась с буквой **е**).

Чтобы различить местоимения *все* и *всѣ*, нам приходится ставить две точки, а до реформы в этом месте писались разные буквы, и эти слова легко различались. Есть известная проблема, почти такая же известная, как орфография названия «Война и мир». У А. С. Грибоедова в комедии «Горе от ума» есть такая строчка: *Все / Всѣ врутъ календары!* И то, и другое по смыслу возможно, более того, значит примерно одно и то же: либо «нет такого календаря, который правдив», либо «всѣ, что сказано в любом календаре, – неправда». Но тем не менее, что имел в виду Грибоедов? Наверное, нужно найти дореволюционное издание и посмотреть? Нашли, посмотрели и обнаружили, что встречается и тот, и другой вариант, то есть с полной достоверностью судить о том, что имел в виду Грибоедов, нельзя. Так что даже старая орфография здесь не помогает.

Ещё немного о грамматике. Буква **ѣ** употреблялась в качестве тематической гласной глаголов на **-ѣтъ** во всех формах глаголов и образованных от них существительных: *имѣть, имѣеть, имѣль, имѣніе*. Но не в существительных на **-еніе**, образованных от других глаголов, в этом случае пишется **е**: *чтеніе, везеніе* и т. п., потому что нет глагола **чтеть*, а есть глагол *читать*, нет глагола **везеть*, а есть *везти*.

Буква **ѣ** писалась также в большинстве предлогов и наречий: *вмѣстѣ, кромѣ, возлѣ, послѣ, вездѣ, нынѣ, гдѣ, внѣ* (но *нынче, прежде, теперь*).

Приставка **нѣ-** со значением неопределенности тоже писалась через **ѣ**: *нѣкто, нѣчто, нѣкій, нѣсколько, нѣкогда* ('когда-то'). Но в значении отрицания, как и в современном языке, пишется **е**: *не знаетъ, не навидитъ, негдѣ, не за что, не съ кѣмъ, некогда* ('нет времени'). Правда, слово *нѣтъ* пишется через **я**.

Особые случаи употребления буквы **ѣ** – в формах женского рода типа *они ~ онѣ, одни ~ однѣ* (и *однѣхъ, однѣмъ, однѣми*). *Они* – это мужчины, а *онѣ* – это женщины, то же самое *одни ~ однѣ*. Окончания здесь довольно рано совпали в произношении, хотя могли и различать-

ся, особенно в высоком торжественном стиле. Все помнят пушкинские строки:

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снѣгъ... Навстрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаютъ однѣ...

В позиции рифмы мы часто видим, что это различие используется у поэтов, таких примеров много.

Существует выражение *знать на ять*, которое до сих пор используется; оно теперь должно быть вам более понятно: *знать на ять* – это знать что-то так же досконально, как все правила правописания буквы **ѣ**.

Многие помнят знаменитую поговорку *писать корову через ять* или (чуть более редкий вариант) *писать собаку через ять*. На самом деле она восходит к замечательному тексту, цитата из которого приводится ниже:

Кто не знаетъ буквы ять, буквы ять, буквы ять?
Только гдѣ ее писать, гдѣ писать, да!
Вотъ вопросъ извѣчный, вопросъ извѣчный,
Вѣдь неудобно же, конечно,
Писать собаку черезъ ять!

Это текст комической оперетты, которая называлась «Ивановъ Павелъ. Фантастическая опера съ превращеніями, провалами и апопееозомъ». Некие С. М. Надеждин и В. Р. Раппапорт сочинили её в 1915–1916 гг., прямо накануне революции. Не самое, конечно, весёлое время, но это был замечательный текст, который сразу же разошёлся на цитаты. Когда мы вспоминаем про пифагоровы штаны, которые во все стороны равны (как и массу всего другого), мы цитируем именно «Иванова Павла». Герой этой оперетты – гимназист Иванов Павел (именно так он себя называет), которому не даются никакие школьные предметы, и он очень страдает на протяжении всего действия, его мучения всячески обыгрываются. Разумеется, русское правописание ему тоже не даётся. Вот так выглядела подлинная афиша этого спектакля:

ИВАНОВЪ ПАВЕЛЪ.

Фантастическая опера съ превра-
щеніями, провалами и апофеозомъ.

Соч. С. М. Надеждина и В. Р. Раппапорта.

Репертуарная Петроградскаго Троицкаго Театра

(3-й сезонъ).

20-я ТЫСЯЧА.

Авторскія права охран. закон. 20 Марта 1911 г.

Цѣна 1 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

ПРИ

ПЕТРОГРАДСКОМЪ ТРОИЦКОМЪ ТЕАТРѢ

Дирекція А. М. ФОКИНА.

Петроградъ, Троицкая, 18.

Судьбу авторов, и Надеждина, и Раппапорта, историкам удалось проследить. Они довольно долго жили, по-разному сложилась их судьба, но оба умерли, кажется, своей смертью, что для людей их поколения удивительно.

б. Кроме буквы **ѣ** были ещё некоторые отличия «гrotовской» орфографии от современной. Безударные окончания мужского / среднего рода единственного числа у прилагательных на *-ѣ* писались *-аго* или *-яго* (по общим правилам написания *а / я*, в том числе после шипящих): *добраго, лучшаго, нижняго, горячаго, самаго*, но (под ударением) *большо́го, живо́го, само́го, тако́го*, а также *того́, этого́*. Это чистый церковнославянизм, никакой причины так писать русские прилагательные нет, но эта непоследовательность до реформы сохранялась.

7. Во множественном числе у прилагательных на письме различался род. Именительный / винительный падеж у слов множественного числа мужского рода имел окончания *-ые / -ие*, а у слов женского и среднего рода – окончания *-ья / -ия*: писали *темные глаза*, но *темные ночи / небеса*. Опять же, правило чисто орфографическое, в произношении это, скорее всего, не отражалось (хотя филологи об этом спорят), но на письме род полагалось последовательно различать. Казалось бы, ничего страшного, но в русском языке есть так называемые слова *pluralia tantum* типа *сани*, и возникает каверзный вопрос – а они-то какого рода? Ведь во множественном числе у русских существительных род, вообще говоря, не различается! Какое нужно писать окончание – *большие сани* или *большія сани*? Как это определить? Бедные гимназисты должны были запоминать и это. На самом деле *сани* оказываются не мужского рода, а женского или среднего, поэтому писали *новые брѣюки / часы*, но *новыя сани / ножницы*.

8. Дальше речь пойдёт не о чистой орфографии, а скорее о произношении, например, окончание *-ой* в безударной позиции в именительном падеже единственного числа у прилагательных мужского рода (*тихий / тихой часъ*). И родительный падеж единственного числа у прилагательных женского рода мог иметь окончание *-ья / -ия*. Это тоже церковнославянизм, который употребляется обычно в высоком стиле, но такая форма довольно часто встречается у поэтов. Возьмём известные пушкинские строки:

И вы забыты мной, изменницы младыя,
Подруги тайныя моей весны златыя <...>

Здесь все окончания выглядят необычно: *изменницы младыя*, поскольку это множественное число женского рода, *подруги тайныя* – тоже, а вот *весны златыя* – это форма родительного падежа (*золотой весны*), церковнославянская форма, очень хорошо звучит в этом контексте, хорошо вплетено в ткань стиха, и очень органично у Пушкина употребляется. Современная орфография, конечно, немножко искажает вид этих строк.

С возможностью употребления такой формы иногда связаны непростые проблемы. Вот известные строки Блока, которые тоже все помнят:

Россія, нищая Россія,
Мнѣ избы сѣрья твои,
Твои мнѣ пѣсни вѣтровыя, –
Какъ слезы первыя любви!

Если мы напишем так и посмотрим глазами человека начала XX в., то увидим, что Блок мог иметь в виду в последней строчке два понимания: *слезы первая любви* – это либо «первые слёзы любви» (именительный падеж множественного числа женского рода), и современный читатель только так и понимает, потому что в современных изданиях Блока мы читаем, конечно же, «*как слёзы первые любви*», либо – второе понимание – «слёзы первой любви», родительный падеж единственного числа женского рода, в высоком регистре. И надо сказать, что по смыслу это понимание более вероятно. Что значит «первые слёзы любви»? А вторые слёзы любви нам не дороги? Как-то не очень понятно, зачем их считать. А «слёзы первой любви» – это, конечно, понятно, и скорее всего Блок имел в виду именно это. Современная орфография не считается с этой двусмысленностью.

9. Различались формы именительного и родительного падежа у местоимений женского рода: *вижу ее / надъюсь на нее* (винительный падеж), но *избѣгаю ея / страдаю отъ нея* (родительный падеж). Произносится одинаково, но пишется по-разному. Но иногда (в высоком регистре) и произносится тоже по-разному:

И сладкій трепеть, какъ струя,
По жиламъ пробѣжалъ природы,
Какъ-бы горячихъ ногъ ея
Коснулись ключевыя воды.
(Ө. И. Тютчевъ, 1828)

Тютчев здесь и пишет, по тогдашнему правилу, *ея*, и произносит, судя по рифме, именно так, как написано.

10. Приставки *без-* и *чрез-* / *через-* всегда пишутся с конечным *з*: *безполезный, черзчуръ*. Остальные приставки сохраняют *з* только перед *с*: *разсказъ, возсіялъ, изсякъ*. В современных правилах это поменялось, но не полностью. Мы сегодня пишем в этих случаях *с*, хотя ожидалось бы, что будем писать всюду *з*, как в других случаях (мы же одинаково пишем приставку, например, в словах *подставить* и *подбросить!*), но почему-то было принято именно такое решение. Это самая странная часть орфографической реформы, и её противники говорили, что «вот, расплодили большевики бесов повсюду» (впрочем, о большевиках пойдет речь чуть позже). Хотя слово *бѣсъ*, как вы помните, писалось через *ѣ*, правда, в старой орфографии.

Теперь можно себе представить, чем была дореформенная орфография и насколько сильно она отличалась от современной. Посмотрите, как выглядит небольшой законченный текст в дореволюционной орфографии:

Георгій Ивановъ

О, высокъ, весна, высокъ твой синій теремъ,
Твой душистый клеверъ полевой.
О, далекъ твой путь за звѣздами на сѣверъ,
Снѣжный вѣтеръ, бѣлый вѣтеръ твой.

Вьется голубокъ. Надежда улетаетъ.
Катится клубокъ... О, какъ земля мала.
О, глубокъ твой снѣгъ, и никогда не таетъ.
Слишкомъ мало на землѣ тепла.

Для поэзии, конечно, существенно, что чисто эстетически текст выглядит по-другому: буква **Ѣ** задаёт другой рисунок строки, слова становятся немного длиннее из-за обязательного твёрдого знака на конце. Конечно, наши предки привыкли именно к такому графическому виду слов, особенно поэты, потому что для поэта существенно всё, особенно для хорошего поэта: и как слово звучит, и как оно выглядит, и как оно смотрится в строке.

С другой стороны, к концу XIX в. русское общество страшно устало от буквы **Ѣ** и прочих особенностей старой орфографии. И когда Грот всё упорядочил и привёл в систему, в той степени, в какой это было возможно, люди увидели, насколько эти правила всё-таки сложны и непоследовательны. Конечно, это никому особенно не нравилось. Разговоры о том, что надо бы орфографию упростить, начались почти тогда же, когда орфографические правила были Гротом канонизированы (если не раньше). Хотя грамотность в то время была не так широко распространена в русском обществе, в конце XIX в. грамотных уже становилось всё больше, на это влияла и отмена крепостного права, и появление земских школ. Постепенный рост грамотного населения, в первую очередь, среди «низов», привёл к тому, что неудобство русской орфографии стало ощущаться, так сказать, демократически мыслящими людьми. Разночинцы, школьные учителя, вообще интеллигенция, близкая к народу, – все эти круги очень любили говорить о том, что русская орфография нуждается в реформе.

От разговоров перешли к делу: была создана Орфографическая подкомиссия при Императорской Академии наук, деятельность которой была особенно интенсивна в начале XX в. Очень большую роль в работе Орфографической подкомиссии играл академик Алексей Александрович Шахматов (1864–1920 гг.), крупнейший русский лингвист, один из ведущих исследователей древнерусского языка в то время. По своим политическим взглядам А. А. Шахматов был либералом, он входил в партию кадетов, одну из наиболее либеральных партий того

времени, и не случайно кадеты (либеральные профессора, университетская интеллигенция, преподаватели) широко пропагандировали необходимость орфографической реформы. Именно А. А. Шахматов эту реформу возглавил, и в 1904 г. был готов её проект.

В этот момент русское общество вступило в период некоторой турбулентности: революция, русско-японская война... Стало не до реформы. Но, вообще говоря, реформа была поддержана, общество было скорее за неё, вплоть до того, что в 1912 г., когда ситуация немного успокоилась, стали печатать отдельные издания по новой орфографии. Этот факт мало известен, но уже с 1912 г. выходили книги, особенно научные, изданные без ятя и твёрдого знака на конце. Их было немного, но встречались они обществом вполне благосклонно. Более того, многие люди в своей повседневной письменной практике твердый знак на конце просто не писали. Если работать с перепиской людей того времени, можно легко увидеть, что некоторые положения будущей реформы стихийно и почти повсеместно уже применялись.

Ощущение, что принятая в то время русская орфография громоздка и неудобна, в обществе было довольно распространенным. Хотя, конечно, была и консервативная оппозиция, и в результате официально провести реформу не решились. Были и соображения «за» (для школьного обучения удобнее, писать проще), и соображения «против» (прежде всего, это слишком сильный разрыв с предшествующей традицией: «наши деды учились, наши отцы учились, мы учились писать по-старому, и наши дети научатся, ничего страшного») – в общем, обычные колебания капризного общественного мнения.

Ситуация изменилась после революции, когда к власти пришло Временное правительство, а оно состояло, в основном, из кадетов, которые и были главными сторонниками реформы. Реформу немедленно официально утвердили. Официально орфографическая реформа была делом рук Временного правительства, и произошла она **в мае 1917 г.** Что было дальше с этим декретом Временного правительства? Ровно то же, что и с остальными его декретами: его никто не собирался исполнять. Это известная проблема 1917 г. – полный паралич власти, деградация государственных институтов. Реформу торжественно провозгласили, а журналы, газеты, книги продолжали печататься по старой орфографии.

Временное правительство, как мы знаем, продержалось (по этой и другим причинам) недолго, и сменившие его большевики издали ещё один декрет. Народный комиссар просвещения А. В. Луначарский **в декабре 1917 г.** подтвердил декрет Временного правительства. Большевики ничего нового в этом смысле не придумали и ничего не меня-

ли. Подтвердив декрет о реформе орфографии, они считали, что идут навстречу народу. Но и с этим декретом (на этот раз – новой власти) произошло то же, что и с предыдущим: никакого немедленного воздействия на общество он не оказал, разве что газета «Известия» стала выходить в новой орфографии, без буквы **ѣ** в названии. Но большевики относились к таким вещам иначе, чем Временное правительство. Когда они увидели, что декрет издан, а его никто не исполняет, они стали действовать по-большевистски.

Примерно через год, **15 октября 1918 г.**, они издали ещё один «Декрет о введении новой орфографии», и тут уже приступили к репрессиям: новая власть окрепла и стала показывать зубы и когти. Прimenялись разные кары, но самой простой и эффективной мерой было банальное изъятие из наборных касс соответствующих литер, например, буквы **ѣ**. Доходило до того, что **ѣ** тоже изымали, а он всё-таки был нужен, слова *подъезд* или *съезд* продолжали писаться с твёрдым знаком, но вместо него вынуждены были писать апостроф (').

Примерно с 1919 г. новая орфография стала обязательной на той территории, которая контролировалась советской властью. Но надо твёрдо помнить, что эта реформа была подготовлена наиболее квалифицированными филологами России начала XX в., поддержана либеральным обществом того времени и проведена в жизнь Временным правительством. Те, кто утверждают, что это большевистская реформа (как правило, добавляя, что это большевики намеренно погубили русский язык), не учитывают всех этих обстоятельств. Реформа изначально возникла в либеральных слоях русского общества, общество её приветствовало, и даже на законодательном уровне её изначально провели совсем не большевики.

Другое дело, что большевики использовали реформу для того, чтобы противопоставить себя предыдущей эпохе. Это получилось, может быть, даже отчасти бесконтрольно, но очень ярко и выпукло. Так что в сознании общества орфографическая реформа очень прочно оказалась связана именно с большевиками и тем самым оказалась в сильнейшей степени политизирована, что всегда плохо. Спокойному разговору о том, нужна была такая реформа или не нужна, помогает она или нет, такая политизация очень мешает даже сегодня, тем более она мешала современникам, потому что современники на этой почве буквально сошли с ума. Когда они осознали эту амальгаму между новой орфографией и большевиками, можно представить, какая последовала реакция, причём с обеих сторон. Вот листовка Врангеля, 1920 год:

Приказъ Правителя и Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи.
20-го Мая 1920 года. № 3226. г. Севастополь.

Русская Армія идетъ освобождать отъ красной нечисти Родную землю.

Я призываю на помощь мнѣ Русскій Народъ.

Мною подписанъ законъ о волостномъ земствѣ, и возстановляются земскія учрежденія въ занимаемыхъ Арміей областяхъ.

Земля казенная и частно-владѣльческая сельско-хозяйственнаго пользованія распоряженіемъ самихъ волостныхъ земствъ будетъ передаваться обрабатывающимъ ее хозяевамъ.

Призываю къ защитѣ Родины и мирному труду русскихъ людей и общаю прощеніе заблудшимъ, которые вернутся къ намъ.

Народу — земля и воля въ устроеніи государства!

Землѣ — Волею народа поставленный Хозяинъ!

Да благословить насъ Богъ!

Генераль Врангель.

Видно, что Белая Россия (Бѣлая Россія!) и буква ять — это одно и то же (что изначально, конечно, совершенно не так).

И вот листовка о борьбе с Врангелем по новой орфографии. Чувствуется другой мир, другой лексикон. Там — красная нечисть, здесь — белые банды; гражданская война в разгаре, русские и украинские рабочие в едином порыве и с новой орфографией борются со старой Россией...

Всем организациям Р. К. П.

Белогавардейские банды мятежника генерала Врангеля продолжают держаться на юге России. В самый тяжелый момент борьбы рабочих и украинских рабочих и крестьян с польской шляхтой генерал Врангель вел свои войска в самые плодородные угодья Украины и пытается ныне прорваться на Дон. Его движение уже нанесло неисчислимый вред Советской республике. Каждый даже временный и незначительный успех Врангелевских мятежников грозит еще большими бедами. Хлеб, уголь и нефть, предназначенные для спасения рабочих и крестьян России, кахалются под угрозой. Днепропетровский, Дон и Кубань, кровью лучших сынов трудового народа освобожденные от Деникинщины, находятся под ударами Врангеля. В глубоком тылу Красной армии, победоносно продвигавшейся на западном фронте, белогавардейские банды производят разрушения и грозят сделать ближайшую зиму не менее тяжелой, чем зима 1919 г.

Победа над Польшей не будет действительной победой, если Врангель не будет разгромлен: наступление Врангеля есть только часть польского наступления.

На Крымском фронте мы теперь распахиваемся только за то, что зимой не добились остатков деникинской белогавардейщины. Голод, разруха, транспорта, разбитая земля будут длиться дальше потому, что в свое время не было проведено достаточно энергично, настойчиво, с решительностью и доведением до конца уничтожения старой контр-революции.

Долго молчать нельзя! Врангель должен быть уничтожен, как уничтожены были Колчак и Деникин!

Большим преступлением каждого коммуниста в каждой рабочей организации будет, если она не употребит всех сил, чтобы немедленно прекратить продвижение Врангеля и уничтожить крымско-белогавардейскую Россию.

Партия должна понять, что если Врангель удержит, то вся Россия, то есть вся страна, будет в опасности.

Вот ещё довольно известный текст, он часто воспроизводится в интернете — объявление красного коменданта города Одессы, где вместо твёрдого знака использован апостроф:

ОБЪЯВЛЕНИЕ № 2

Коменданта гор. Одессы и Порта,

27-го апреля 1919 г., город Одесса.

Предлагаю гражданам города Одессы в случаях нападения на квартиры бандитов немедленно звонить по телефонам №№ 8-11, 57-81 и 6-21, куда немедленно мною будут высланы имеющиеся в моем распоряжении вооруженные силы для ликвидации грабежей, также обращаться в случаях обысков и арестов ночью для установления правильности таковых.

Комендант гор. Одессы и Порта **Домбровский.**

А вот Карл Каутский, известный социал-демократ (которого, если помните, Шариков читал), написал книгу:

Каутскому очень не понравились большевики и русская революция, он пришёл от их практики в ужас, сказал, что это противоречит теории и что немецкие социал-демократы хотели вовсе не этого. И перевод его книги был издан в Берлине по всем правилам старой орфографии. Каутский был очень известен, признан во всех лагерях, и его противники с ним считали нужным полемизировать, конечно, в своеобразной для большевиков манере (все советские граждане помнят сочинение Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский»). И Лев Троцкий тоже не остался в стороне, он написал брошюру, где с Каутским полемизировал в том духе, что, мол, в теории-то рассуждать легко, а ты поди попробуй реально поуправляй такой страной, как Россия... Брошюра – полемически – называется так же, как у Каутского, но орфография другая:

Л. ТРОЦКИЙ
ТЕРРОРИЗМ
и
КОММУНИЗМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ
1-9-2-0

Опять же, два мира – две орфографии (и, кстати, разные шрифты, хотя оба издания одного времени, это 1920 год).

Так что, конечно, политизация орфографии была колоссальной. И вплоть до Второй мировой войны русская эмиграция, по понятным причинам, пользовалась старой орфографией. Только после войны положение постепенно изменилось.

Если забыть о политике, хотя это бывает трудно, можно попробовать посмотреть на реформу абсолютно нейтральным взглядом. Что реально изменилось в русских текстах? Констатировать можно следующее:

- Произошло уменьшение длины слов из-за исчезновения твёрдого знака в конце слова. Уменьшение оказалось довольно существенным, даже подсчитывали, как много бумаги экономится при новой орфографии.

- Почти полностью исчезли этимологические написания, то есть те, которые надо было запоминать. В этом смысле, с научной точки зрения, орфография стала более последовательной.

- Были устранены устаревшие, ничем не мотивированные написания грамматических морфем типа *-аго* в прилагательных.

- Непоследовательное написание приставок почему-то было сохранено: *исчезнуть*, *бессмысленный* надо было бы, конечно, писать *изчезнуть* и *безсмысленный* – точно так же, как мы пишем, например,

подтолкнуть. Почему А. А. Шахматов, будучи действительно очень хорошим лингвистом и в целом правильно понимая задачу реформы, так решил – загадка.

– Упразднив букву Ѣ, создатели новой орфографии не обратили внимания на то, что в некоторых случаях е и Ѣ всё-таки в произношении различаются (как в случае *сель* и *сьль*). Надо было либо это различие обозначить последовательно каким-то образом, либо не отмечать Ѣ в этом случае. Не было сделано ни того, ни другого, и появилось новое «узкое место» в современной орфографии, хотя и не такое, может быть, драматическое, как в случае с буквой Ѣ. Но был нарушен основной принцип русской орфографии – принцип **единства графического вида морфем**: мы пишем гласную так, как произносим её под ударением (*стена* ~ *стены*, *вода* ~ *воды*). Из этого правила есть ряд исключений, и употребление буквы Ѣ – самое бросающееся в глаза. Мы пишем *весна* ~ *вёсны*, *заря* ~ *зори*, хотя в соответствии с этим принципом следовало бы, конечно, писать *зоря* и *вёсна* (или, допустим, *вэсна*, придумав какую-нибудь новую букву, отличную от е), это было бы лингвистически последовательным шагом в реформе русской орфографии, тогда реформа была бы полноценной. Этого сделано не было, она была здесь половинчатой, поэтому вокруг буквы Ѣ такая турбулентность в современном языке: одни её признают, другие – нет, третьи требуют чуть ли ни декретом её ввести и по-большевистски расстреливать тех, кто эту букву не пишет... Точнее всего об этом сказал великий русский лингвист Н. С. Трубецкой ещё в 1921 году в письме Р. О. Якобсону:

По-моему, покойный Шахматовъ большой грѣхъ на душу взялъ, что освятилъ своимъ авторитетомъ новую орѳографію. Особенно съ апострофами («под’емъ» при «дьячекъ») трудно согласиться, да и вообще не многимъ выходить лучше, чѣмъ до реформы: основная проблема состояла въ томъ, что въ кириллицѣ нѣтъ буквы для обозначенія «о послѣ смягченной согласной», а эта проблема и въ новой орѳографіи осталась неразрѣшенной.

– Значительно увеличилось число омографов, что, конечно, в первую очередь бросалось в глаза современникам (*мир*, *миром*, *лечу*, *есть*, *ели*, *лев*, *мелки*, *некогда* и мн. др.). Это довольно большой класс слов, и за это реформу очень сильно ругали, потому что «раньше правописание различало смыслы, а теперь оно их не различает». Но надо сказать, что русский язык и раньше не различал эти смыслы в произношении, так что претензии здесь надо предъявлять в основном не к большевикам, а непосредственно к русскому языку, в котором разные

по смыслу слова почему-то произносятся одинаково. Орфография вообще-то вещь примитивная, она служанка языка, как произносим, так и пишем. Конечно, можно было продолжать по старой памяти какие-то смыслы различать, но вообще-то надо помнить, что никакая орфография не имеет специальной цели различать омонимы, ее цель – некоторым по возможности простым и непротиворечивым образом передавать произношение слов.

Как видите, в реформе есть бесспорно позитивные моменты, есть слабо негативные и есть ряд непоследовательных решений. Но ничего ужасного с рациональной точки зрения в этой реформе нет. В результате писать по-русски действительно стало немного проще, хотя остались некоторые не совсем продуманные группы правил. Однако введение такой реформы всегда означает культурный разрыв с предшествующей эпохой. Это верно для любой орфографической реформы, абсолютно любой. Если бы мы не хотели этого разрыва, мы бы этой реформы не приветствовали, как не решилось не неё русское общество в 1910-е гг. Если мы такой разрыв приветствуем, то реформа нам очень пригодится, и так это и случилось в 1917-1918 гг.

За редким исключением (см. приведённую выше цитату из письма Н. С. Трубецкого), всё, что говорилось современниками по поводу реформы, было политизированными эмоциями. Характерно в этом отношении высказывание И. А. Бунина: «По приказу самого Архангела Михаила никогда не приму большевистскаго правописанія. Ужь хотя бы по одному тому, что никогда человѣческая рука не писала ничего подобнаго тому, что пишется теперь по этому правописанію». Правописание, кажется, не очень виновато, но темперамент Бунина мы знаем...

А вот Вячеслав Иванов, изысканный поэт и тонкий филолог: «<...> измышляютъ новое, на видъ упрощенное, на дѣлѣ же болѣе затруднительное, – ибо менѣе отчетливое, какъ стертая монета, – правописаніе, которымъ нарушается преемственно сложившаяся соразмѣрность и законченность его начертательныхъ формъ, отражающая вѣрнымъ зеркаломъ его морфологическое строеніе». Это цитата из большой статьи Вяч. Иванова про особенности новой орфографии, но, честно говоря, понять, что имеется в виду в этом вдохновенном тексте про «соразмерность и законченность начертательных форм», очень трудно. Видимо, автора, как и многих его современников, раздражало увеличившееся количество омонимов и, как филолога-архаиста, удручало сильно уменьшившееся количество этимологических написаний.

Любимец современных консерваторов Иван Ильин тоже рубит с плеча: «Зачѣмъ всѣ эти искаженія? Для чего это умопомрачающее

снижение? Кому нужна эта смута в мысли и в языковом творчестве?? Ответ может быть только один: все это нужно врагам национальной России. Имъ; именно имъ, и только имъ». Академик Шахматов, конечно, замечательный кандидат во враги «национальной России» – человек, которым России как раз следовало бы гордиться. Интересно, что Ильин это пишет не по горячим следам событий, а в 1950-е гг., когда он уже преодолел увлечение Гитлером и, видимо, решил обратиться к более безобидным предметам (хотя старый бойцовский пыл, как видно, вполне сохранил). Конечно, такого рода эмоциональные риторические упражнения не ведут к истине, это тупиковый путь.

Алармистские рассуждения противников реформы, подобные приведенным выше, довольно сильно повлияли на А. И. Солженицына, что можно увидеть, если прочитать его известные размышления о русской орфографии 1970-х гг.: «Мгновенное и бесповоротное искоренение “ятя” из самой даже русской азбуки привело к затемнению некоторых корней слов, а значит, смысла и связи речи, затруднило беглое чтение. <...> В большинстве случаев эта нивелировка привела к возникновению помешных омонимов, балласта языка. <...> Нивелировка опасно коснулась и падежей, лишая язык точности <...>».

Это рассуждение кажется с лингвистической точки зрения странным, потому что «нивелировка» и омонимия, на которые сетует автор, как раз в языке (в отличие от письменности) неотъемлемо присутствуют. Орфография не может «лишить язык точности», которой в нем изначально нет! Что же касается того, что омонимы – «балласт языка», то это как минимум спорная мысль. Омонимы существуют в любом языке, ни один язык от них не избавлен, и люди прекрасно с этим живут. Более того, иногда даже новая орфография в этом плане кажется адекватнее старой, например, когда речь идет о каламбурах (любому писателю это должно быть близко). Возьмём такой бесхитростный стишок:

Меж кем-то
(Кем – я позабыл)
Когда-то спор
Затеян был.
И вот, ведя
О чём-то спор,
Они пришли
Ко льву во двор:
– О, мудрый Лев!
О, друг и брат!
Скажи, кто прав,

Кто виноват?
Ответил лев,
Глаза продрав:
– Пока я лев,
Никто не прав!
(Вл. Орлов)

Это каламбур, и он очень хорошо выглядит именно в современной орфографии. Что будет, если записать его в дореформенной орфографии?

Отвѣтилъ левъ,
Глаза продравъ:
– Пока я левъ, / – Пока я лѣвъ,
Никто не правъ!

Мы можем выбрать или один, или другой способ записи (*левъ* или *лѣвъ*), но каламбур разрушится в любом случае, а в новой орфографии интрига сохраняется до последней строки. И Вл. Орлов, современный поэт, сочинял, конечно, держа в голове современную орфографию. Так что не всегда омонимы плохи, иногда они – источник дополнительных художественных эффектов. Тем, кто говорит, что новая орфография обеднила русский язык, мы можем возразить, что здесь она его в каком-то смысле обогатила. А главное, что омонимы никто не придумал, они не появились в языке с новой орфографией, а и так изначально в нём были, омонимия – распространенное свойство любого языка, и совершенно ничего страшного не происходит, если те омонимы, которые есть в языке, как омонимы и записываются, то есть никак не различаются орфографически. Более того, в определенных случаях в орфографическом неразличении омонимов есть даже преимущество.

В конце концов современная орфография победила даже в эмигрантской среде: поколения, учившиеся по дореволюционным учебникам, постепенно ушли, а новые поколения уже совсем иначе воспринимали тексты в новой орфографии (которых к тому же за это время появилось несопоставимо больше, чем текстов в старой орфографии, включая многочисленные переиздания дореволюционных текстов). Исключения есть, но их не много.

Сегодня мы можем более взвешенно оценить орфографическую реформу. Специалисты, конечно, понимают, что научные издания классиков лучше осуществлять в той орфографии, в которой они были созданы. Для поэтов это особенно важно, и небо не рухнет на землю, если Пушкина, Баратынского, Достоевского, Блока мы будем издавать

– по крайней мере, для нужд исследователей языка и литературы – в том виде, в каком они печатались при жизни, это позволит избежать многих неточностей и недоразумений (хотя стоит понимать и то, что всех проблем интерпретации текстов классиков это тоже не решит!).

Но в целом, конечно, наиболее разумной кажется позиция Марины Цветаевой. Она, как известно, яростно возражала против новой орфографии в 1920-е гг., даже запрещала печатать свои стихи по новой орфографии, но потом смягчилась – и в 1931 г., готовя издание для детей, неожиданно перешла на новую орфографию и написала так: «А с новой орфографией советую примириться, ибо: буква для человека, а не человек для буквы. Особенно если этот человек – ребёнок».

Вот это, кажется, взвешенная и мудрая позиция: дело, в общем-то, во многом не в том или ином варианте орфографии, и вряд ли мы с вами сегодня готовы вернуться к дореформенному правописанию. Но какое-то место в нашем обиходе старая орфография должна занять, и образованный человек, интересующийся русским языком и его историей, конечно, должен понимать, какие правила действовали до реформы и как было старое правописание устроено. Об этом я и попытался кратко рассказать.

Взгляните, напоследок, как выглядит в старой орфографии стихотворение самой Цветаевой:

Кто созданъ изъ камня, кто созданъ изъ глины, –
А я серебрюсь и сверкаю!
Мнѣ дѣло – измѣна, мнѣ имя – Марина,
Я – брeнная пѣна морская.

Кто созданъ изъ глины, кто созданъ изъ плоти –
Тѣмъ гробъ и надгробныя плиты...
– Въ купели морской крещена – и въ полетѣ
Своемъ – непрестанно разбита!

Ещё раз повторю, именно стихотворный текст – это та область, где различие между старой и новой орфографией эстетически проявляется наиболее сильно. Как говорил Блок, *лес* (старый *лѣсъ*!) с буквой *е* даже пахнет по-другому, и в качестве поэта он, наверное, был прав. В обычной же жизни действуют совсем другие законы, и сегодня нет никаких причин отменять новую орфографию, да и вообще радикально менять ее. «Шахматовская» орфография во многом рациональнее и проще «гrotовской», хотя недостатки в этом плане есть и у неё. Однако в стабильном и благополучном обществе рациональность и простота, как ни странно, совсем не главное достоинство орфографии (вспомним

французскую и особенно английскую орфографию!), главное её достоинство – это единообразие и устойчивость. Так что, пожалуй, правильнее всего сохранять то, что у нас сейчас есть.

V. A. Plungyan

Reform of the Russian Orthography: How? Why? What for?

The article discusses the history of the early 20th century reform of the Russian orthography. It describes the principal rules of the pre-reform orthography that differ from the current ones. The rules defining the use of some defunct letters, in particular **yat'** (ѣ), are presented in more detail. The necessity of the reform and its historical contexts are discussed.

Е. В. Арутюнова¹, В. М. Пахомов²

¹ *Российский государственный гуманитарный университет, Москва*

² *Справочно-информационный портал «Грамота.ру», Москва*

«БЛАГОСЛОВИЛ МЕНЯ КОНЬЯК НА РИСК ПРИЗНАНИЙ».

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ОШИБКИ В СЛОВАХ *КОНЬЯК*

И *ПЬЕДЕСТАЛ* В ТОТАЛЬНОМ ДИКТАНТЕ – 2017?

В статье рассматривается комплекс проблем, связанных с употреблением в русском письме букв *ъ* и *ь*. Описаны возможные причины допущенных участниками Тотального диктанта – 2017 массовых ошибок в словах *коньяк* и *пьедестал*. На этом примере показано, что подобные распространенные ошибки в диктантах нельзя объяснять «массовой безграмотностью», они сигнализируют об объективно трудных областях русского письма, о не решенных до сих пор орфографических проблемах.

Ключевые слова: орфография; правописание; кодификация; норма; правила орфографии; история кодификации; разделительный твердый знак, разделительный мягкий знак.

Тотальный диктант как крупнейшая международная акция по проверке грамотности привлекает повышенное внимание СМИ. Но круг вопросов, интересующих журналистов, ограничен; он хорошо известен тем организаторам и филологам – участникам проекта, которым приходится регулярно общаться с прессой («Растет ли уровень грамотности россиян?»; «В каком регионе люди пишут более грамотно?»; «В каких словах чаще всего допускают ошибки?»). К сожалению, СМИ уделяют больше внимания негативной информации: сколько человек получили двойки за диктант, в каких словах встретилось больше всего ошибок¹. Эти данные нередко используются журналистами как иллюстрация к часто повторяющему тезису о «низкой грамотности» носителей русского языка.

¹ Например, в 2015 г. новость о том, что один из участников акции допустил 273 ошибки в 282 словах, охотно перепечатали многие СМИ. Между тем очевидно: такое количество ошибок свидетельствует только о том, что русский язык не является для участника родным, а значит, можно только восхититься мужеством человека, который, практически не владея русским языком, принял участие в Тотальном диктанте.

В 2017 г. в число самых частотных ошибок, допущенных участниками Тотального диктанта, вошли ошибки в словах *коньяк* (встретилось во второй части текста Леонида Юзефовича «Город на реке») и *пьедестал* (это слово было в третьей части текста): вместо буквы *ь* участники акции ошибочно писали в этих существительных *ъ*. Информация об этом также подавалась некоторыми СМИ как пример обыкновенной безграмотности пишущих по-русски ¹.

Однако, по нашему мнению, любая массовая ошибка в Тотальном диктанте свидетельствует не о «всеобщей безграмотности», а о каком-то сбое в самой орфографической системе – сбое, заставляющем пишущих регулярно нарушать кодифицированную норму. Причем заметим, что в третьей части текста написание **пьедестал* часто было единственной орфографической ошибкой, то есть такую ошибку допускали даже люди с очень высоким уровнем грамотности.

Итак, сигналом каких «неполадок» в системе русского письма является написание слов *коньяк* и *пьедестал* с твердым знаком вместо мягкого?

Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним, каковы функции твердого и мягкого знаков в русском письме. Прежде всего, эти буквы выполняют разделительную функцию – указывают, что после согласного йотированная гласная буква обозначает не мягкость согласного, а два звука: *я* – [йа], *е* – [йэ], *ё* – [йо], *ю* – [йу] (*объять*, *обезьяна*, *съезд*, *консьерж*, *съёмка*, *лёт*, *суперьюрист*, *шью*) ². У твердого знака эта функция – единственная ³, а у мягкого знака – лишь одна из трех. Буква *ь* также служит для обозначения мягкости парного согласного – на конце слова и в середине слова перед согласным: *конь*, *банька*. Наконец, после непарного по твердости / мягкости согласного *ь* пишется по традиции в некоторых грамматических формах, не неся никакой фонетической нагрузки (ср.: *ключ* – *ночь*).

¹ См., например, заголовки новостей: Ura.ru: *Россияне не умеют правильно писать слово «коньяк»* [URL: <https://ura.news/news/1052306381>]; «Знамя шахтера»: *В Ростовской области не знают, как пишутся слова «коньяк» и «стерлядь»* [URL: <http://znamenka.info/news/v-novoshactinske/v-rostovskoy-oblasti-ne-znayut-kak-pishutsya-slova-konyak-i-sterlyad>].

² Буква *ь* в разделительной функции также употребляется перед *и*: *соловьи*, *ручьи*, *варьировать*.

³ До реформы 1917–1918 гг. *ъ* (тогда эта буква называлась «ер») обладала еще одной функцией: ее писали на конце слов после твердых согласных, чтобы отличать мягкие согласные на конце слов от твердых. Ср.: *столь* и *столь* [Грот 2010: 271].

Итак, с одной стороны, в русском письме для выполнения одной функции – разделительной – используются две разные буквы (ъ и ь), с другой стороны, одна и та же буква ь используется в трех совершенно разных функциях.

Важно подчеркнуть: разделительные ъ и ь не обозначают последовательно твердости и мягкости предшествующего согласного. Ср.: *адъютант* (ъ пишется после буквы, обозначающей мягкий согласный звук), *шью* (ь пишется после буквы, обозначающей твердый согласный) и *вьюга, объём* (одинаково возможно произнесение с твердым и мягким согласным [Каленчук 2012]).

Таким образом, выполнение одной и той же функции двумя разными буквами (независимо от произнесения предшествующего согласного) приводит к тому, что пишущие по-русски должны руководствоваться правилами употребления разделительных ъ и ь, которые заключаются в следующем: разделительный ъ пишется после согласных перед буквами я, ю, ё, е:

- после приставок (русских и иноязычных), оканчивающихся на согласный (*безъядерный, объехать, предъюбилейный, контръярус, постъядерный, постъюбилейный*), а также по традиции в слове *изъян*, хотя *из-* не является в нем приставкой;

- в словах иноязычного происхождения с начальными частями *аб-, ад-, диз-, ин-, интер-, кон-, об-, суб-*, которые в языке-источнике являются приставками, а в русском языке в качестве приставок обычно не выделяются (*адъективный, адъютант, конъюнктивит, объект, субъективный*);

- в сложных словах после начальных частей *двух-, трёх-, четырёх-* (*трёхъядерный, четырёхъярусный*), а также в словах *панъевропейский, фельдъегерь*;

- при передаче иноязычных собственных имен и производных от них слов (после букв, передающих парные твердые согласные), например: *Кизильюрт* (город в Дагестане), *Ювясьярви* (озеро в Финляндии) ¹.

Не используется никакой буквы в разделительной функции перед второй частью сложносокращенных слов (например: *госязык, иняз, Минюст*) ².

¹ В этом случае разделительный ъ возможен также и перед буквой *и*, например: *Дзюньитиро* (японское имя) [ПАС 2006: 32].

² Безусловно, это противоречит ведущему принципу русской графики, стоящему как бы над орфографическими законами, – буквы *е, ё, ю, я* после согласных служат для обозначения их мягкости. Нарушение этого закона затрудняет чтение, если читающий не знаком с конкретными сложносокращен-

Во всех остальных случаях перед буквами *я, ю, ё, е, и*, передающими сочетания [j] с гласными, пишется разделительный *ь*. В некоторых словах иноязычного происхождения разделительный *ь* пишется перед *о* (*бульон, гильотина*) [ПАС 2006: 31–33].

Можно предположить, что грамотных пишущих, имеющих большой словарный запас, сбила модель *конъ...* в таких словах, как *конъюнктивит, конъюнктура, конъектура*. Также написание **конъяк* и **пъедестал* могло возникнуть под влиянием привычки писать разделительный твердый знак ближе к началу слова. Кстати, с этим может быть связана и довольно распространенная ошибка **вьюга* и обратная – **киносъёмка*.

Таким образом, эта ошибка – сигнал непоследовательности русской орфографии, проявляющейся в том, что одну и ту же функцию выполняют две разные буквы. При этом употребление двух разделительных знаков основывается только на традиции: его «невозможно убедительно мотивировать, исходя из системы современного языка, так как оно не является последовательно фонематическим, не основывается на произношении, не может быть оправдано морфологическими соотношениями» [Еськова 1964: 20].

Сохранение этой традиции приводит к ряду трудностей при обучении русской орфографии и применении правила.

Школьное правило, которым руководствуется большинство пишущих, таково: разделительный *ь* пишется только после приставок на согласную перед буквами *е, ё, ю, я*, обозначающими два звука; разделительный *ь* перед теми же буквами и перед буквой *и* пишется не после приставок.

Данная формулировка взята из справочного издания, которое выполняло функции школьной грамматики [Баранов 1993: 235], в школьных учебниках рекомендация остается той же. Слово *только* в правиле, подчеркивающее, что нигде, кроме позиции после приставок, *ь* не употребляется, встречается во многих учебниках и учебных пособиях. Руководствуясь такой формулировкой, пишущие верно выбирают разделительный знак в словах с высокой степенью членимости, например: *подъезд, съехать, объявление, съёжиться, воробьи, разольет, собью*. Однако в словах с не столь ясной морфемной структурой ошибки бывают и у детей, добросовестно изучающих правила, и у их вполне гра-

ными словами. Следуя правилу написания сложносокращенных слов, составителям орфографических словарей пришлось кодифицировать такие неудобочитаемые новообразования второй половины XX в., как *гиперядро, метявление, хозяйница* и др.

мотных родителей, которые начинают по-новому вместе со своими детьми осмысливать полученные в школе знания.

Так, в [Тихонов 1996] во многих словах с *ъ* не выделяется приставка, тем самым признается, что в них уже произошло сращение приставки и корня. Вот несколько подобных слов: *подъём, разъём, разъять, объём, объявить, объять, объект, объектив*. На это можно возразить, что процесс сращения в исконных словах данного перечня еще не завершен и отнесение их к нечленимым преждевременно, а в существительных *объект, субъект* и родственных части *об-* и *суб-* – исторические приставки. Однако несомненно, что вычленение в данных словах приставок представляет собой некоторые трудности, особенно для детей. Никаких специальных приемов, позволяющих разделить основу на составляющие в трудных для морфемного разбора словах, в школе не предлагается.

Существование данной проблемы подтверждается многочисленными вопросами, которые приходят на портал «Грамота.ру» о словах, с трудом подводимых под школьное правило. Вот один из них:

Добрый вечер! Прошу помочь объяснить школьнику, почему в словах *объём* и *необъятный* в корне слова пишется разделительный твёрдый знак. В учебнике сказано, что разделительный твёрдый знак пишется только после приставок на согласные, перед буквами *е, ё, ю, я*, в остальных случаях перед теми же буквами и перед *и* пишется разделительный мягкий знак. Но в вышеуказанных словах *объ-* входит в состав корня, если сверяться с морфолого-орфографическим словарем А. Н. Тихонова, да и школьный словарь М. Т. Баранова дает такие же сведения ¹.

Другая проблема связана с тем, что школьное правило не позволяет верно написать сложные слова и слова с иноязычными приставками (*Минюст, двухъярусный, объективный* и т. п.). А морфемный статус некоторых заимствованных начальных частей определить бывает затруднительно даже специалистам. Например, к словам *панъевропейский* и *гиперядро* в [ОРОСС] даются комментарии о структуре слов, которая явно не является прозрачной:

Компонент *пан* иногда считают приставкой, поскольку в русском письме он требует разделительного *ъ* перед корнем на йотированную гласную (*панъевропейский*), что свойственно приставкам, а иногда *пан* считают частью сложного слова.

¹ Справочно-информационный интернет-портал «Грамота.ру» [URL: <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=284145>].

Первая часть слова является сокращением слова *гиперон* – «ядерноподобная система, в состав которой наряду с нуклонами входят гипероны», при этом слово *гиперон* («барион с повышенным значением странности») исторически произошло от того же греч. слова *hyper* «над, сверх»; слово встречается в словарях и в др. написаниях, которые не соответствуют правилу.

Перечисленные трудности побуждают методистов и учителей искать специальные приемы обучения, которые должны предупредить возможные ошибки. В [Баранов 1993] предлагаются к заучиванию три слова-исключения: *адъютант*, *субъект*, *объект*. В современном учебнике русского языка для 7-го класса дается упражнение на запоминание слов *адъютант*, *объективный*, *субъективный* [Русский язык 2014: 39]. В пособиях для дополнительных занятий по правописанию предлагается более полный, хотя и не исчерпывающий вариант правила (см., например: [Великова 2009; Громов 2009]).

Конечно, слова, не подпадающие под школьное правило, в большинстве своем представляют собой периферию лексической системы, поэтому ими жертвуют в школе, рассчитывая на то, что человек научится писать их сам, благодаря своему читательскому опыту. Так, вероятно, и происходит. Но все перечисленные трудности приводят к орфографическим сбоям даже у очень грамотных людей.

Лингвистами не раз выдвигалось предложение отказаться от двух разделительных знаков: «при каждом новом обсуждении путей упрощения русской орфографии встает вопрос о замене двух разделительных знаков одним или о замене *ь* иными способами сигнализации йота после согласных» [Обзор 1965: 102]. В случае замены двух разделительных знаков одним предлагалось оставить либо только *ь* (то есть писать *сьезд* и *вьюга*), либо только *ь* (то есть писать *сьезд* и *вьюга*). Второе предложение звучало гораздо чаще [Обзор 1965: 104–110]. Принять его мешает именно то обстоятельство, что буква *ь* используется в русском письме в совершенно разных функциях. Она указывает на мягкость согласного, и при употреблении ее в роли разделительного знака у носителей языка возникает неизбежная графическая иллюзия, что разделительный *ь* одновременно обозначает мягкость. В таких случаях, как *сверхъестественный*, *подъём*, *панъевропейский*, эта графическая ассоциация с обозначением мягкости была бы особенно нежелательна [Еськова 1964: 23], поэтому пока в русском письме остаются два разделительных знака.

Итак, ошибки в словах *коньяк* и *пьедестал* вовсе не следствие «массовой безграмотности», как может показаться на первый взгляд; они сигнализируют об объективно трудной области русского письма,

о не решенной до сих пор орфографической проблеме, вызванной историческими причинами. Подобная объективная орфографическая сложность стоит почти за каждой массовой ошибкой в текстах Тотального диктанта. Именно поэтому результаты акции имеют большое научное и методическое значение: они чрезвычайно важны для дальнейшей работы по уточнению и корректировке правил русского правописания и должны быть учтены методистами и учителями в практике преподавания русского языка.

Список литературы

Баранов М. Т., Костяева Т. А., Прудникова А. В. Русский язык: Справочные материалы: учебное пособие / Под ред. Н. М. Шанского. 6-е изд., испр. М.: Просвещение, 1993. 287 с.

Бешенкова Е. В., Иванова О. Е., Чельцова Л. К. Объяснительный русский орфографический словарь-справочник. М.: АСТ-ПРЕСС, 2015. IX, [1], 572, [2] с. (Настольные словари русского языка).

Великова Л. В. Русский язык: Для старшеклассников и абитуриентов: правила, упражнения, тесты, диктанты. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: МЦНМО, 2009. 339 с.

Громов С. А. Русский язык: курс практической грамотности: для старшеклассников и абитуриентов. 25-е изд. М.: Московский Лицей, 2009. 298 с.

Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. Изд. 5-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 401 с.

Еськова Н. А. О разделительных знаках // О современной русской орфографии / АН СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. В. В. Виноградов. М.: Наука, 1964. С. 18–27.

Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка: литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012. 1000 с. (Фундаментальные словари).

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии. (XVIII–XX вв.). М.: Наука, 1965. 500 с.

Правила русской орфографии и пунктуации: утв. АН СССР, М-вом высш. обр. СССР и М-вом просвещ. РСФСР. Изд. 2-е, стер. М.: Гос. учебно-пед. изд-во М-ва просвещ. РСФСР, 1962. 175 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Отв. ред. В. В. Лопатин. М.: Эксмо, 2006. 478 с.

Русский язык: учебник: 7 класс: рекомендовано М-вом образования и науки РФ / Под ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта. М.: Дрофа, 2014. 286 с.

Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь. Русская морфемика. М.: Школа-Пресс, 1996. 701 с.

Интернет-ресурсы

Справочно-информационный интернет-портал «Грамота.ру» [URL: <http://new.gramota.ru/>].

Е. V. Arutyunova, V. M. Pakhomov

What do the errors in the spelling of *коньяк* and *пьедестал* in the Total Dictation – 2017 indicate?

This article considers a variety of issues related to the use of *ъ* and *ь* letters in the Russian language. It describes the possible reasons for the massive number of mistakes in the words *коньяк* and *пьедестал* among the participants of the Total Dictation – 2017. This example serves as proof that such errors cannot be considered a sign of ‘mass illiteracy’; they draw attention to the objectively difficult areas of Russian grammar as well as to not yet resolved spelling issues.

Keywords: orthography; spelling; codification; norm; rules of orthography; history of codification; separating hard sign *ъ*; separating soft sign *ь*.

Е. В. Бешенкова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

**НАПИСАНИЕ СЛОВ С ОТРИЦАНИЕМ:
ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ, ПРАВИЛА
И РЕАЛЬНОЕ ГРАМОТНОЕ ПИСЬМО¹**

Рассматриваются расхождения между рекомендациями орфографического словаря, правилами, реальным грамотным письмом в области слитного или раздельного написания слов с отрицанием *не*. Выделяется два типа расхождений: а) слова реально пишутся только раздельно, некоторые из них так и фиксируются в словарях, однако в правилах они не учитываются; б) слова по правилу должны писаться слитно при выражении положительного признака и раздельно при выражении отрицательного признака, но в реальных контекстах эта разница либо не может быть выражена, либо пишущему она неважна, либо у него нет средств это выразить, так как слово реально пишется либо только слитно, либо только раздельно. В статье предлагаются необходимые поправки в правила, которые, во-первых, позволяют пишущему точно понять, когда он должен смотреть правило, а когда словарь, во-вторых, определить позиции, в которых пишущий может выразить разницу в утверждении признака или его отрицании, и позиции, в которых это противопоставление нейтрализуется. При нейтрализации системного противопоставления его реализация в тексте определяется нормой, то есть норма определяет написание (как и произношение и т. д.) конкретных единиц. Узуальная норма для многих единиц не выработана: велика доля вариативных написаний, не имеющих смысловых различий. Существующие способы словарной фиксации не позволяют определить контекстно обусловленное написание.

Ключевые слова: орфография, отрицание, слитное / раздельное написание, узус, кодификация, правила, словарь, принципы кодификации, система, норма, вариативность.

Написание слов с отрицанием *не* относится к одной из немногих областей письма, в которых в течение долгого времени, несмотря на наличие правила и словарной фиксации многих слов, не устанавливается единая узуальная норма. Обычно вариативность написания объясняют наличием смыслового различия: отрицание положительного

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ 17-04-00134 «Лингвистическая концепция орфографического словаря нового типа».

признака или утверждение отрицательного признака. Однако часто это различие фиктивно. Чтобы найти причину и способ урегулировать эту область письма, было проведено исследование, которое состояло из нескольких этапов.

1-й этап. Анализ современного письменного узуса (по текстам НКРЯ) и сравнение с имеющейся кодификацией в правилах и словарях.

1. Отбор слов, которые пишутся всегда слитно или всегда раздельно, то есть их написание не зависит от контекста.

2. Составление набора «очевидных контекстов», то есть контекстов, в которых все слова того или иного класса пишутся однозначно (слитно или раздельно).

3. Составление списка контекстов, значимых для определения однозначного написания только отдельных лексем (например, наличие зависимых слов).

4. Определение области узуального вариативного написания в тождественных контекстах.

5. Сравнение с набором опознавательных контекстов, критериев выбора написания по орфографическим справочникам.

2-й этап. Определение возможностей системы для данной области письма: выделение противопоставительной частицы (*не ... а*), общеприцательной частицы *не* и приставки *не*, определение признаков частицы и приставки, условий реализации противопоставления частицы и приставки, условия нейтрализации этого противопоставления.

3-й этап. Анализ узуальных написаний в контекстах, в которых реализуется системное противопоставление, и в контекстах, в которых это противопоставление нейтрализуется. Определение нормативных ограничений на реализацию системного противопоставления.

4-й этап. Рассмотрение функционирования данной области письма в хронологическом аспекте. Выявление исторической тенденции изменения узуса.

5-й этап. Определение кодификации: описание контекстов с однозначным написанием, определение кодификации в области вариативного написания (соотношение узуальных предпочтений, системных требований, исторических тенденций). Написание уточненного варианта правил и выработка словарной фиксации.

В статье приведены основные результаты этого исследования.

Анализ реального грамотного письма

1. Слова, пишущиеся с отрицанием однозначно (только слитно или только раздельно), и их отражение в словаре и правилах.

В правилах упомянуты разряды слов (глаголы, числительные и др.) и единичные слова (*не горазд, не рад, не прав, не нужен, не готов, не занят*), которые всегда пишутся раздельно. В «Русском орфографическом словаре» слов, не принадлежащих выделенным разрядам, но пишущихся всегда раздельно, приведено несколько сотен, например: *не больной, не болен, не велик кому (не мал, не узок, не широк, не короток и др. кому), не вечен, не вечно, не властен, не виноват (хотя невиновен), не вхож, не главный, не глупее, не горячо, не груб, не грубо, не довольно 'недостаточно', не дороже, не здоровее, не потребен, не равен, не силен в чем, не склонен, не скользко, не скучно, не смертельно, не смешно, не совестно, не согласен, не страшно, не суждено, не шутка и мн. др.*

Анализ реального грамотного письма¹ показал, что таких слов еще больше. Но может быть, такие слова по каким-либо причинам не употребляются в контекстах, в которых правило требует слитного написания? Приведем примеры реальных текстов, в которых по правилу должно быть слитное написание, но в действительности встречается только раздельное: *И хотя я был абсолютно не голодный (=сытый), угощение принял; Смех у него часто такой не смешной; Не покорбился бы оттого, что это уж слишком не монументально; Она женщина неглупая, к тому же не глухая и не слепая; Он чувствовал себя не виноватым (=правым) перед ней; Одно из свойств «балканности» может состоять в том, что не уникальные (=обычные) явления складываются в уникальную мозаику; Каждая не основная (=второстепенная) ступень парадигмы не обладает одним из дифференциальных признаков; Это в нашей жизни не главное (=второстепенное); С этой точки зрения вся трагедия Раскольникова такая же не новая, вечная трагедия человеческой совести; Процесс передачи агента от сотрудника к сотруднику всегда очень не прост (=сложен) и болезнен.*

Анализ узуса показал, что доля слов с раздельным написанием зависит от их грамматической категории. Так, только раздельно пишутся большая часть кратких форм. Большинство отглагольных прилагательных, большая часть прилагательных в сравнительной степени,

¹ Данные собирались в основном по текстам основного подкорпуса НКРЯ, привлекались также данные поисковых систем и личная картотека автора.

приблизительно треть наречий-предикативов, почти все существительные-предикативы¹.

Анализ узуса подтвердил наличие отмечаемых и в правилах, и в словарях следующих разрядов слов, которые пишутся только слитно: слова, не употребляющиеся без *не*, слова, с лексикализированным значением *не*, слова с приставкой *недо-*, слова со значением умеренного проявления признака, слова на *-емый*, *-имый* с дополнительным модальным компонентом значения. Кроме того, узус показал, что существуют и другие слова, которые пишутся только слитно: некоторые наречия-предикативы и многие наречия-обстоятельства (*невозможно представить, необычно деликатен*).

Приведенные наблюдения над узусом позволяют сделать два важных вывода. Во-первых, существительные-предикативы должны быть добавлены к другим разрядам слов, которые всегда пишутся раздельно. Во-вторых, правила должны быть сформулированы так, чтобы все слова, написание которых не требует анализа контекста, не только категории слов, а все такие слова, не попали в зону действия правил, опирающихся на анализ контекста.

2. Слова, написание которых определяется контекстом, и их отражение в словаре и правилах.

1) Существуют контексты (лексическое окружение и синтаксические позиции), которые однозначно определяют написание для всех слов, кроме упомянутых выше. Некоторые такие контексты хорошо известны, другие были выделены только на основании проведенного анализа узуса.

Контексты раздельного написания:

а) контекст противопоставления *не ... а* (*не хорошо, а плохо*);

б) контексты неполного противопоставления²: *больше не..* (*больше не любимый, не модный*), *какой угодно, но не...* (*какой угодно, но не*

¹ Существительными-предикативами называются имена существительные, которые употребляются в данном значении только в позиции сказуемого, ср.: *он нам не указ* – **он нам указ, ему тут не место, не дурак поест, не беда, не враг, не дурак* (сделать что-то), *не место, не подарок, не проблема, не промах, не расчёт, не сахар, не секрет, не судьба, не тайна, не указ, не храбрец, не любитель, не сторонник, не пустяк, не редкость*: *Такого рода имена не редкость* в смешанных семьях; *Он не знаток* вин; *Видно, не судьба* нам сегодня *дойти до вершины*; *Не секрет*, что кризис организован специально.

² При полном противопоставлении отрицаемая часть высказывания (*не X*.) должна замениться на другую (*а У*). При неполном противопоставлении эта замена не уточняется, то есть остается «а какой-то другой», или уточняется не полностью (*Она может быть высокомерной, но не мелочной, не злобной*).

глупый), и не так(ой) и не этак(ий) (не безобразно и не красиво; не богат и не беден);

– контексты подчеркнутого отрицания: *отнюдь не, далеко не, разве не, чуть ли не, это тебе не, никак не, ничуть не;*

– безударные¹ *вовсе и совсем, не так(ой)-то, чтобы (не молодой, чтобы бегать по эскалатору; не богатый, чтобы совесть иметь);*

– контекст отрицания предшествующего, или подразумеваемого, или общего исходного утверждения ожидания;

– контекст интонационного выделения отрицания или самой лексемы.

Вне этих контекстов пишутся слитно следующие разряды слов:

– субстантивированные прилагательные, например: *Были составлены списки **неблагонадежных**; За одного битого двух небитых* дают (ср.: больше ценятся **не битые, а умные**);

– существительные, образованные от прилагательных или глаголов, например: *Вся эта конструкция строится на **непрочтении** первого тома сказки; И он страдает от **неидеальности** жизни?* (ср.: **Не идеальность жизни, а ее запутанность...**).

Выделился также и контекст (уже отмечавшийся в исследованиях, но не в правилах), в котором предпочтительно слитное написание: контекст бинарного противопоставления, например: *Бытовое пространство заполнено вещами с резко выделенным признаком материальности, **небытовое** – **непредметами**: природными и астральными явлениями.*

Эти проявившиеся в узусе закономерности позволили уточнить традиционно приводимые в правиле контексты раздельного написания слов с отрицанием (см. ниже). Выявление категорий слов, пишущихся слитно вне упомянутых контекстов, позволяет ввести их в правила и не загромождать ими словарь.

2) Существуют контексты, значимые для определения написания только отдельных лексем:

– наличие зависимых слов (*независимо – независимо от / не зависимо от; не замкнутый на, в; не изолированный от; не видимый кому; не велик кому*);

– наличие дополнения *никто, ничто* и т. п., например: *Словом, такая это была варварская, убогая, **никому не интересная** страна; Городок небольшой, одноэтажный, **не знаменитый ничем*** (ср.: *А уж*

¹ Например: *Все эти страшные хищения казались **вовсе незаметными** в их хозяйстве; Никита долго силился попасть ключом в замочную дырку, **вовсе незаметную** по причине темноты; Вслед за ними приехали уж и **вовсе немолдая** пара.*

как Лебедев до своего дизайна дошел, про то никому неведомо; Победил проект никому неизвестного молодого живописца);

– контекст *еще, уже*, например: Он остановился у дома Васька, молодого, еще не женатого парня; Такие хорошие, долгожданные и, в общем-то, еще не забытые слова (ср.: Он смотрел еще не весело, но приступ прошел).

Значимость этих контекстов только для отдельных слов, не объединенных каким-либо признаком, не позволяет ввести их в правило. Эта информация должна быть отражена в словаре.

3) Существуют контексты, в которых разные слова пишутся по-разному или даже одно и то же слово пишется то слитно, то раздельно, например:

а) Он отвечал достаточно вежливо, не ехидно, не грубо, не иронично, не зло, но настаивал на своем до конца.

Он ответил невнятно, непонятно, невразумительно, нелогично...

Он ответил неаккуратно // не аккуратно, неточно // не точно, неграмотно // не грамотно, невежливо // не вежливо...

б) Выводы не банальны, не верны // неверны, невыгодны.

Он не болтлив, не быстр, не виноват, невиновен // не виновен, не вхож // невхож.

Начиная с Я. К. Грота правило содержит в себе пункт, в котором написание отрицания определяется смыслом. В Полном академическом справочнике этот пункт сформулирован следующим образом: «Таким образом, пишущий должен отдавать себе отчет в том, что он хочет выразить: отрицание признака – и тогда писать не отдельно от следующего слова (например: он не здоров, не важно, не редки случаи, не случайно, не удивительно, не демократическим путем) или утверждение признака – и тогда писать не слитно (он нездоров, неважно, нередки случаи, неслучайно, неудивительно, недемократическим путем). От выбора написания будет зависеть и понимание написанного читающим» [Правила 2006: 160].

Исследованный материал показал, что в этих контекстах слова разных категорий ведут себя по-разному.

Среди кратких прилагательных лишь очень малая часть пишется слитно, а раздельно или вариативно пишутся сравнимые по количеству группы, например: не банален, не свят, не силен, не склонен, не стар – неохоч, недурен, незауряден – небесспорен // не бесспорен, неблагодарен // не благодарен, не верен // неверен ('ошибочен'), не властен // невластен, не внятен // невнятен, неволен // не волен, не глуп // неглуп,

незнаком // не знаком, не известен // неизвестен, не интересен // неинтересен, неправ // не прав, не способен // неспособен.

Большинство прилагательных в сравнительной степени, как уже было отмечено выше, пишется раздельно (например: *не ближе, не богаче, не более, не лучше, не менее*) или вариативно (например: *не интереснее // неинтереснее*), меньше в слитном написании (например: *незаметнее, непонятнее*).

Наречия-предикативы распределяются приблизительно одинаково, например:

не горько, не грустно, не жалко, не исключено, не любо, не надо, не нужно, не обидно, не положено, не скучно, не смешно, не совестно, не стыдно, не худо бы;

небогато, невозможно, негоже, неграмотно, некрасиво, неладно, неловко, нелюбезно, неосмотрительно, неосторожно, nepозволительно, неприятно, неразумно, нетрудно;

*небесполезно // не бесполезно, не благополучно // неблагоприятно, не важно // неважно, неверно // не верно, не весело // невесело, негусто // не густо, не заметно // незаметно, не известно // неизвестно, не интересно // неинтересно, не легко // нелегко, не мудрено // немудрено, не обязательно // необязательно, не очевидно // неочевидно, не плохо // неплохо, не понятно // непонятно, не ясно // неясно*¹.

Среди наречий-обстоятельств абсолютное большинство пишется слитно, небольшие группы раздельно или вариативно:

неаккуратно, невесело, невежливо, неинтересно, некрасиво, неловко, нелюбезно, неосторожно, неоправданно, неплохо, неправильно, непривычно, неприлично, неслышно, неудобно;

не банально // небанально, небедно // не бедно, небогато // не богато, не близко // неблизко, негусто // не густо, не естественно // неестественно, недостаточно // не достаточно (образован);

не бездарно, не беззвучно, не безнадежно, не безобразно, не безуловно, не грустно, не обидно, не скучно, не слабо, не странно и др.;

¹ В справочнике Д. Э. Розенталя 1962 г. говорится о неупорядоченности написании наречий-предикативов: «Не упорядочено написание отрицания *не* с так называемыми предикативными наречиями на *-о* типа *нетрудно видеть* – *не трудно видеть*. Многие из них одни или в сочетании с неопределенной формой глагола образуют главное предложение в составе сложноподчиненного предложения, и критерием их написания с *не* служит не всегда объективно устанавливаемый утвердительный или отрицательный смысл» [Розенталь 1962: 91]. В более поздних изданиях правило сформулировано более категорично.

наречия степени *не больно* (послушен), *не слыхано* (силен), *не особливо* (воспитан), *не сильно* (умен).

Полные формы прилагательных распределяются приблизительно одинаково, но по-разному ведут себя в позиции сказуемого и в позиции определения: в позиции определения чаще слитно, а в позиции сказуемого чаще раздельно:

не безграничный, не бездомный, не бездумный, не безобразный, не бес-
предельный, не волевой, не волшебный;

небезосновательный, неблагоприятный, неблагонадежный, неблагоприятный, небагородный, небагосклонный, небаготворный, небагочестивый, небольшой, неважный ‘посредственный, плохой’, неведомый, невезливый, невезучий, неселый, несесмый, невинный, невинный, некрасивый, невластный, немняемый, незначительный, невозможный;

небанальный // не банальный, небедный // не бедный, не безвредный // небезвредный, небезгрешный // не безгрешный, небездарный // не бездарный, небезнадежный // не безнадежный, не безобидный // небезобидный, небезопасный // не безопасный, небесплодный // не бесплодный, не бесполезный // небесполезный, небогатый // не богатый, неболтливый // не болтливый, невнушительный // не внушительный.

Отметим, во-первых, что из всего сказанного выше ясно, что в правиле речь не идет о словах, которые пишутся только раздельно или только слитно, на такие слова это правило не распространяется.

Во-вторых, возникает вопрос, действительно ли пишущие вкладывают разный смысл в разное написание для тех слов, которые могут писаться и слитно, и раздельно. Так, выражено ли в следующих примерах отрицание и утверждение, может ли это распознать читающий:

И не удивительно, что он этого не знает // И не удивительно, что он этого не знает.

Не важно, придет он или нет // Неважно, придет он или нет.

Ты читал не внимательно // невнимательно.

В ущелье том бежал поток, Он шумен был, но **неглубок** // не глубо-
бок.

Этот вывод глубоко не верен. Мне возразят, что выдвинутая мной альтернатива – мещане или бесы – в корне не верна. И все же это положение по существу не верно, и главное – совершенно неинтересно // Вывод об антидемократичности состава суда присяжных в России в корне неверен.

Их можно убедить, что положение тела совершенно не важно для их молитв // И поверьте, совершенно неважно, кто в редакции главный.

Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к анализу системного противопоставления частицы и приставки, условий реализации и нейтрализации этого противопоставления.

Системное противопоставление частицы и приставки, условия его реализации и нейтрализации

В лингвистике выделяют две частицы *не*: противопоставительную и общеотрицательную. Противопоставительная частица употребляется при замене части значения на другое, выступает в контексте *не ... а* и подобных. Общеотрицательная имеет значение сильного отрицания, может играть самостоятельную роль в актуальном членении – быть ремой высказывания (нести на себе логическое выделение), может относиться к словосочетанию. Усилительное значение ремы частица получает в составе оборотов *отнюдь не, далеко не* и т. п., а также если на нее падает особое ударение.

Приставка *не* может выражать значение сильного (*незначимый*) или слабого отрицания (*неглупый* ‘весьма умный’), значение дихотомичного деления (*неспециалист*), может менять нестандартным образом значение основы (*неистовый, неудобство*), ее синтаксическую сочетаемость (**недруг кому*), синтаксические возможности, морфологическую и акцентную парадигму (*нелюди, недруги – друзья*). Приставка *не* может играть самостоятельную роль в актуальном членении предложения.

О возможной нейтрализации противопоставления частицы и приставки по признаку сильного – слабого отрицания говорил еще М. В. Панов: «Частица *не* при имени прилагательном, отвергая какой-либо признак, оставляет на выбор два (по меньшей мере) возможных утверждения: или противоположную крайность, или средний случай. Контекст подсказывает выбор. Приставка же *не-* сама совершает этот выбор <...> Если отвержение одной крайности неизбежно означает утверждение другой (то есть шкала проявления данного признака имеет только две отметки), то различие между частицей *не* и приставкой *не* нейтрализуется <...> В этих случаях орфографическая традиция прихотливо избирает одно из двух написаний как обычное: *нежени-тый, нелогичный, не мертвый, неправильный, не хромой*» [Панов 1964 (2004): 539]. Позже и М. А. Теленкова, а также Н. С. Валгина и М. И. Фомина говорили о признании вариативности в написании *не большой и небольшой*, так как сложно формализовать семантический критерий, на который должен опереться пишущий, выбирая слитное или раздельное написание прилагательного с *не*: часто пишущему без-

различно для данного контекста, тот или иной оттенок значения будет выражен в предложении.

Н. Д. Арутюнова пишет о предикативной позиции как о позиции частицы и всех остальных, в которых выражаются многообразные значения приставки: «Не меньший интерес представляет семантически плодотворная в русском языке частица *не*, употребляющаяся как для образования отрицательных предложений, то есть при предикате, так и входя в состав многочисленной серии слов, в которых она часто утрачивает негативность. <...> Отрицание, таким образом, часто стремится перейти из синтаксиса в лексику. Оно как бы «перепрыгивает» через связку и примыкает к предикативу. Отрицательная частица становится префиксом. Ср.: *Он не глуп. Он не был глуп. Он был неглуп*. Отрицательный префикс образует обширное лексическое поле признаков и субстантивных слов, в которых он может перетягивать на себя ударение (*неуч, недруг*). Негатив переходит в афfirmатив, отрицание – в утверждение. Частица *не* создает новый признак: ср. *Он не (был) высок ростом. – Он (был) невысок ростом*» [Арутюнова 2009: 8–9].

Таким образом, сложность выбора написания лингвисты объясняют не тонкостью семантического различия, а нейтрализацией этого различия в определенных условиях. Такая трактовка обращает лингвистов не к поискам ясной формулировки, отражающей семантическое или какое-либо другое противопоставление, а к поискам условий нейтрализации этого противопоставления и определению написания в этих условиях.

За последние годы в лингвистике вышло много работ, которые посвящены описанию и объяснению случаев, в которых недопустимо отрицание. Например, почему нельзя сказать *Дождь не хлещет*. Значение глагола *хлещет* имеет сложную структуру: как известное, данное выступает информация «идет дождь», как утверждение – «этот дождь сильный». Отрицание относится к сложной структуре «Известно, что идет дождь, и сообщается, что он сильный». Отрицание сочиненных компонентов (например, *Неверно, что «я знаю французский, и я был в Париже»*) требует двух отрицательных предложений (*я не знаю французского, и я не был в Париже*). Если же такую структуру имеет одна лексема, то отрицание, естественно, становится невозможным.

Аналогично невозможно отрицание и в высказываниях, в которых рема выражена адвербиальным комплексом, как, например, в широко обсуждаемой фразе *Он резко затормозил*. Как и в предыдущем случае, ремой является конъюнкция «затормозил и сделал это резко». В данном случае отрицание возможно только с помощью других средств, например: *Не правда, что он резко затормозил, он вообще не тормо-*

зил; или с разделением ремы *горшочки с растениями поворачивают* – но **не резко**; он двинул стакан, **не резко**, но так, чтобы уронить.

Таким образом, в этих позициях нейтрализуется противопоставление приставки и частицы и написание регулируется нормой. Анализ узуса выявил, как уже было отмечено выше, что абсолютное большинство лексем в этой позиции пишутся слитно, например: *Пацаны **необидно** засмеялись мне вслед; На какой-то день, по возможности **необидно** для хозяев взбунтовавшись, мы отправились в кино; По всему автобусу **негромко** кипели склоки; Девочка дразнила котенка, а тот ее **небольшо** кусал; Но Кузя так бился, дрался и клевался, что Сергейка **ненапрочно** выдрал у него несколько перьев из хвоста.*

Даже наречия, образованные от относительных прилагательных, в данной позиции пишутся слитно, например: **Небратски**, невеликодушно поворачивает к себе его смешной стороной.

При абсолютном большинстве слитных написаний наречий в этой позиции в узусе отмечаются и лексемы с вариативным написанием, например: *Главным образом оно используется для объединения **нерезко** выраженных нарушений, граничащих с состоянием здоровья... // Он издалека заметил шедшего навстречу ему другого юношу, невысокого и худощавого, в котором внимательный взгляд мог бы рассмотреть признаки семитического, хотя и **не резко** выраженного типа.*

Анализ контекстов не позволил обнаружить какую-либо семантическую или стилистическую разницу в слитных и раздельных написаниях, поэтому в данном случае мы говорим о чистых орфографических вариантах.

Аналогично происходит нейтрализация противопоставления частицы и приставки в позициях фокуса ремы, в позиции темы, при предикатах с подчиненное предикацией.

Огрубляя, можно переформулировать сказанное, опираясь не на понятие актуального членения фразы, а на понятие позиции в предложении:

1) собственно позиция сказуемого простого предложения (выраженная прилагательным или наречием-предикативом) – значение частицы может быть выражено ¹;

¹ Однако, если предикат оказывается в положении темы, узус проявляет общую тенденцию к слитному написанию слова в тематической составляющей. Например, краткая форма *не вреден* пишется практически всегда раздельно. Встретилось только два примера слитного написания, и отличаются они от других именно актуальным членением: **Невреден** для фигуры только хлеб из цельных зерен.

2) позиция определения при сказуемом (выраженная наречием-обстоятельством) – актуальное значение частицы не может быть выражено;

3) позиция определения при существительном не в позиции сказуемого – актуальное значение частицы также не может быть выражено (при нормальном порядке слов, отсутствии рематических показателей типа *отнюдь, далеко* и немаркированной интонации).

Но почему же норма не для всех слов выработала единообразное написание? Во-первых, мы имеем противопоставление по двум признакам, нейтрализацию по двум признакам, которые, понятно, могут накладываться и взаимодействовать. Во-вторых, существует историческая тенденция перемещения отрицания.

Историческое формирование нормы в позиции нейтрализации

А. А. Зализняк так характеризует синтаксический статус отрицательной частицы в древнерусском языке: «Более общая гипотеза относительно древнерусского (и старославянского) состоит в том, что отрицательная частица имела такой синтаксический статус, который позволял ей быть связанным не со словом, а с составляющей предложения. Иначе говоря, важно было не то, перед каким словом стоит отрицание: сфера действия отрицания в отрицаемом предложении определялась его членением на составляющие. А именно, отрицание перед начальным словом составляющей распространялась на всю составляющую; если вершиной составляющей был финитный глагол, то на всю клаузу» [Зализняк, Падучева 2013: 291].

Постепенно отрицание меняло сферу своего действия, сужая ее до отдельной единицы и передвигаясь по фразе к этой единице. Так, еще сегодня в говорах вместо фразы *он наказал ее за непослушание* можно сказать *он наказал не за послушание*. Этот процесс и породил противопоставление частицы и приставки, приставка приобретает разные оттенки значения и способность писаться слитно.

Анализ текстов XIX–XX вв. показал, что слова с *не* стали писаться чаще слитно. Так, в примерах из текстов XIX в. сегодня мы бы выбрали слитное написание: *Однако это очень не желательно для крестьян-охотников; Выразить недовольство жизнью в шестьдесят два года, согласитесь, – это не великодушно; Я всегда не высоко ценил знание, почерпнутое новыми поколениями из старых книг; Воспитание, как умышленное формирование людей по известным образцам, не плодотворно, не законно, не возможно, – говорит Толстой; Мамень-*

*ка сама любила кормить, хотя и **не затейливыми** кушаньями своих домочадцев и гостей вплотную; Меблировка у поручика была весьма **не затейлива**.*

В результате проведенных четырех этапов исследования была предложена уточненная формулировка правила, в которых учитываются и новые контексты, значимые для выбора написания, и одно-значно пишущиеся слова.

Уточненная формулировка правила

1. Правило. **Противопоставительная (контрастивная) частица не, указывающая на замену части главного содержания высказывания, всегда пишется раздельно.** Чаще всего противопоставительная частица реализуется в конструкции *не..., а...; не..., но=a*.

Примеры. Сказал **не** правду, **а** полуправду (ср. сказал **неправду**); **не** простое яичко, **а** золотое (ср.: *ох и **непростое** яичко она подарила*); он хитер, **а не** находчив (ср.: *иногда я бываю на диво **ненаходчив***); новый приговор **не** справедливее, **а** лишь суровее; ты поступил **не** плохо, **а** ужасно. Иногда вторая часть союза может заменяться на **тире**, например: **Не** приятное – захватывающее зрелище; он действует **не** энергичнее – суетливее; туда все стараются одеться прилично, **не** богато и **не** вызывающе – прилично.

Противопоставительная часть может вводиться с помощью слова **напротив**, например: *А при жизни **на**рава слыл **не** буйного, **не** заносчивого, **напротив**, характер являл услужливый, мягкий, даже застенчивый.*

Близкое к противопоставительному значению частица *не* имеет в конструкциях *больше не...* («раньше был такой-то, а теперь не такой»: *больше не глубокий*), *какой угодно, но не...* («не такой-то, а любой другой»: *какой угодно, но не глупый*), *и не так(ой) и не этак(ий)* («не такой и не этакий, а средний»: *само по себе оно не безобразно и не красиво; росту Заяц был среднего, не богат и не беден, импульсивен, но не орел*).

Примечание. Следует отличать противопоставительные конструкции от конструкций, в которых *а* и *но* близки по значению к *хотя*, *при этом*, *все-таки*, *тем не менее*, например: *река была неширокая, но полноводная* (хотя, но при этом полноводная); *она невысока, но стройна; недорогой подарок, но приятный* (*а = а при этом*); *ответ вроде бы и неглупый, а скучный* (*а = а при этом*).

2. Правило. **Не** с глаголами (во всех предикативных формах, с деепричастиями и краткими причастиями, полными причастиями при наличии глагольных актуализаторов¹), местоимениями, числительными и с существительными-предикативами² пишется раздельно.

Примеры: *не знаю, не знал, не зная, не светало, не знающий, не знавший, не познанный, не познан, не познаваемый за какое-то время; не он, не наши, не твоего; не один, не два и не три, не первый; не беда, не враг, не дурак (сделать что-то), не место, не подарок, не проблема, не промах, не сахар, не секрет, не судьба.*

Примеры контекстов. *Такого рода имена не редкость в смешанных семьях; Он не знаток вин; Видно, не судьба нам сегодня дойти до вершины; Не секрет, что кризис организован специально.*

Исключения: глаголы с приставкой *недо-*, слова, не употребляющиеся без *не* (кроме приведенных в § 58 искл.), следующие существительные-предикативы: *неохота, непорядок, неровня.*

3. Правило. **Не** с субстантивированными прилагательными пишется слитно.

Примеры контекстов. *У незнакомых лучше не останавливаться; Были составлены списки неблагонадежных, по их квартирам пошли участковые и сотрудники угро; Пришел этот небритый; За одного битого двух небитых дают; Ребята из неблагородных носятся вокруг, свистят, кричат.*

4. Правило. **Не** со значением, отличающимся от значения нейтрального отрицания, пишется слитно:

1) в словах, не употребляющихся без *не*, например: *небылица, небрежный, негодовать, невзрачный, нельзя, непрестанно, негусто* (чего-либо), *неустовый*;

2) в существительных, прилагательных, наречиях с *не*, которые нестандартно отличаются по значению, формообразованию, синтаксическим свойствам от основообразующих единиц, например: *недостаток* ('изъян') – *достаток* ('зажиточность'); *удобство* (мн. ч. *удобства*) – *неудобство* (мн. ч. нет); *ловкость* (свойство) – *неловкость* (испытываемость).

¹ Глагольные актуализаторы – это средства, подчеркивающие, выявляющие («актуализирующие») глагольное значение: указания на время действия, место, способ, агент действия.

² Существительными-предикативами называются имена существительные, употребляющиеся в данном значении только в позиции сказуемого, ср.: *он нам не указ* – **он нам указ, ему тут не место, не дурак поест*.

вать неловкость, *ловкость); *недоверчивый* к людям – **доверчивый* к людям; друг, друзья – *недруг*, *недруги*: *ты мой друг / недруг – ты мне друг / *недруг, ты мне не друг*; привычка, по привычке – с *непривычки*; *недолго* и *заблудиться* – **долго* и *заблудиться*;

3) в составе приставки *недо-*, например: *недовесить* (*недовесишь, недовес*);

4) в словах, имеющих значение умеренного проявления признака (*неглубокий* ‘умеренно глубокий’, *неплохой* ‘довольно хороший’);

5) в конструкциях со значением бинарного противопоставления, например: *вольно или невольно, справедливый и несправедливый, музыкальный и немusикальный, славянские и неславянские*.

Исключения. Пишутся с *не* раздельно следующие слова, не употребляющиеся без *не*: *не замай(те)* (‘не трогай(те)’), *не замедлить*, *не наздравствуешься*, *не нарадоваться*, *не оберешься*, *не обессудь(те)*, *не поздоровится*, *не преминуть*, *не сводить* (взгляда), *не сметь!*, *не спорится*, *не терпится*, *не убий*, *не переводится* (‘всегда в наличии’); предикатив *не прочь*, деепричастия и наречия от деепричастий *не покладая рук*, *не спеша*, *не мешкая*, *не мудрствуя лукаво*, *не обинуясь*, *не переставая*, *не торопясь*, *не шутя*. Существительные-предикативы (см. § 55; кроме *неохота*, *непорядок*, *неровня*). Слова, имеющие значение умеренного проявления признака: *не беден*.

Примеры: слова с приставкой *недо-*: *недовыполнить*, *недоглядеть* (*недогляд*, *недоглядывать*), *недоговорить* (*недоговаривать, недоговоренности*), *недогрузить* (*недогружать, недогруз, недогрузка*), *недодать* (*недодавать, недодача*), *недоделать* (*недоделывать, недоделка*), *недоедать* (*недоедание*), *недосчитаться* (*недосчитываться*), *недосыпать*, *недотянуть*, *недоучесть*, *недоучить* (*недоучиться*).

Примеры контекстов: *На столе стояли **недопитые** чашки; В ад ведут не вообще благие намерения, а **недодуманные**, не осмысленные во всей полноте.*

Примечание 1. Приставка *недо-* выражает значение неполноты действия, недостаточности действия, недостижения нормы (приставка эта часто антонимична приставке *пере-*, ср.: *недосолить* – *пересолить*, *недооценить* свои возможности – *переоценить* свои возможности). Возможно употребление с наречием степени *немного* (*немного недоделывать, недодать*). Не путать с сочетанием частицы *не* и глагола, начинающегося на приставку *до-* со значением ‘достижение результата’, ср.: *он еще не доел, он каждый раз не доедает картошку* – *Он недоедает* ‘ест меньше, чем ему необходимо’. Приставка *небез-* также имеет значение умеренной степени проявления признака, например: *небезызвестный* (‘весьма известный’), *небесполезный* (‘довольно полезный’),

небезопасно, не безопасен, не безусловен, не бесконечен, не беспомощен, не непрерывен, не бессмертен, не бессмыслен, не бесчестен и др. Однако далеко не все слова с приставкой *без-* пишутся слитно с отрицанием, например: *не безответно, не безусловно, не бескорыстно*. Примеры контекстов: *Алексеев был в ту пору влюблен – и, кажется, не безответно*; *Она моя родная кровь, и мне не безразлично, что с ней будет*; *Какое-то время нас будут выручать механизмы, но их ресурсы не безграничны*; *Человек не безразличен к звукам мира*; *Олег подозревал, что решение совета не бескорыстно*; *К счастью для нас, она не бессмертна*; *Однако функция буквы **е** в этом качестве не безусловна*.

Примечание 2. В прилагательных, образованных от глаголов с помощью приставки *не-* и суффиксов *-ем(ый)*, *-им(ый)*, выражается дополнительное модальное значение невозможности действия, все такие слова пишутся слитно и по данному пункту правила. Например: *незабываемый, неисправимый, непредсказуемый, неприемлемый, необитаемый, неопровержимый*.

Примечание 3. При появлении качественного оттенка у относительных прилагательных предпочтительно¹ слитное написание, например: *Машурина вдруг обняла Марианну и с неженской силой прижала к груди*; *Зачем с неженскою душой она любила конный строй* (А. С. Пушкин); *Показался слишком оскорбительным и небратским поступок поэта, воспевающего такие забавные вещи в такую минуту их жизни*.

Примечание 4. Бинарное противопоставление выражается и при присоединении отрицания к существительным, обозначающими принадлежность к какому-либо разряду лиц или явлений, выступающих не в позиции сказуемого: *Неврач не разберется в этом*; *Неспециалистам доклад понравился*; *Плач выражает несвободу, смех – свободу*. В позиции сказуемого существительное не может выразить это значение, поэтому в этой позиции отрицание пишется раздельно, например: *Я не врач*; *Петров не математик*; *Это не кислота*; *Он не храбрец*².

¹ Указание на предпочтительность того или иного написания дается в случаях существования вариативного написания в реальном грамотном письме.

² Практика письма выработала способ выражения бинарного противопоставления посредством дефисного написания, например: *Оппозиция язык / речь может быть представлена как оппозиция не-текст / текст*; *Разница между наречиями и не-наречиями трудноуловима*. Встречается также и раздельное написание, например: *Раскольников делит людей на подлецов и не подлецов, а их практику на подлую и не подлую*; *Оба течения одинаково святы или одинаково не святы*; *Сегодня мы поговорим о словах, которые могут быть вводными и не вводными*.

5. Правило. **Не** пишется раздельно с существительными, прилагательными, наречиями при логическом (смысловом) выделении отрицания.

1) Смысловое выделение отрицания может быть выражено лексически с помощью сочетаний *отнюдь не*, *далеко не*, а также в конструкциях типа *разве не*¹, *не ... ли*, *чуть ли не*, *это тебе (кому-л.) не*, *никак не*, *ничуть не*, *и не А и не В (=неА)*, *не А, но и не В=неА*, *безударных вовсе и совсем*.

Примеры контекстов. Он далеко не прост; Сделать этот шаг было далеко не просто; **Не правда ли?**; Махорочкой **не богат** (ли) будешь?; Но **не логично ли** признать, что...; Ещё бы не интересно; Это тебе не легкая прогулка; Неожиданно он забормотал просительно, чуть ли не жалобно; Ничуть не красиво; Он и не красив и не уродлив.

Примечание 1. Лексемы *вовсе* и *совсем* должны быть безударными (логически невыделенными), например: Они оказались вовсе не бездарными. При логическом ударении на наречиях, напротив, выражается усилительное утвердительное значение и возможно слитное написание, например: ↓вовсе неосвященные улицы; Все эти страшные хищения казались ↓вовсе незаметными в их хозяйстве; Вслед за ними приехали уж и ↓вовсе немолодая пара.

Примечание 2. В правиле из всех контекстов с частицей *ни* упомянуты только *никак не*, *ничуть не*, *нисколько не*. Написание в других контекстах однозначно не определяется, ср.: Приеду в мае независимо ни от чего; Можно опустить эти никому ненужные детали; ни в чем неповинные люди; ничем неоправданное нарушение.

2) Смысловое выделение отрицания может быть лексически никак не выражено, если отрицается предшествующее утверждение (или подразумеваемое утверждение, или чье-то ожидание, общее исходное утверждение).

Примеры контекстов. Я **не молоденький**, чтобы бегать по лестницам (подразумевается, что только молодые могут бегать по лестницам); Он ведь даже **не красив** (отрицается общее представление, презумпция, что только для красивых такое возможно). Раздельное написание краткого прилагательного *не глуп* во фразе Швабрин был не глуп и не дураком заставляет предположить, что кто-то думал, что Швабрин был глуп и уродлив. Раздельное написание *не богатый* в контексте На что мне совесть? Я не богатый определяется отрицани-

¹ Контекст *разве не* требует особой интонации, ср.: *Разве это не удача?* – Ну, разве это *неудача?*

ем подразумеваемого утверждения, что только богатым доступна роскошь иметь совесть.

3) Логическое выделение слова при отрицании сопровождается особой интонацией.

Примеры контекстов. *Он видел **не** ↓много таких красавиц; **Не** ↓много найдется людей, готовых на риск; Он **не** ↓много может рассказать о вас* (при отсутствии логического ударения на наречии рекомендуется слитное написание: *он может **немного** рассказать о ↓работе, немного о ↓семье*); *Равных им найдется **не** ↓много.*

6. Правило. **Не** с общеотрицательным значением пишется слитно с существительными, образованными от прилагательных или глаголов, употребленных не в контексте противопоставления или логического выделения, например: *незатейливость, незаурядность, незвучность, нездешность, незлобность, неизвестность, недоверчивость, неприятие, неприсоединение, непопадание.*

Примеры контекстов. *Вся эта конструкция строится на **непрочтении** первого тома сказки; Объяснение через следование за точностью звучания сменяется **неследованием** звучанию в других случаях; Бытовое пространство заполнено вещами с резко выделенным признаком материальности, **небытовое** – **непредметами**: природными и астральными явлениями; За **невыход** на работу полагался карцер; Журнал больше не высылают за **невзнос** очередной полугодовой платы; Штраф за **неоказание** услуги, за **недоставку** товара; И он страдает от **неидеальности** жизни?; Причина этому – **неизученность** вопроса; **Необразованности** народа, **недифференцированности** философии соответствует **неделовитость** интеллигенции.*

7. Правило. Написание отрицания в остальных случаях определяется по словарю (то есть слитно, если слово фиксируется словарями в слитном написании, и раздельно, если словари не фиксируют слово в слитном написании или фиксируют только в раздельном написании).

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Коммуникативная реакция на истинностное значение высказывания *Другого* // Логический анализ языка. Ассерция и негация. М., 2009. С. 5–11.

Зализняк А. А., Падучева Е. В. Об инициальном отрицании // Падучева Е. В. Русское отрицательное предложение. М., 2013.

Панов М. В. О дефисных написаниях // Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М., 2004.

ПАС – *Правила русской орфографии и пунктуации*. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2006. 480 с.

Розенталь Д. Э. Вопросы русского правописания. Практическое руководство. М., 1962.

E. V. Beshenkova

**Written Words with Negative:
Orthographic Dictionary, Rules and Real Literate Writing**

This article discusses the discrepancy in the recommendations of the spelling dictionary, rules, and real literate writing regarding the issue of merged or separate spelling of words with the negation *не*. Two types of discrepancies are highlighted: a) words, always written separately, some of them are recorded in dictionaries, but the rules do not discuss and rarely mention them, b) according to the rule, words should be written as one to express a positive attribute and separately when expressing a negative attribute, but in real contexts, this difference cannot be expressed, does not matter to the writer, or they do not have the means to express it, since the word is written either only together or only separately.

The article proposes the necessary amendments to the rules that would allow the writer, firstly, to understand exactly when they should turn to the rule or the dictionary; and secondly, to determine whether this position allows to express an opposition between the statement and the negation of the trait or it is neutralized. When neutralizing a systemic opposition, its implementation in the text is determined by the norm, i.e. the norm determines the spelling (as well as pronunciation, etc.) of specific units. The norm for many units is not worked out: the share of variational spelling that does not have semantic differences is large. The existing methods of recording in dictionaries do not allow us to determine the context-related spelling.

Keywords: spelling, negation, fused / separate spelling, *usus*, codification, rules, dictionary, codification rules, system, norm, variability.

М. Я. Дымарский

*Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
Институт лингвистических исследований РАН*

КАК ПОБЕДИТЬ «ЭТИ ЕДВА ЛИ ПОБЕДИМЫЕ ТРУДНОСТИ»: ТЕСТ ДЛЯ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ НА -МЫЙ

На основе категориальной семантики отглагольных прилагательных на *-мый* с приставкой *не-*, с необходимостью включающей элемент модального значения невозможности, предлагается тест на перифразу, выявляющую этот элемент. Тест позволяет облегчить разграничение таких прилагательных и омонимичных им причастий, актуальное для выбора их слитного / раздельного написания с *не*. Подробно рассмотрены прилагательные, входящие в списки вызывающих наибольшие затруднения. Показано, что далеко не все из них неспособны употребляться без отрицания.

Ключевые слова: орфография, правописание, отглагольные прилагательные на *-мый*, страдательные причастия настоящего времени, слитное / раздельное написание с *не*, тест на перифразу.

Проблема разграничения отглагольных прилагательных на *-мый* и страдательных причастий настоящего времени, приобретающая актуальность при выборе их слитного / раздельного написания с *не*, может быть решена при учете точного замечания Е. В. Бешенковой: «В прилагательных, образованных от глаголов с помощью приставки *не-* и суффиксов *-ем(ый)*, *-им(ый)*, выражается дополнительное модальное значение невозможности действия» (цит. по личному сообщению Е. В. Арутюновой). Практически эта же формулировка, но без термина *модальный*, содержалась в Проекте [Свод правил 2000: 194]: «Слитно пишутся также прилагательные, образованные от глаголов с помощью приставки *не-* и суффиксов *-ем(ый)*, *-им(ый)* и выражающие значение невозможности действия, например: *незабываемый*, *неисправимый*, *непредсказуемый*, *неприемлемый*, *необитаемый*, *неопровержимый*». В Полном академическом справочнике этого примечания нет (во всяком случае, в его сетевой версии [Правила]).

Модальное значение невозможности действия несовместимо с категориальным значением актуального процесса: например, если речь идет о непередаваемых словами чувствах, подразумевается невозможность передать такие чувства словами, их принципиальная невырази-

мость – и, соответственно, значение актуального процесса ‘некто передает чувства словами’ исключено. Отсюда следует, что отглагольное признаковое слово (например, *непередаваемый*) в таком контексте передает непроцессуальный признак и является прилагательным.

Опираясь на эти соображения, можно предположить, что если отглагольное признаковое слово на *-мый* с частицей *не* означает не отсутствие действия по мотивирующему глаголу (в особенности гипотетическому или синонимичному), а невозможность такого действия, то оно является прилагательным и пишется с *не* по общему правилу, действующему для прилагательных. В качестве теста можно использовать допустимость / недопустимость перифразы с модальным словом *невозможно* или инфинитивным предложением со значением невозможности:

(1) *непередаваемые* (словами чувства) → *невозможно передать* (словами чувства); *Такие чувства не передать* словами.

В контекстах же с выраженным или скрытым (но подразумеваемым) контрастом может быть актуализирована процессуальная семантика:

(2) *Комиссию могли заинтересовать только не передаваемые* словами чувства [*словесно же выраженные они игнорировали*].

В (2) требуется раздельное написание, потому что семантика процесса передачи чувств актуализирована, признак «непереданности» словами не является постоянным. Стоит обратить внимание и на изменение оттенка значения в отглагольном признаковом слове. В (2) значение невыразимости исчезает, перед нами причастие от глагола *передавать*. Заметим, что искусственный пример (2) имеет один изъян: в естественной речи был бы избран, скорее всего, иной порядок слов, исключающий двоякое чтение:

(2.1) *Комиссию могли заинтересовать только чувства, не передаваемые* словами,

– или просто другая конструкция:

(2.2) *...чувства, передаваемые не словами, а мимикой и жестом.*

Ср. примеры из НКРЯ¹:

(3) *В зависимости от степени дифференцированности собственного значения, от его предметно-смысловых и экспрессивно-стилистических оттенков экспрессивный синоним может выражать и свободное номинативное значение, не передаваемое другими словами того же синонимического ряда, хотя и соотносительное с ними* [В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова (1960–

¹ Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru), даты обращения: 5–11.01.2018.

1969)]: другие слова *не передают* номинативного значения (хотя *передают* другие), актуализирована процессуальная семантика. Важно учесть, что форма Тв. п. *словами* в данном контексте имеет иную ролевую семантику, нежели в штампе *непередаваемые словами чувства*: здесь это не орудие, но агент;

(4) *По-французски эта книга называется Penser au Moyen Âge, и в этом словосочетании скрыта двусмысленность, **непередаваемая** на русском языке, но важная для понимания всего содержания* [Рецензии (2003) // «Неприкосновенный запас», 2003.11.11] (по-русски передать невозможно);

(5) *Из третьей группы стали растаскивать «трофеи» по домам и по койкам, и там, на протяжении ряда дней, вели над ними **непередаваемые** на бумаге эксперименты* [В. Н. Гельфанд. Дневники 1944–1946 гг.] (передать на бумаге невозможно)¹.

Существенно, что в перифразе (1) и при тестировании примеров (4) и (5) используется не собственно глагол несовершенного вида (НСВ) *передавать*, формой которого является причастие *передаваемый*, а его пара совершенного вида (СВ) *передать*. Между тем при тестировании примера (3) естественно использовать глагол НСВ. Этот факт можно трактовать как свидетельство ослабления связи между мотивирующим глаголом НСВ и адъективированным причастием *непередаваемый*. С. М. Евграфова пишет об этом как «о тенденции к смысловому перерождению прилагательных этого типа: в некоторых контекстах они совсем теряют связь с исходным глаголом» [Евграфова 2003].

Чтобы проверить высказанную гипотезу, обратимся к списку прилагательных, обычно приводимых при формулировке данного правила. Если окажется, что предлагаемая возможность перифразы подтверждается хотя бы для большинства прилагательных из этого списка, можно будет считать, что этот тест действительно обнаруживает

¹ НКРЯ по запросу *непередаваемый* выдает список из 428 документов с 537 вхождениями. Однако абсолютное большинство примеров иллюстрирует употребление прилагательного *непередаваемый* без зависимых слов (на первые 160 документов приходится лишь 2 примера, приведенных здесь как (4) и (5)). По запросу *не + передаваемый* (*страд. прич. наст. вр.*) получено 32 документа, 32 вхождения, из которых большинство содержат отступления от комментируемого правила, ср.: *Вся степная птица, отпуганная пожаром, опять занимает свои места и поселяется в этом море зелени, весенних цветов, цветущих кустарников; со всех сторон слышны: **не передаваемое** словами чирканье стрепетов, заливные, звонкие трели кроншнепов, повсеместный горячий бой перепелов, трещанье кречетов* [С. Т. Аксаков. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии (1852)].

адъективную природу рассматриваемого отглагольного признакового слова.

Наиболее полный список содержится в [Валгина, Светлышева 2001: 118]. Его можно частично дополнить словами, приводимыми в статье [Вялых 2003]: в этом случае объем списка превысит 100 слов.

Имеет смысл уточнить, что в указанный список входят отнюдь не только слова, которые без *не* никогда не употребляются. Вопреки мнению И. В. Вялых [Указ. соч.] и авторов пособия [Валгина, Светлышева 2001], эти слова далеко не всегда подтверждают характеристики «не употребляющиеся без частицы *не*» (И. В. Вялых) или «всегда пишущиеся с *не* слитно» (В. Н. Светлышева). Опираясь на данные НКРЯ, их можно разделить на три группы:

1) прилагательные на *-мый*, с достаточной регулярностью употребляемые без *не*;

2) прилагательные на *-мый*, находящиеся на грани употребительности / неупотребительности без *не*;

3) прилагательные на *-мый*, не употребляющиеся без *не*.

К **первой** группе, например, относятся:

– *неведомый* (4266 вхождений ¹ для *ведомый*, из них вхождения *ведомый* составляют не более 20 %);

– *невообразимый* (202 вхождения для *вообразимый*);

– *невосполнимый* (13 ² вхождений для *восполнимый*);

– *невыносимый* (9 вхождений для *выносимый* в значении ‘терпимый, сносный’);

– *невыразимый* (135 вхождений для *выразимый*);

– *недвижимый* (без *не*-, в адъективном значении ‘позволяющий [себя] передвигать’, ср. *движимое* и *недвижимое имущество*, и в причастных значениях: прямом ‘двигаемый, перемещаемый’ и переносном ‘побуждаемый’, – 1311 вхождений);

– *недосягаемый* (52 вхождения для *досягаемый*);

– *неизъяснимый* (7 вхождений для *изъяснимый*);

¹ Здесь и далее по данным НКРЯ.

² Количество вхождений, не превышающее полутора-двух десятков, может показаться недостаточным для утверждения о нормативной употребительности лексемы. Но следует учитывать, что объем НКРЯ ограничен, и при поиске в Интернете выдаче НКРЯ обычно соответствует массив ответов, превышающий объем этой выдачи на порядок и даже на несколько порядков. Это означает, что реальная употребительность лексемы существенно выше, нежели можно представить по данным НКРЯ. Поэтому в данном случае лексема оценивается как находящаяся на грани употребительности / неупотребительности при условии, если объем выдачи НКРЯ составляет от 1 до 4 вхождений.

- неисчерпаемый (16 вхождений для *исчерпаемый*);
- неисчислимый (6 вхождений для *исчислимый*);
- неодолимый (18 вхождений для *одолимый*);
- неопиcуемый (23 вхождения для *описуемый*);
- неоспоримый (63 вхождения для *оспоримый*);
- непобедимый (28 вхождений для *победимый*. Значительная часть примеров иллюстрирует раздельное написание в сочетаниях типа *ни-кем (ничем) не победимый*, однако в 13 случаях имеем полноценные прилагательные в контекстах без отрицания, ср.:

(6) *Оказывается, какую бы свинью мы ни пасли в своем сердце, какая бы страсть в нас ни жила, она **победима*** [Протоиерей Димитрий Смирнов. Проповеди (1984–1989)];

(7) *Сексуальный акт, сексуальная функция **победимы**, но пол непобедим* [Н. А. Бердяев. Смысл творчества (1913–1914)];

(8) *Надобно иметь в виду эти едва ли **победимые** трудности, чтоб в художественной критике памятника видеть не столько оценку действительности, сколько идеальное желание того, что могло бы быть* [Ф. И. Буслаев. Памятник Тысячелетию России (1862)];

- неповторимый (35 вхождений для *повторимый*);
- непримиримый (18 вхождений для *примиримый*, из них 10 вне контекста отрицания);
- неразделимый (18 вхождений для *разделимый*, из них 10 вне контекста отрицания);

- неразличимый (1085 вхождений для *различимый*);

- несгораемый (49 вхождений для *сгораемый*) и др.

Ко **второй** группе относятся, в частности:

- невозместимый (1 вхождение для *возместимый*;

(9) *У старости свои законы, ее потери трудно **возместимы**...* [Даниил Гранин. Искатели (1954)];

- неизгладимый (2 вхождения для *изгладимый*, ср.:

(10) *Пусть не смеются над мной заранее, что я считаю ошибки ума слишком легкими и быстро **изгладимыми*** [Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1877. Год II-й (1877)];

- неопенимый (4 вхождения для *оценимый*, при этом надежным является только один пример:

(11) *При этих условиях то, что я остался цел, живу и искушаю Вас своею ересью – едва **оценимая**, неизреченная милость* [Вадим Баевский. Счастье // «Знамя», 2004)];

- непогрешимый (3 вхождения для *погрешимый*);

- непоколебимый (из 12 вхождений для *поколебимый* 10 – контексты с отрицательным местоимением, и лишь 2 примера из XIX в. ил-

люстрируют употребление краткой формы *поколебим* вне контекста отрицания, ср.:

(12) *Так, знания наши о предметах, сильно затрагивающих наше «я», непрочны и поколебимы* [Н. И. Пирогов. Вопросы жизни. Дневник старого врача (1879–1881)];

– *непреоборимый* (заслуживают внимания 3 из 7 вхождений для *преоборимый*, ср.:

(13) *Обстоятельства, которые противостоят ему, все-таки преоборимые* обстоятельства, потому что как личность он может что-то предпринимать, бороться, терпеть [Юрий Казаков. Арбат был завален обломками... (1960–1970)];

– *непререкаемый* (4 вхождения для *пререкаемый*);

– *нерасторжимый* (6 вхождений для *расторжимый*, из них 4 вне контекста отрицания) и др.

Наконец, примеры прилагательных **третьей** группы – действительно не употребляющихся без *не-* (по данным НКРЯ):

– *невредимый*;

– *негасимый*;

– *недвижимый* (в значении ‘замерший, лишенный движения’);

– *неиссякаемый*;

– *неколебимый* (по запросу *колебимый* НКРЯ выдает 7 вхождений, но в 6 из них – контексты с зависимым отрицательным местоимением, ср. *ничем не колебимая любовь*, в одном же – явная опечатка:

(14) *Гитлеру показывали фотографии прибранных развалин как утешительное свидетельство высокого патриотизма немцев и их колебимой веры в победу* [Вадим Кожевников. Щит и меч. Кн. вторая (1968)];

– *нелюдимый* (это прилагательное не является отглагольным и попало в рассматриваемый список только в силу омонимии причастного и производного от него адъективного суффиксов. Любопытно, что НКРЯ выдает два вхождения по запросу *людимый*:

(15) *Я вообще не очень-то людимый стал в последнее время, но, странное дело, я чувствовал, что говорить с Дуней можно* [Виктор Драгунский. Он упал на траву (1961)];

(16) *Зато народ смышлен, сметлив, общителен, людим, если можно так выразиться, в противоположность слову «нелюдим»* [И. С. Аксаков. Письма родным (1849–1856)].

Осознанная окказиональность употребления очевидна не только во втором случае, где рефлексия по этому поводу выражена прямо, но и в первом);

– *неминуемый*;

– *необходимый*;

– *неотразимый* (по запросу *отразимый* НКРЯ возвращает шесть вхождений, но в двух из них – отдельные написания с *не*, явно не соответствующие действующей норме, еще в трех – сочетания с отрицательными местоимениями, и только в одном – краткая форма *отрази-*ма в контексте контраста с элементом игры слов:

(17) [Май, муж] *Я неотразим!* [Бульди, жен] *А я что, **отразима**, что ли? Я тоже на бескайтах!* [Л. С. Петрушевская. Анданте (1975)];

– *неотъемлемый*;

– *неподражаемый* (из восьми вхождений для *подражаемый* пять относятся к XVIII в. и несут явные приметы архаичности, в двух случаях имеем субстантивированное причастие *подражаемое*, в одном – страдательное причастие в контексте контраста с действительным причастием);

– *нерушимый*;

– *нескончаемый*;

– *несмолкаемый*;

– *несовратимый* и др.

Теперь посмотрим, в какой мере тест на перифразу с выраженным модальным значением невозможности применим к словам из списка.

Возможность перифразы показывает, что связь значения прилагательного с семантикой глагольной основы не утрачена и, следовательно, такое прилагательное или регулярно, или окказионально может употребляться без *не*: его семантика в большей степени композициональна, значение невозможности появляется благодаря приставке *не-* в легко восстанавливаемом процессе деривации:

вообразить → *вообразимый* ('можно вообразить') → *невообразимый* ('невозможно вообразить').

Что же касается прилагательных, для которых подобная перифраза затруднена или невозможна, то их деривация, как правило, затемнена, а семантика – как раз по этой причине – в меньшей степени композициональна (ср. *недвижимый*, *невредимый*). Отсюда вытекает более высокая степень спаянности приставки с глагольной основой и меньшая вероятность отрыва приставки. Для таких прилагательных тест на перифразу с выраженным значением невозможности не имеет смысла: другого значения у них быть не может. Однако их значительно меньше, чем первых, и это открывает перспективу добиться большей компактности формулировки правила в справочниках: если дополнить формулировку указанием на возможность использовать перифразу как тест для выбора слитного или раздельного написания отглагольного признакового слова на *-мый*, то задать списком можно только те при-

лагательные, для которых подобная перифраза невозможна или затруднена.

Ниже приведены прилагательные из списка В. Н. Светлышевой, дополненного словами из списка И. В. Вялых, с указанием перифразы в тех случаях, когда она не затруднена; полужирным выделены прилагательные, перифраза для которых как минимум неочевидна:

неведомый;

невозместимый: невозможно возместить;

невозмутимый: невозможно возмутить;

невознаградимый: невозможно вознаградить;

невообразимый: невозможно вообразить;

невозполнимый: невозможно восполнить;

невредимый;

невыносимый ('нестерпимый'): невозможно вынести 'стерпеть';

невыразимый: невозможно выразить;

негасимый;

недвижимый;

недопустимый: невозможно допустить;

недостижимый: невозможно достигнуть;

недосягаемый;

независимый;

незаменимый: невозможно заменить;

незримый: невозможно увидеть;

незыблемый;

неизгладимый: невозможно изгладить (впечатление, след);

неизлечимый: невозможно излечить;

неизмеримый: невозможно измерить;

неизобразимый: невозможно изобразить;

неизъяснимый: невозможно изъяснить;

неисповедимый;

неисполнимый: невозможно исполнить;

неисправимый: невозможно исправить;

неиссякаемый;

неистоцимый: невозможно истощить;

неистребимый: невозможно истребить;

неисцелимый: невозможно исцелить;

неисчерпаемый: невозможно исчерпать;

неисчислимый: невозможно исчислить;

неколебимый;

нелюбимый;

[**нелюдимый**;]

неминуемый: невозможно миновать, избежать;
немыслимый: невозможно помыслить;
ненарушимый: невозможно нарушить;
необратимый: невозможно обратить 'повернуть вспять';
необходимый;
необъяснимый: невозможно объяснить;
неодолимый: невозможно одолеть;
неопалимый;
неописуемый: невозможно описать;
неопределимый: невозможно определить;
неопровержимый: невозможно опровергнуть;
неоспоримый: невозможно оспорить;
неосуществимый: невозможно осуществить;
неотвратимый: невозможно (пред)отвратить;
неотделимый: невозможно отделить;
неотразимый: невозможно отразить;
неотъемлемый;
неоценимый: невозможно оценить 'измерить цену';
неосязаемый: невозможно ощутить;
непобедимый: невозможно победить;
неповторимый: невозможно повторить;
непогрешимый;
неподражаемый: невозможно подражать;
непоколебимый: невозможно поколебать;
непоправимый: невозможно поправить;
непреоборимый: невозможно перебороть;
непреодолимый: невозможно преодолеть;
неперекаемый: невозможно перечить, подвергать сомнению;
неприменимый: невозможно применить;
непримиримый: невозможно примирить;
непроницаемый: невозможно проникнуть;
непроходимый: невозможно пройти;
неразделимый: невозможно разделить;
неразличимый: невозможно различить;
неразложимый: невозможно разложить;
неразрешимый: невозможно разрешить;
неразрушимый: невозможно разрушить;
нерастворимый: невозможно растворить;
нерасторгжимый: невозможно расторгнуть;
нерушимый: невозможно разрушить;
несгораемый: невозможно сжечь;

несклоняемый (термин): невозможно склонять;

нескончаемый;

несмолкаемый;

несовратимый: невозможно совратить;

несоизмеримый: невозможно соизмерить;

несократимый: невозможно сократить;

несокрушимый: невозможно сокрушить;

неспрягаемый (термин): невозможно спрягать;

несравнимый: невозможно сравнить;

нестерпимый: невозможно стерпеть;

неувядаемый: невозможность увядания;

неугасаемый: невозможность угасания;

неугасимый: невозможность угасания;

неударяемый (термин);

неудержимый: невозможно удержать;

неудобоваримый;

неудобочитаемый;

неукротимый: невозможно укротить;

неуловимый: невозможно поймать, уловить;

неумолимый: невозможно умолить;

неумолкаемый: невозможность умолкнуть;

неустранимый: невозможно устранить;

неустрашимый: невозможно утратить;

неутолимый: невозможно утолить;

неутомимый: невозможно утомить.

Таким образом, если оставить в списке наиболее распространенных слов, вызывающих затруднения, только те, что не допускают перифразы с выраженным модальным значением невозможности, объем списка сокращается почти в пять раз: со 101 до 21 вокабулы.

Соотношение 21 : 80 убедительно свидетельствует о том, что допустимость перифразы с выраженным модальным значением является неотъемлемым признаком отглагольных прилагательных на *-мый*. Отсюда следует, что предлагаемый тест может использоваться как средство диагностики частеречной принадлежности отглагольного признакового слова.

Рассмотрим примеры, вызвавшие осенью 2017 г. оживленную дискуссию среди специалистов:

(18) *(не)облагаемая налогом стоимость*;

(19) *(не)используемый в предпринимательской деятельности*.

Прежде всего нужно заметить, что эти примеры не содержат контекстов, достаточных для диагностики (именно в таком виде они были

предложены корреспондентом «Грамоты.ру» В. М. Пахомову). Поэтому придется реконструировать разные ситуации, в которых могут фигурировать эти словосочетания.

(18.1) Речь идет о таких видах стоимости, которые не позволяют найти адекватные основания для исчисления их размеров или не представляют интереса для государства и потому никогда не облагаются налогами (ср. налоги на воздух, осадки, грозу у Дж. Родари¹). В этом случае *необлагаемая налогом стоимость* = *стоимость, которую невозможно обложить налогом* (у Родари подразумевается как раз абсурдность подобного налога, хотя история знает реальные прецеденты налогов не только на воздух (Византия), но и на еврейскую внешность – в Древнем Риме, на воробьев – в Германии (Вюртемберг), на окна – в Голландии и Англии, на стачиваемые зубы – в Османской империи и мн. др.). Следовательно, в этом случае – прилагательное со слитным написанием, несмотря на наличие зависимого Тв. п., поскольку налог не агенс (агенсиом может быть только властная структура) и не орудие (орудием является налоговая служба), а объект (насилъственной) передачи.

(18.2) Если речь идет о видах стоимости, которые могут облагаться, но по каким-то причинам не облагаются налогом, то в такой ситуации явно просматривается агенс, принимающий соответствующее решение (облагающий или не облагающий налогом данный вид стоимости). В этом случае перифраза вида (18.1) невозможна, и, независимо от наличия имени агенса в Тв. п., *облагаемый* – причастие, требуется раздельное написание: *не облагаемая налогом стоимость*.

(19.1) Если речь идет о предметах, инструментах и т. п., которые в принципе не могут использоваться в предпринимательской деятельности, то тест на перифразу дает положительный результат (невозможно использовать), требуется слитное написание: *неиспользуемый в предпринимательской деятельности*.

(19.2) Если же речь идет, допустим, о конкретном имуществе некоего лица, которое это лицо в своей предпринимательской деятельности по каким-то причинам не использует (и поэтому, допустим, на это имущество, в отличие от остального, не следует налагать арест), то перифраза с выраженным значением невозможности не проходит, и даже в отсутствие агентивного дополнения (*не используемое им*) тре-

¹ «Нижеподписавшиеся, графиня Старшая и графиня Младшая из почтенного рода Вишен <...> просят суд подтвердить, что каждый житель деревни повинен уплачивать им арендную плату в сумме ста лир за простой дождь, двухсот лир за ливень с громом и молнией, трёхсот лир за снег и четырёхсот лир за град» (Дж. Родари. Приключения Чиполлино).

буется раздельное написание: *не используемый в предпринимательской деятельности*.

Таким образом, тест на перифразу с выраженным модальным значением невозможности может служить надежным инструментом для разграничения прилагательных на *-мый* и омонимичных им причастий. Кроме того, если ввести указание на этот тест в формулировку соответствующего правила, можно существенно сократить приводимый при нем вспомогательный список слов, наиболее часто вызывающих затруднения.

Список литературы

Валгина Н. С., Светлышева В. Н. Орфография и пунктуация: Справочник. М.: Неолит, 2001.

Вялых И. В. Правописание частицы *не* с глагольными образованиями на *-мый* // Русский язык. № 10 (698), 2003 [URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200301005>].

Евграфова С. М. Безумное правило: Послесловие редактора // Русский язык. № 10 (698), 2003 [URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200301006>].

Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина [URL: <http://orthographia.ru/orfografia.php>].

Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация: Проект. М.: Азбуковник, 2000.

М. Ya. Dymarsky

How to Surmount These “Hardly Surmountable Complications”: The Test for Adjectival Deverbatives with *-мый*

On the basis of the categorical semantics of adjectival deverbatives with *-мый* prefixed with *не-* conveying the idea of necessity and the modality of impossibility, we propose a test on periphrasis to detect that modality. The test makes it easier to distinguish between these adjectives and homonymous participles, relevant for the selection of their fused / separate spelling with the *не* particle. Adjectives from the lists of words causing the greatest difficulties are considered in detail. It is demonstrated that not all of them are incapable of being used without a negation.

Keywords: orthography, spelling, adjectival deverbatives with *-мый*, present passive participles, fused / separate spelling with the *не* particle, test on the periphrasis.

О. М. Исаченко

Новосибирский государственный университет

ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ КАПРИЗ:

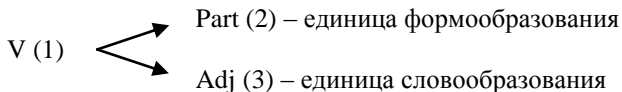
***Н* ИЛИ *НН* В ГИБРИДНЫХ АТРИБУТИВАХ**

Насущной проблемой русского правописания была и остается орфограмма «НН и Н в страдательных причастиях и соотносительных с ними прилагательных». В статье представлены методические приемы, направленные на освоение правил, с учетом всех возможных критериев, которые определяют выбор орфограммы. Проведен подробный анализ нормативных прескрипций, выявлены проблемные места орфографической кодификации. Представлен орфографический анализ многочисленных контекстов из современной отечественной прозы с ошибочным выбором написания. А также разобраны случаи, иллюстрирующие «амбивалентность» применения правила.

Ключевые слова: атрибутивы, орфографическая норма, грамматические омонимы, принцип дифференцированного написания.

Наиболее ошибкоопасным местом в русской орфографической системе является написание Н или НН в парах типа *мощёный* (прил.) – *мощённый* (прич.), которые условно можно назвать «гибридными атрибутивами» глагольной семантики. Вопрос их деривационной истории принципиален лишь для специалиста в этой области, а для пишущего, который должен применить правило, не существует.

Судя по формулировкам из орфографических справочников («соотносительные с ними по форме прилагательные»; «отглагольные прилагательные»), такие гибриды признаются отглагольными кодери-
ватами.

Но возможна и иная трактовка, если принять во внимание продуктивность конверсии как разновидности безаффиксного способа в современной словообразовательной системе русского языка. В этой деривационной логике отглагольные корреляты можно считать «соседями» по словообразовательной цепочке: *глагол* – *причастие* → *адъективированное причастие* (то есть *прилагательное*):

стричь – прич. *стриженный* → прил. *стриженный*; *косить* – прич. *кошенный* → прил. *кошенный* (но *линовать* – прич. *линованный* → прил. *линованный* и т. п.).

Процесс адъективации, как правило, сопровождается семантическим сдвигом, например, по метонимической модели: косят траву и сено, а *кошеным* называют луг; стригут волосы, а *стриженой* называют голову.

Разные объяснения способов «производства» отглагольных прилагательных (непосредственно от глагола или через адъективацию причастия) не отменяют необходимости выбора Н или НН. По сути, эта орфограмма является письменным способом дифференциации большого количества¹ омонимичных причастий и прилагательных².

Таким образом, корректность применения правила зависит от лингвистической компетенции пишущего, в том числе от его умения определять слово как часть речи. Иными словами, при выборе орфограммы Н или НН нужно не только знать правило, но и давать морфологическую квалификацию атрибуту для корректного применения правила в «зоне разграничения» причастий и прилагательных. Только в этом случае можно реализовать предписание кодификаторов: причастия пишутся с НН, прилагательные – с одним Н (§ 98, п. 3) [ПАС 2013: 90]. Этот критерий понятен лингвисту и неочевиден для неспециалиста – рядового пишущего, который является адресной аудиторией Полного академического справочника «Правила русской орфографии и пунктуации» [ПАС 2013], так как он «предназначен для самого широкого круга читателей».

¹ В частности, на основе сплошной выборки из «Грамматического словаря русского языка» А. А. Зализняка [1977] и проверки по современным толковым словарям была выявлена 141 омонимичная пара с суффиксами *-енн-* (прич.) и *-ен-* (прил.), которые восходят к бесприставочным глаголам НСВ (*багрить*, *белишь*, *беречь*, *варить*, *волочь* / *волочить*, *воронить*, *воищать*, *вялить*, *гасить*, *гладить*, *грабить*, *гранить* и т. д.).

² Следовательно, подпадает под действие принципа дифференцированного написания, который называется «смысловым», так как выбор орфограммы зависит от лексического значения слова. Заметим, однако, что среди примеров дифференцирующих написаний (*компания* – *кампания*; *бал* – *балл*) отмечены и пары, в которых лексические различия объясняются грамматикой слова: *поджог* (сущ.) – *поджѐг* (глагол), *плач* (сущ.) – *плачь* (форма глагола). Этому же принципу русской орфографии подчиняются слитные / раздельные написания омонимичных слов разной частеречной принадлежности: *вверх* – *в верх*, *начеку* – *на чеку*, *ввиду* – *в виду*, *вроде* – *в роде* и др.

Рассматриваемая орфограмма подробно (с пунктами и подпунктами, исключениями и примечаниями) описана в § 98, 99 под заголовком «Двойное **н** и одно **н** в суффиксах страдательных причастий прошедшего времени и соотносительных с ними прилагательных» [ПАС 2013: 89–92]. Уже на точке входа «широкий круг читателей» может встретить «ментальное препятствие» – в виде тяжеловесного, перегруженного терминами (например, избыточными «регалиями» причастий – *страдательное, прошедшее время*) названия орфографического правила, в тонкостях которого, судя по формулировке, впору разобраться только специалисту или практику. Чтобы исключить подобный эффект «ментальной неприязни», в справочнике **для всех** можно использовать более простое название орфограммы, например: «Н и НН в причастиях и омонимичных прилагательных».

Нормативные «прескрипции» этого правила нетривиальны – ни по форме (научнообразному способу изложения), ни по содержанию.

Для формализованного представления правила, изложенного в § 98–99, мы, практически в полном соответствии с его «буквой»¹, составили таблицу. В ней все предписания и частные случаи распределены в 3 колонки: 1) безусловное НН; 2) безусловное Н; 3) обусловленное Н или НН (предполагает осознанный выбор пишущего на основе грамматических показателей).

НН в формах, образованных от	Н в отдельных употреблениях	НН / Н в зависимости от части речи
1. От глаголов на -овать- / -евать (линованный, реорганизованный, балованный)		От бесприставочных глаголов НСВ (в том числе жевать, клевать, ковать) причастия – с НН, прилагательные – с Н:
2. От глаголов СВ: – с приставками (за искл. не-: названный, выстиранный, исписанный, покрашенный, усиленный); – без приставок (прощённый, брошенный, даный, конченный,	названный <i>брат / сестра</i> посажённый <i>отец / мать</i> Прощённое <i>воскресенье,</i> конченный <i>человек</i>	<i>стриженные парикмахером</i> <i>волосы, коротко стриженные волосы – стриженные волосы;</i> <i>жёванный (прич.) – жёванный (прил.)</i>

¹ Например, мы вынужденно отступили от п. 1 § 98, в котором в связи с глаголами на -овать, -евать (типа *организовать, корчевать*) упомянуты глаголы *жевать, клевать, ковать* (со ссылкой на последующий пункт), в структуре которых указанные суффиксы отсутствуют (в них глагольная основа оформляется суффиксом -а-).

купленный) или с «этимологическими» приставками (<i>встреченный, затеянный, обиженный, обретенный</i>) ¹		
3. От двувидовых глаголов (<i>венчанный, завещанный, обещанный, казнённый, рождённый</i>)		От трех двувидовых глаголов: <i>контузить, крестить, ранить</i> . Ср.: <i>только что крещённый ребенок</i> (прич.) – <i>крещёный ребенок</i> (прил.)
4. От нескольких глаголов НСВ: – без приставок или с приставкой <i>не-</i> : <i>(не)виданный, (не)слыханный, (не)желанный, (не)жданый;</i> – с приставками: <i>(не)надеванный, разливанное море;</i> – с приставкой <i>не-</i> : <i>негаданный, неожиданный, нечаянный</i> ² ; <i>неведанный, недремáнное око;</i> – в составе сложных слов: <i>долгожданый, доморощенный.</i>		НН или Н как в производящем слове (то есть без приставки, не в составе другого слова) 1) с приставкой <i>не-</i> : <i>необразованный (образованный), но неглаженный (глаженный);</i> 2) <i>свежеокрашенный (окрашенный), гладкокрашенный (крашенный);</i> 3) <i>реши́нный-перереши́нный; читаный-перечитаный (читаный)</i>

Сложность правила в первую очередь заключается в его многофакторности: необходимо одновременно учитывать морфемный (структурный) признак (наличие / отсутствие приставки, простая / сложная основа), морфологический (причем не один: различать прилагательное и причастие, СВ и НСВ мотивирующего глагола, двувидовые и парные по виду глаголы) и синтаксический критерии (наличие зависимых слов). А во вторую – в том, что практически из каждого предписания

¹ С учетом современной морфной структуры этих слов в ПАС они отнесены к бесприставочным.

² Эти глаголы синонимичны, описывают признак того, что случилось неожиданно.

есть исключения (кроме написания НН в суффиксах *-ованный* / *-еванный*).

На основе практической работы с нормами правописания в рамках курса «Русский по пятницам» и полученного опыта (который «сын ошибок трудных») мы с Н. Б. Кошкаревой (в 2012 г.) «переформатировали» это правило так, чтобы один критерий был центральным – вид мотивирующих глаголов. На основе этого принципа организована таблица, в которой по вертикали последовательно приведены видовые характеристики для каждого атрибутива, с ними взаимодействуют периферийные признаки, расположенные по горизонтали.

Группы исключений (ИСКЛ.) намеренно располагаются по одной горизонтальной линии с действующим правилом, от которого «исходит» стрелка.

В левом столбце таблицы представлены случаи грамматической омонимии причастия и прилагательного, а в правом собраны «новеллы» данной нормы, регулирующие только написание прилагательных.

Все рубрики этого правила в дидактических целях иллюстрированы большим количеством примеров. Кроме того, в таблицу включены атрибутивы, которые не описаны в ПАС, а между тем составляют реальную сложность для пишущих, что обуславливает большое количество ошибок (например, прил. *деланный*¹).

НН (в причастиях / прилагательных)	Н (в прилагательных)
Без приставок	
От глаголов СВ (что сделать?) и двувидовых (что (с)делать?)	От глаголов НСВ (что делать?)
<p>1) ИСКЛ. (от гл. НСВ): ←</p> <p><i>желанный</i> (<i>желать</i>), <i>медленный</i> (<i>медлить</i>), <i>несённый</i> (<i>нести</i>), <i>священный</i> (<i>святить</i>), <i>чеканный</i> (<i>чеканить</i>), <i>жеманный</i> (<i>жеманиться</i>), <i>чванный</i> (<i>чваниться</i>)</p> <p>2) <i>брошенный</i> (СВ <i>бросить</i>), <i>данный</i> (СВ <i>дать</i>), <i>доверенный</i> (СВ <i>доверить</i>, не <i>доверять</i>), <i>купленный</i> (СВ <i>купить</i>), <i>лишённый</i> (СВ <i>лишить</i>, не</p>	<p>1) <i>белёный</i> (<i>белить</i>), <i>варёный</i> (<i>варить</i>), <i>гранёный</i> (<i>гранить</i>), <i>дублёный</i> (<i>дубить</i>), <i>золочёный</i> (<i>золотить</i>), <i>крашеный</i> (<i>красить</i>), <i>крещёный</i> (<i>крестить</i>), <i>ломанный</i> (<i>ломать</i>), <i>смышлёный</i> (<i>смыслить</i>), <i>бешенный</i> (<i>бесить</i>), <i>толчёный</i> (<i>толочь</i>), <i>чернёный</i> (<i>чернить</i>), <i>кованный</i> (<i>ковать</i>), <i>жёванный</i> (<i>жевать</i>)</p> <p>! <i>деланный</i> (<i>делать</i>) ‘неестественный’ (<i>спокойствие, весёлость</i>,</p>

¹ В ПАС оно дается среди других примеров, специально не акцентируется: *деланное много раз предложение, но деланое равнодушие* [ПАС 2013: 90].

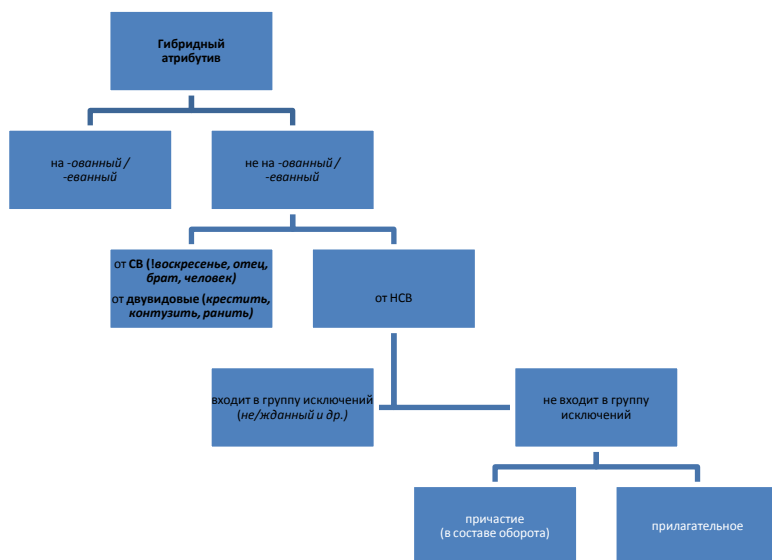
<p>лишать), обиженный (СВ обидеть, не обижать), пленённый (СВ пленить),</p> <p>казнённый (НСВ / СВ казнить), маринованный (НСВ / СВ мариновать), дрессированный (НСВ / СВ дрессировать), рождённый (НСВ / СВ родить)</p> <p>прощённый (СВ простить) → конченный (СВ кончить)</p>	<p>смех, обморок, акцент и др.)</p> <p>*ветреный (ветрить)¹</p> <p>2) ИСКЛ.: Прощёное <u>воскресенье</u>, конченный <u>человек</u> ‘ни на что не способный, никчемный, пропащий’</p>
С приставками	
<p>1) ИСКЛ.: неведанный, невиданный, негаданный, недреманный, неждан-ный, неслыханный, нечаянный.</p> <p>2) с любыми приставками поношенный (поно́сить), поддержа-нный (поддержа́ть), усиленный (у си-лить), признанный (признать), сдержанный (сдержать);</p> <p>названный по имени (назвать), поса́женный перед домом (посади́ть), → при́данный смысл (прида́ть)</p> <p>3) в сочетаниях-повторах, если первая часть пишется с НН: заложённый-перезаложённый, решённый-перерешённый</p>	<p>1) с приставкой НЕ- негашённый (об извести), недёржанный (новый), незванный (гость), незванный-непрошённый, не-кошённый, неписанный (закон).</p> <p>2) ИСКЛ.: назва́нный <u>брат</u>, поса́жённый <u>отец</u>, а также сущ. <u>приданое</u> <u>невесты</u></p> <p>3) с приставкой пере- в сочетаниях-повторах: латанный-<u>перелатанный</u>, чинённый-<u>перечинённый</u>, читанный-<u>перечитанный</u></p>

¹ Во всех современных справочниках (например, [ОРОСС: 46] *ветреный* с одной Н – это исключение (наряду с *тундреный* [ПАС 2013: 88]) из правила написания отыменных прил. с суффиксом -енн-, то есть с НН (*жизненный, утренний, осенний* и др.).

Мы приводим *ветреный* как этимологический пример, в котором действует основное правило: это прилагательное (прямо или опосредованно) мотивировано архаичным глаголом НСВ: *ветреный* ← *ветрить* (что делать? ‘дуть’).

Наличие / отсутствие зависимых слов при атрибутивах, образованных от глаголов НСВ и двувидовых	
имеются	отсутствуют
<p><i>печенный в золе</i> картофель</p> <p><i>крашеные в рыжий цвет</i> волосы</p> <p><i>сеянная сквозь мелкое сито</i> мука</p> <p><i>вяленная на солнце</i> рыба</p> <p><i>плетенные опытной мастерицей</i> кружева</p> <p><i>писанная неумелой рукой</i> картина</p>	<p><i>печеный</i> картофель</p> <p><i>крашеные</i> волосы</p> <p><i>сеяная</i> мука</p> <p><i>вяленная</i> рыба</p> <p><i>плетёные</i> кружева</p> <p><i>писаная</i> красавица (ср. как по <i>писаному</i>)</p>
<p><i>контуженный тюрьмой и лагерем</i></p> <p><i>раненный в бою</i> лётчик</p> <p><i>крещённый в христианскую веру</i> отец</p>	<p><i>контуженый</i> танкист</p> <p><i>раненый</i> зверь</p> <p><i>крещённый</i> сын</p>

Это «многоярусное» правило можно представить средствами инфографики, составив алгоритм действий (см. схему ниже).

На каждом его шаге нужно последовательно проверять один из параметров: структурный (оканчивается или нет на *-ованный / -еванный*), деривационно-морфологический (вид мотивирующего глагола), «нор-

мативный»¹, синтаксический (наличие / отсутствие зависимых слов). Переход в «левую ветку» (отмечена серым цветом) означает завершение алгоритма – выбор написания НН. По правой ветке «движение» вниз продолжается, и вводится новый критерий.

Все предложенные способы усвоения и закрепления правила написания Н и НН в гибридных формах, к сожалению, не отменяют его сложности. Строго дифференцированное написание отглагольных атрибутивов обязательно только де-юре и существует в виде нормативных прескрипций, а де-факто – это «плавающая» норма, которую пишущие по-русски, в том числе хорошо обученные (писатели, корректоры, редакторы, переводчики), не могут ни до конца усвоить, ни безошибочно применить.

Как показывает рече-текстовый узус, дробному и «многоходовому» правилу невозможно неукоснительно следовать. Об этом свидетельствуют многочисленные факты² систематического сбоя в выборе Н или НН (мы их сгруппировали в серии – А и Б).

Как видно из примеров, чаще всего игнорируется наличие (А) / отсутствия (Б) при таких атрибутах зависимых слов.

а) Н вместо НН

(1) ...было видно темную, местами еще **кран**ленную остатками талого снега Долину (Г. Яхина. Зулейха открывает глаза).

(2)на **кран**ленной **выстрела**ми колонне (Г. Яхина. Зулейха открывает глаза).

(3) Ревели краны, ездили машины, **гружен**ные **тесом** и **камнем** (Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона... (2004)).

(4) ...[караваны] вниз проходили уже почти **порож**ние или **легко** **гружен**ные **собо**лями и прочей **рухля**дью (А. Иванов. Сердце пармы).

(5) И придётся ему тогда не **ми**ры **сокру**шать, а **затиру**ху **соса**ть через **трос**тинку или **хлеб** **жжё**ванный **в** **тряп**очке (М. Успенский. Там, где нас нет (1995)).

¹ Так обозначим слова, написание которых определяется в словарном порядке, то есть представляют собой исключения из общего правила.

² Приведенный далее материал собран преимущественно вручную, в основном из современной отечественной прозы, в том числе опубликованной в издательствах, имеющих безупречную репутацию. Огромное количество примеров некорректного применения правила при выборе Н и НН в гибридных атрибутах обнаруживается и через поиск в НКРЯ. Примеры, взятые из корпуса, даются с годом публикации произведения.

(6) ...массив жилой застройки Старой Кордовы выглядел как суровый, **белёный** известью монолит... (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009)).

(7) ...мелькнули коротко **стриженные** рыжие волосы (А. Мельник. Авторитет (2000)).

(8) Ты брат, Богом **меченый**, вот что... (Г. Иванов. Третий Рим (1929)).

(9) Краплёный – **Меченый** шулерским крапом (об игральных картах) (БТС // <http://gramota.ru/slovari/dic>).

(10) ...бесплатно угостила **жареной** на свином сале картошкой (М. Петросян. Дом, в котором...).

(11) [подружек] **крашеных** в платину... (М. Петросян. Дом, в котором...).

б) НН вместо Н

(12) ...В нос бьет запах людского пота, хлеба, **чищенного** оружия, пороха... (Г. Яхина. Зулехя открывает глаза).

(13) Успел увидеть ... **рубленную**, с круглыми венцами часовню, от которой валил дым и пар (А. Проханов. Алюминиевое лицо).

(14) – Дом был пустой, **неотпленный**, нас не ждали (Вс. Соловьев. Волхвы).

(15) Следует понимать, что **пудренный** парик или каску со звездой надевал не кто-то, а правнук питекантропа, наследник всех свойств этого милого существа (А. Невзоров. Миллион лет слабоумия // Сноб, 01.2016).

(16) ...никакая она не блондинка. Она **крашенная** (Э. Макбейн. Знакомство с убийцей).

(17) ...мазанка – по сути **штукатуренный** сарайный отсек – и, значит, сарайной высоты (А. Эппель. Сидящие во тьме на венских стульях (1993)).

(18) Не исключено, что его, **конченного** циника, самого сметет когда-нибудь эта зоология, которую он так много лет культивировал... (В. Шендерович. Саванна // «Эхо Москвы», 2016).

(19) ...использования метода **меченных** атомов с помощью радиоактивных изотопов... (М. Уэльбек. Элементарные частицы).

(20) И длится он долго-долго, словно подарок щедрый, **немеренный** (Б. Екимов. Память лета (1999)).

Орфографические ошибки в написании омонимичных причастий (Part) и прилагательных (Adj) – это не только «тотальное» нарушение небанального правила, но и свидетельство устойчивой контаминации

данных единиц в сознании носителей языка, неоспоримый факт неразличения грамматических омонимов (или, возможно, нежелания вникать в лингвистические тонкости).

Но дело не только в этом. Одна из причин ошибочных написаний Н и НН в отглагольных атрибутивах кроется в самой формулировке правила – осторожной и невнятной, когда речь идет о зависимости выбора орфограммы от синтаксического контекста: «Бывают, однако, редкие случаи...» [ПАС 2013: 91], то есть не всякая «синтаксическая зависимость» актуализирует глагольную семантику и требует выбора двойного Н.

Интересно проследить за тем, как меняются формулировки при кодификации данного правила, способы разъяснения и подачи иллюстративного материала. Сравним три справочника: Д. Э. Розенталя [1994], Н. С. Валгиной и В. Н. Светлышевой [1994] и ПАС [2013] ¹.

«Н пишется в **отглагольных прилагательных**:

если прилагательные образованы от глаголов НСВ (не имеющих приставок, не содержащих суффиксов *-ованн-*, *-ёванн-*): *белёный дом, бешеная собака, варёный картофель, воронёная сталь, калёный штык, сушёная ягода*;

если прилагательные **не имеют при себе зависимого слова**: *крашеный пол* (но: *крашеный масляной краской пол*), *груженная баржа* (но: *груженная песком баржа*)» [Розенталь 1994; Валгина, Светлышева 1994: 90].

Такая формулировка обязывает пишущих дифференцировать прилагательное на фоне сопоставления с причастием. Иллюстрируем применение синтаксического критерия.

(21) ...использования метода **меченных** атомов с помощью радиоактивных изотопов... (М. Уэльбек. Элементарные частицы) – даже «неуклюжий» порядок слов не затмевает структуры предложения, в котором наличествует причастный оборот (*атомов, меченных с помощью...*).

(22) Он запрыгал, как **меченый** атом: «Ребята, вы что, вы серьезно? (Ю. Визбор. Альтернатива вершины Ключ (1981)) – при отсутст-

¹ Первое издание – 2006 г. ПАС адресован «новому языковому поколению», так как со времени публикации справочника «Орфография и пунктуация» [Валгина, Светлышева 1994] прошло 15 лет. Правило о НН и Н в нем изложено очень компактно, примеры исключений редуцированы, при этом реализована попытка ввести семантический критерий для разграничения причастий и прилагательных: *топлённая печь* – «сохраняется глагольное значение (налицо временной предел)», но *топлёный жир* – «назван признак постоянный» [Валгина, Светлышева 1994: 90].

вии зависимых слов гибрид является прилагательным, мотивированным глаголом НСВ (*метить*).

В следующих предложениях атрибутивы управляют зависимыми словами с разными значениями (субъекта, инструмента / средства), значит, являются формами причастий:

(23) *Черные, **палённые** солнцем толкучки* (Д. Рубина. Двойная фамилия).

(24) *На деревянном гвозде висела **траченная** молюю одежда шама-на* (А. Иванов. Сердце пармы).

(25) *...большие вогульские луки, **клеенные** из березы и ели* (А. Иванов. Сердце пармы).

Авторы ПАС идут по другому пути и предлагают правило в виде каскада контекстов с причастиями и прилагательными, из которых «опытным путем» читатель должен уловить закономерность:

«§ 98. <...> 3. Причастия не на -ованный (-ёванный, -еванный) глаголов несовершенного вида <...> и соотносительные с ними прилагательные пишутся по-разному: причастия с **ни**, прилагательные – с одним **н**, например: *гружённые дровами повозки, жаренная на масле рыба <...> стриженные парикмахером волосы и коротко стриженные волосы, крашенные зеленой краской скамейки, давно не метённый пол, еще не белённые стены, сделанное много раз предложение <...>, но гружёная баржа, жареная рыба, <...> стриженные волосы, крашенные скамейки, метённый пол, белёные стены, сделанное равнодушие <...>, аналогично <...> глаженный – глаженный, плетённый – плетённый, чищеный – чищенный <...> [ПАС 2013: 90].*

И в качестве добавки: «по этому правилу пишутся формы двувидовых глаголов: *контузить, крестить, ранить (только что **крещённый** ребенок – **крещёный** ребенок).*

Как видим, используя разные примеры, авторы ПАС обозначают круг синтаксических позиций, которые являются достаточным основанием для оценки гибридной формы как причастия: наличие зависимых слов с субъектным (*парикмахером*), объектным (*дровами*), инструментальным (*на масле*) или обстоятельственным (*давно, коротко, ещё*) значением.

Но в примечании все-таки формулируется предостережение от расширительного понимания «зависимого слова»: «Как видно из примеров, причастие опознается по наличию зависимых слов. Бывают, однако, редкие случаи, когда зависимое слово не является признаком причастия. Например, следует писать: *у него усики явно крашенные* (ср. *явно искусственные*, где слово *явно* употреблено при прилагательном); *стены, раньше белёные, теперь покрыты зелёной краской* (ср. *стены,*

раньше белые) [ПАС 2013: 90–91].

Примечание, вероятно, должно «намекать» на следующие тонкости применения правила:

1) некоторые зависимые слова (полагаем, что имеются в виду прежде всего обстоятельства меры и степени, выраженные наречиями с одноименным значением (*слегка, очень, совсем* и др.: *после болезни совсем варёный*), и усилительные частицы (*явно = точно крашеные*)), которые «работают» на актуализацию атрибутивного значения, то есть подтверждают статус прилагательного;

2) прилагательное заменяется синонимичным прилагательным, что доказывает морфологическую природу «проблемного» слова (*гружёная машина = полная, тяжёлая; варёный картофель = несырой, готовый*).

По нашему мнению, объяснения экивоками не способствуют соблюдению правила, напротив, запутывают и дезориентируют того, кто обращается к справочнику с этой проблемой. Поэтому множеству ошибочных написаний Н и НН в современных текстах удивляться не приходится. И это не апология ошибок, а констатация некоторого изъяна в правиле, признания в нем «узкого места», которое не позволяет корректно применить правило для разграничения контекстов, усиливающих глагольность или адъективность гибридного слова¹.

Приведем примеры орфографического анализа синтаксического контекста, обуславливающего выбор написания.

(26) ...любовно оглаживая тщательно белёные, шершавые бока печи (Г. Яхина. Зулейха открывает глаза). Выделенный атрибутив является причастием (нужно НН), наречие *тщательно* может описывать только действие / деятельность, то есть оно семантически включено в сферу глагола, а значит, усиливать глагольность гибрида. Смысл сочетания *тщательно беленные (бока)* в том, что их старательно, добросовестно белили (а не в том, что они очень белые, белоснежные).

(27) Врач, дородная, с мелко плотным перманентом и невиданными в те скромные годы золотыми сережками... – тетка была невредная (М. Степнова. Хирург). Этот пример только на первый взгляд выглядит аналогичным (26).

¹ Аналогичный «субъективный» прием предлагается использовать для разграничения приставки *не-* и отрицательной частицы *не* (при выборе слитного / раздельного написания с прилагательными): «пишущий должен проверить, какие слова – **усиливающие отрицание** или **подчеркивающие утверждение** – возможны по смыслу в данном контексте» [ПАС 2013: 139, § 149].

Наречие *мелко* выполняет роль обстоятельства образа действия. С одной стороны, его можно интерпретировать как «катализатор» причастия: *мелко* характеризует способ действия¹ – *плотить* ‘1. Завивать волосы ровными, параллельными волнами’, то есть делать завивку, выделяя мелкие пряди. С другой, такое обстоятельство может маркировать адъектив. Косвенным доказательством этого могут служить сложные прилагательные с первой частью *мелко-*, которая соединяется не только с условно глагольной (*мелкорубленный*, *мелкодроблённый*, *мелкотолчённый*, *мелкорезанный*), но и с собственно именной основой (*мелкозернистый*, *мелкооптовый*, *мелкопоместный*) [ОРОСС 2015: 228]. Правда, в зоне дополнительного комментария (после ♢) сказано, что в сочетании с причастиями *мелко* пишется раздельно: *мелко дроблённый*, *мелко рубленный*, *мелко толчённый*. При этом способы разграничения омонимии для слитного и раздельного написания таких единиц не предлагаются.

Помимо приведенных аргументов, можно использовать метод синонимической замены, подтверждающей адъективность гибрида: *мелко плоёный* = *волнистый*, *кудрявый* (*перманент* (какой?) с *мелкими кудрями*).

Еще более проблемными для определения роли контекста как «признака» причастия или прилагательного являются постпозитивные обстоятельства образа действия, выраженные падежными формами существительных, которые можно трансформировать в прилагательное-определение.

(28) ...что это – металл или *краше́ный под золото* камень (В. Пелевин. S.N.U.F.F (2011)) – *краше́ный золотообразный / золоче́ный* камень.

(29) В конце платформы в стеклянной кабине с надписью «дежурный» сидел еще один пограничник и стоял небольшой *краше́ный в бело-красную полоску* шлагбаум... (Д. Глуховский. Метро 2033 (2005)) – *краше́ный бело-красный полосатый* шлагбаум.

(30) Интересно, что в толпе *ряже́ных под бомжей* участников Системы я заметил и самых натуральных бомжей, с недельной щетиной, невымытых, волосатых (А. Житинский. Государь всея Сети) – *ряженные бомжи*, то есть *ненастоящие*.

В следующем контексте в качестве зависимого выступает обстоятельство места: (31) *Тиснёная на подошве* надпись (А. Снегирев.

¹ Обзор (по НКРЯ) примеров сочетаний наречия *мелко* свидетельствует о его синтаксической связанности с глаголами или глагольными формами: *мелко исписанный*, *мелко крестясь*, *мелко дрожать*, *вздрагивать*, *смеяться*, *натереть*, *порубить*, *истолочь* и др.

Я намерен хорошо провести этот вечер). Проблема заключается в том, что оно может быть включено и в группу атрибутива (*тиснён?ая* (где? / на чем?)), и в группу субстантива (*надпись* (где? / какая)).

Возникают и другие вопросы в процессе работы с массивом гибридных атрибутивов в разных контекстах. Например, глагол *ходить* не является переходным (*по чему / чем*), а значит, в норме от него не образуется страдательное причастие (**хоженный*), в качестве атрибутива возможно только отглагольное прилагательное (*хоженный*). Следовательно, с этим словом, не имеющим омонимичной пары, не должно возникать орфографических трудностей, но они есть. Так, в НКРЯ обнаруживаются 13 вхождений именно с *хоженный* (в окружении зависимых слов разного синтаксического статуса): *менее хоженная тропинка*, *сотни раз хоженные улицы*, *никем ещё не хоженная тропа* и др. Аналогично с обстоятельством меры и степени, с дополнительным значением времени: (32) *...по заросшей, давно не хоженной тропинке* (А. Иванов. Сердце пары).

Не вполне ясно, как применять правило к идиоматическим и свободным сочетаниям, например, с атрибутивом *конченный*, который назван в составе исключений из списка форм, образованных от бесприставочных глаголов СВ (*обиженный, затеянный, снабжённый* и др.), как компонент устойчивого сочетания *конченный человек* (наряду с *названный брат, посажёный отец, Прощёное воскресенье*) [ПАС 2013: 90]. Идиоматическому значению, реализованному в этом сочетании, не препятствуют различные субституты лексемы *человек*: *циник, бабник, алкоголик, маргинал, наркоман* и пр., в том числе инвективные (*псих, ублюдок, дебил, тварь*)¹. Но это только наше предположение, так как никаких инструкций «прямого действия» в правиле нет.

При этом совсем не ясно, как писать слово *конченный* в составе тоже довольно устойчивого разговорного сочетания с существительным *дело*.

(33) *Довольно про бречное тело говорить. С ним – дело конченное. Я тебе хочу одну свою тайную муку сказать* (Е. Гинзбург. Крутой маршрут).

Выбирая написание (с одним / двумя Н), необходимо принять во внимание два объяснения, которые допускают орфографическую вариативность².

¹ Например: *мрази конченные* (сказано министром культуры РФ В. Р. Мединским).

² Её функциональность подтверждают данные НКРЯ: по количеству вхождений вполне сопоставимы варианты с НН (16 контекстов) и с Н (13 контек-

1) *С ним* – дело **конченное** содержит грамматические отсылки к первому предложению, с которым связано с помощью местоимения *с ним* и прономинализированного существительного *дело*. Без использования местоименных субститутов два предложения сводятся к одному: *Довольно про конченное брненное тело говорить*, где *тело* характеризуется как ни на что не годное. По метонимической смежности *тело* имеет значение ‘человек’. Учитывая метонимический перенос, общую семантику сочетания (‘ни на что больше не способный’) и характер синтаксической связи между предложениями, интерпретируем *конченный* как прилагательное, поэтому пишется с Н.

2) Предложение *С ним* – дело **конченное** можно прочесть и как завершение каких бы то ни было «дел» с «брненным телом». Его действия и деятельность окончены, завершены. На этом основании *конченное* (*дело*) – причастие и пишется с НН.

Велик соблазн применения семантических аналогий в некоторых случаях, например:

(34) *Сбежал от молодой жены... от ласк ее немереных ...в океан* (М. Липскеров. Жаркой ночью в Москве...).

В строгом соответствии с правилом, атрибутив *немереный*¹ пишется с Н, так как образован от глагола НСВ (*мерить*), имеет приставку *не-* и к числу исключений не относится.

При этом возможна семантическая аналогия, на основании которой допустимо написание с НН: во-первых, с синонимичным прилагательным с тем же корнем – *неумеренный* ‘1. Не знающий меры...; 2. Переходящий меру...’; во-вторых, с рядом исключений: *невиданный*, *неслыханный* с общей семой ‘чрезмерность, необычность; поразительный по силе, степени проявления’. Неслучайно в НКРЯ отмечены случаи такого орфографического решения: *Страна неведомая, леса нехоженые, степь немеренная* (М. Волошин. Суриков (1916)); *немеренные бюджетные деньги, немеренные дозы коньяка*. Даже психологически атрибутив с НН кажется значительнее и весомее.

Как видим, регулярное и частотное нарушение орфограммы «Н и НН в гибридных атрибутивах» связано с «замысловатостью» кодификации данной правописной нормы, наличием целого ряда исключений

стов). В качестве поисковых фраз мы использовали прямой и инверсивный порядок (*конченное дело* и *дело конченное*).

¹ В речевой практике широко используется *немеряный* (*бабки, года, силы* и др.), мотивированный разговорным вариантом глагола *мерять*: *...И времени немеряный простор* (А. Городницкий. «И жить еще надежде» (2001)). Одна Н пишется в строгом соответствии с правилом. Примеров с НН в корпусе не обнаружено.

и реализацией в речи частных случаев, которые в правилах предусмотреть невозможно.

Неслучайно в Проекте Орфографической комиссии от 2000 г. это правило фигурировало, был предложен если не радикальный, то довольно смелый способ его унификации. В частности, в самом проблемном месте – в образованиях от глаголов НСВ – предлагалось «упразднить» различия между прилагательными и причастиями, «отключить» действие синтаксического параметра и писать всегда одну Н: «Правило об НН и Н в полных формах страдательных причастий прошедшего времени: для образований **от глаголов несовершенного вида** принимаются написания с одним Н. Для образований от глаголов **совершенного вида** сохраняются единые написания с двумя Н» (Из ст. О. Карповой [Проект... 2000]).

В этом случае можно было бы минимизировать ошибки в определении глагольного вида, ориентируясь на морфную структуру атрибутива: глаголы НСВ преимущественно бесприставочные. Правда, из этой стройной логики выбиваются двувидовые глаголы (они в Проекте почему-то не упомянуты).

В любом случае правило в такой формулировке было бы проще, в нем осталась бы только одно грамматическое (морфологическое) основание, вполне «ощутимое» носителями языка, которые легко справляются с задачей определения вида глагола. Остальные условия, важные для действующей (в ПАС) редакции правила (фразеологическая сочетаемость, синтаксические условия, семантические нюансы) не влияли бы на выбор орфограммы. И в предписаниях не было бы необходимости апеллировать к языковому чутью пишущих, которые очень творчески и исключительно субъективно применяют данное правило. Оно действительно «располагает» к произвольным трактовкам и разночтениям. Отсюда широкая вариативность, а в некоторых случаях полная неопределенность: как же все-таки правильно?

Многострадальную норму Н и НН предлагалось упростить и в проекте 1964 г., но инерция «сопротивления» и тогда оказалась сильнее «голоса разума». Поэтому мы до сих пор испытываем бесконечную неловкость за сделанные ошибки, в том числе не нами.

Это действительно ошибкоопасное место, вероятно, из-за «слабых мест» в самом правиле, которые ошибки провоцируют. Практически в любом тексте встречаются неправильные написания атрибутивов. Показательны в этом плане не абсолютные, а относительные данные. Например, в журнальной публикации¹ романа «Вера» А. Снегирёва из

¹ «Дружба народов», 2015, № 1. Возможно, в книжном варианте все орфографические (да и многочисленные пунктуационные) оплошности устранены.

шести случаев в трех (50 %) допущены ошибки в написании гибридных форм: 1) *Золочёный Сулейманом* (нужно НН – О. И.) *купол не тронули*; 2) *...пошла по слежавшимся буграм золы, бывшим когда-то крашеным суриком* (нужно НН. – О. И.) *полами и цветастыми половиками*; 3) *...он оглядел стол глазами, которые вдруг оказались не спелыми ягодками, а давленной* (нужно Н. – О. И.) *забродившей вишней...* Правильные написания (*плетёные шкатулки, до вареной ветчинности, стриженной травой*) свидетельствуют о том, что писатель об этой орфограмме знает, но почему-то с завидным постоянством ее игнорирует. Нельзя сказать, что такие мелочи, как Н и НН, портят общее впечатление или отбивают охоту читать. Случайные ошибки, безусловно, не отменяют ни таланта, ни мастерства автора, который за роман «Вера» в 2015 г. получил литературную премию «Русский Букер» и вышел в финал премии «Национальный бестселлер».

Таким образом, орфографическая норма «Двойное НН и одно Н в суффиксах причастий и соотносительных с ними прилагательных» сложна в применении, но тем и прекрасна. Есть особое интеллектуальное удовольствие в том, чтобы потакать капризам русской орфографии.

Следует признать, что это правило – своеобразный «водораздел» между пишущими и сведущими, между теми, кто просто пишет, не особенно вникая и рефлексирруя, и теми, кто стремится во всем дойти до сути, для кого правило – повод для размышлений и поисков, а не догма и руководство к действию.

В истории русской орфографии известны подобные прецеденты, когда правописная норма была «лакмусовой бумажкой», индикатором для измерения образованности и интеллигентности человека. Об этом рассказывают предания, например такое: однажды Николай I решил исключить букву «ять» из русского алфавита, однако знающие люди объяснили царю, что эта буква весьма полезна, поскольку позволяет отличить грамотного человека от неграмотного¹ [Грамматический террор 2018].

Этому посвящен роман «Орфография» Д. Быкова. Лингвистическая уникальность главного героя романа, Ятя, в трогательно-почтительном отношении к русской орфографии: *Врожденная грамотность давала ему единственное преимущество перед одноклассниками: он не был ни сильнее, ни красивее, ни богаче прочих..., но он всегда точно знал –*

¹ В России умение писать букву «ять» там, где надо, играло роль **социального барьера**, не позволявшего «кухаркиным детям» поступить в университет. Так что школьники имели серьезную мотивацию для того, чтобы зубрить слова, в которых следовало писать «ять» [Грамматический террор 2018].

когда в слове *ять* пишется, а когда нет. Он считался в классе **экспертом по вопросам правописания** (Д. Быков. Орфография).

Согласимся с автором, что грамотное письмо и владение тайнами русской орфографии не может сделать человека счастливее, удачливее или успешнее (судьба Ятя-изгнанника – довольно красноречивое подтверждение). И тем не менее эти способности облагораживают человека, укрепляют его веру в собственные силы и торжество разума. Неслучайна авторская параллель: **соблюдение орфографических законов как-то связано с уважением нравственных** (Д. Быков. Орфография).

Список литературы

ОРОСС – Бешенкова Е. В., Иванова О. Е., Чельцова Л.К. Объяснительный русский орфографический словарь-справочник. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015.

Валгина Н. С., Светлышева В. Н. Орфография и пунктуация: Справочник. М., 1994.

Грамматический террор. Как большевики свергли правила орфографии // Коммерсант.ru, 04.01.2018

[URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3507685>].

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М. 1977.

Карпова О. История с орфографией. Неудавшиеся реформы русского правописания второй половины XX века // «Неприкосновенный запас», № 3, 2010 [URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/3/ka19.html>].

ПАС – Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2013.

Проект свода правил правописания. Орфография. Пунктуация. Предлагаемые орфографические изменения с комментариями [URL: www.gramma.ru/KOL/?id=4.2].

Розенталь Д. Э. Справочник по орфографии и пунктуации. Челябинск, Саратов, 1994.

Orthographic Caprice: *H* or *HH* in Hybrid Attributes

The spelling of *H* and *HH* in passive participles and correlating adjectives remains an important issue in Russian orthography. The article offers methodical approaches aimed at mastering the rules that determine the spelling choice with regard to all possible criteria. We offer a detailed analysis of normative prescriptions and identify the issues of orthographic codification. We also present a spelling analysis of numerous contexts from contemporary Russian prose with erroneous choices of orthograms, as well as cases that illustrate the ambivalence of rule application.

Keywords: attributes, spelling norm, grammatical homonyms, principle of differentiated spelling.

Послесловие от редколлегии сборника

В третьей части Тотального диктанта 2017 г. встретилось предложение: *Они продавали нанизанные на руки, как калачи, круги мороженого молока* (Л. А. Юзефович. Город на реке. Часть третья. Улан-Удэ. Селенга). Написание одной или двух букв **н** в сочетании *круги мороженого молока* вызвало жаркие дискуссии в социальных сетях, неоднократные обращения к членам Экспертного совета за разъяснениями.

В комментариях к тексту обосновывается единственно возможное написание слова *мороженого* с одним **н**: «Причастия не на -ованный (-ёванный, -еванный) глаголов несов. вида (они образуются только от бесприставочных глаголов) и соотносительные с ними прилагательные пишутся по-разному: причастия с **нн**, прилагательные – с одним **н** [ПАС. Орфография. § 98.3 в разделе «Двойное **н** и одно **н** в суффиксах страдательных причастий прошедшего времени и соотносительных с ними прилагательных»]. В данном случае *мороженое* – прилагательное, оно не имеет зависимых слов».

Члены Экспертного совета при выборе написания одного **н** руководствовались морфологическим и синтаксическим критериями: слово *мороженый* образовано от глагола несовершенного вида, при нем нет зависимых слов. Если учитывать только эти критерии, то контекст очевиден и выбор написания одной буквы **н** бесспорен. Однако участники акции очень внимательно изучают все доступные справочники, в которых, кроме собственно грамматических, в это правило вводятся еще и семантические критерии, вызывающие трудности.

Приведем здесь дискуссию в одной из социальных сетей, чтобы зафиксировать, какими соображениями руководствовались самые гра-

мотные участники акции, какие компоненты правила являются для них определяющими при принятии решения ¹.

Ольга. с морожеННННным молоком засада получилась

Вадим. Ольга, убежден, что для человека, не знающего такой реалии - а это чуть не сто процентов в Европейской части, где писали третий вариант - вполне простительно считать это слово причастием, типа консервированных персиков или фаршированной щуки

Наталья. Вадим, а мороженого мяса в европейской части тоже не знают?

Вадим. Наталья, и рыбу знают, и мясо, и ягоды, и пельмени - вопрос в том, каким примером руководствоваться в данном случае, это всё как бы НЕ проверочные слова, когда реалия незнакома - я думаю, вы вряд ли напишете "морожен(н)ые гвозди" с одной "н"

Ольга. Вадим, вот именно. Считаю, что в случае с мороженым молоком вполне допустима вариативность, как и во многих других спорных случаях третьей части ТД.

Александра. Вадим, отглагольное прилагательное всё-таки не стоит путать с причастием. В вашем примере консервированные и фаршированная пишутся с НН, потому что имеют суффикс -ова- (-ованн-).

Так что дело совсем не в незнакомой реалии, всего лишь правило.

Вадим. Александра, ну хорошо, а вариант коллоквиальной стяжки вы не рассматриваете? вот мы видим круги молочного льда, ЛЬДА, то есть ЗАмороженного молока, а не просто мороженого. И уже от "замороженного" просто имеем стяжку в "мороженное". Заметьте, что ни мороженое мясо, ни рыба, ни ягоды, ни пельмени - не претерпевают фазового перехода, из жидкости в твердое тело, а молоко претерпевает, и оттенок перфекта в данном случае очень силен, а перфект - это сразу причастие.

Дарья. Вадим, в онлайн разборе всё объяснили. Есть правила написания этого слова. Точка. Иначе можно дойти до "жаренных" и "варенных". Кипячёное молоко претерпевает переход в состояние пара, но мы его с двумя "н" не пишем.

Вадим. Дарья, стесняюсь сказать, но я до сего дня кипяченое молоко пью, а не вдыхаю, ЧЯДНТ?

¹ Стиль и особенности написания воспроизводятся в соответствии с первоисточником.

Дарья. Вадим, ключевое для вас температуры, я так понимаю? Кипяченое молоко доходит до температуры образования пара, а замороженное - до температуры образования льда. Если молоко кипятили, то его не довели до температуры кипения, вы хотите сказать?

Вадим. Дарья, неправильно понимаете. Круги молока я могу разве что грызть. Надо будет попробовать, кстати. А кипяченое молоко - пьют, как и обычное. Вы простите, но меня больше всего удручает именно формальность подхода к разбору этого случая, вот как у вас - есть правило, и от сих до сих. А случай не рядовой, не зря у грамотных людей такая вариативность написания.

Дарья. Вадим, есть нормы, а так много чего можно считать вариативным. Солженицын, к примеру, свои нормы придумал и писал "девчѣнки". Человек был неглупый, думаю, у него были на грамматику свои обоснованные взгляды. Если каждый неглупый человек будет своё видение предлагать, знаете, какой хаос начнѣтся?

Вадим. Дарья, вы внимательно смотрели разбор, да? Там черным по белому написано, в разборе, что "богиню луны" надо писать всегда и исключительно со строчной. Так вот в комментариях там такой хай подняли филологи и историки, ссылаясь на Лосева, например - что "эксперты" пошли на попятную и признали допустимость и варианта с прописной. А тоже типа правило, ссылки на нормативы и тэ пэ. Формальный подход, а люди-то не роботы, и язык штука живая, нельзя так.

Дарья. Вадим, а вот в случае с "мороженым молоком" не подняли, значит, в данном случае несогласных гораздо меньше. Это тоже о чем-то да говорит.

Вадим. Дарья, я не помню, вам давал ссылку на Розенталя? Ну, на пример с ранеННым бойцом?

Дарья. Правила для причастий совершенно однозначны, их проходят еще в школе. Если причастие без приставки и зависимых слов, то оно пишется с одной Н. Самый известный пример - про жареную картошку. "Жареная картошка с грибами", но "жаренная с грибами картошка". С молоком тут то же самое.

Вадим. Дарья, для вас на бис. Вот у Розенталя: Разграничение страдательных причастий и образованных от них прилагательных (тем самым выяснение вопроса о написании нн-н) иногда производится не по формальному признаку, а по смысловому. Например, в предложении Будучи раненным, солдат оставался в строю слово раненный – причастие и пишется с двумя н, несмотря на отсутствие при нем приставки и пояснительных слов: оно сохраняет глагольное значение.

Дарья. Вадим, кроме этого "раненного" приведите еще, пожалуйста, примеры, везде только этот и пояснение, что здесь подчеркивается его временное состояние в результате воздействия, а не постоянный признак. Мороженое же молоко - это вполне постоянный признак по данным критериям.

Вадим. Дарья, дак оно мороженное тоже только пока не растает, как и он - пока не вылечится. Фишка в том, что субъективно для пишущего диктант над молоком произвели нестандартное, непривычное действие - заморозили. ПМСМ, именно этот момент обуславливает возможность сфокусироваться на глагольном начале, что ли, и из прилагательного и страдательного причастия выбрать именно причастие. Насчет примеров я подумаю, но факт тот, что это место у Розенталя есть веский аргумент против формального подхода к разбору.

Дарья. Вадим, меня их объяснение насчет временности признаков тоже не устраивает. Все в нашей жизни временно - и жареная картошка будет съедена, и молоко растает. Поэтому лучше руководствоваться общим правилом.

Елена. Дарья, тут почему-то обсуждается просто молоко мороженое, с которым и проблем-то ни у кого не было никогда - одна "н" и всё тут - но бабы - то на рынке молоко кругами продавали. Проблемы у людей - именно с кругами мороже(н/нн)ого молока, продаваемого женщинами. Честно, продукт этот не видела в глаза никогда, просто мороженое молоко - это жижа? Или твёрдое что-то? Если нанизать эти круги на руки и по базару прохаживаться - имелось в виду молоко замороженное всё- же, не просто мороженое? Мне кажется само именование продукта неверное - если можно круги на руки низать - значит продукт должен называться "круг замороженного молока". Иначе это выглядит как "народное просторечье", т.е. местный упрощённый разговорный вариант названия специфического местного продукта.

Светлана. Елена, ага, и мороженую рыбу запретить до кучи.

Елена. Светлана, мороженную кусочками рыбу не надо запрещать))

Светлана. Елена, само собой, это же совершенно "другой" случай.

Елена. другой-то он другой, но к кругам молока по своей внутренней правде близкий....

Дарья. Вадим, в таком случае, жду примеров)

Дарья. Елена, я понимаю это, но честно говоря, считаю, что многие написали неправильно не из-за размышлений о фазовом переходе, как у Вадима, а потому что подзабыли правило.

Ольга. Над молоком уже совершили действие: его ЗАморозили, превратив в круги. И как результат, прохаживаются с этими кругами по рынку. Но автор написал по-своему, это одна из его многочисленных вариаций. Тогда если уж при проверке приняли во внимание все остальные вариации, то почему бы не принять и эту.

Вадим. Дарья, я не скрою, что задним числом попытался мотивировать свое написание; так сказать, восстановить логическую цепочку, которая к этому привела. Понятно, что в цейтноте диктанта руководствуешься языковым чутьем, фазовый переход появился позднее)) насчет примеров продолжаю думать, но даже если и не придумаю - неужели вы считаете, что Розенталь не написал бы, что мол "слово "раненный" является ЕДИНСТВЕННЫМ исключением из этого правила"? Раз нет слов "единственное исключение", а есть предложение включать мозги в каждом случае - предлагаю ему и следовать, а не циклиться на мертвых правилах.

Дарья. Вадим, я думаю, что диктант пришли писать преимущественно грамотные люди. Простые слова они напишут без ошибок, знаки препинания тоже расставят правильно. На таких вот словах люди и получают непяточки. Правило в данном случае довольно определённое, исключений, может, не одно, а несколько наберётся. Эти исключения можно трактовать туда-сюда, об этом в разборе и говорили. Слишком расплывчатые они. По ним все подобного рода прилагательные можно причастиями считать, если применить фантазию.

Вадим. Дарья, не заметил в разборе вообще ничего об этом слове. Особенно о том, что в данном случае может существовать исключение. А оно таки может. Предлагаю в яндексе забить выражение "варено-морожен(н)ые" и полюбоваться результатом.

Дарья. Вадим, результаты общего поиска в интернете для меня вообще не доказательство, только авторитетные источники.

Вадим. Дарья, ну я спиритизмом не занимаюсь, и дух Розенталя вызвать сюда не могу, чтоб он вам шепнул "Вадим прав". Что мог из него - привёл. Прошу за него прощения, что он не догадался про варёно-мороженных кальмаров написать. Но вот вы пример просили же, кажется? а теперь говорите, что этот пример вам не пример, ай-яй-яй.

Дарья. Вадим, так я на прилавках в кулинарии часто видела "жаренная рыба" и даже в ресторанных меню, мало ли что работники торговли напишут.

Вадим. Дарья, предлагаю на этом закончить нашу схватку двух йокодзун, мне и ехать пора уже. Хочу только еще раз подчеркнуть, что Твердые и Неумолимые Правила относительно "луны" со строчной - внезапно куда-то подевались. Не иначе кто-то мозг включил наконец. Ну авось и тут случится чудо. Два года назад мне пришлось угадывать, где автор наставил скобок в своем тексте, в этот раз вместе с половиной зала обалдевать от неизвестной реалии и угадывать опять, как автор ее записал у себя. Надеюсь, вы понимаете, что там, где Розенталь говорит "писать так и только так" - я так и напишу? Вот только именно в этом месте он как раз этого и не говорит.

Дарья. Вадим, по-моему, вышел вполне цивилизованный спор. Я за полемику. Но осталась при своём мнении) Доброго вам вечера!

Елена. Вадим, в ваших примерах есть суффикс -ирова-, в словах с ним всегда две Н. К мороженому-замороженному это не относится.

Венера. Вадим, а я тоже сомневалась, одна Н или две. Вы так грамотно все объясняете, а я просто чувствовала, что есть в этом слове что-то, сильно смахивающее на причастие. Написала все-таки с одной Н) Вообще, что касается вариативности пунктуации, я впервые писала диктант, и когда прочла дома текст, пришла в ужас - ждала тройки за то, что не угадала авторские знаки.

Вика. Вадим, вот правило, исчерпывающе объясняющее, почему в словосочетании "круги мороженого молока" мороженое с одной Н и никаких разночтений и толкований быть не может. <http://old-rozental.ru/orfografia.php?sid=62>

Вика. Вадим, вы, я надеюсь, видите пример: "Будучи раненным, солдат оставался в строю". Где в тексте ТД сочетание "будучи мороженным"?

Вика. Вадим, я исключительно за смысловой, а не формальный подход! Где в тексте ТД такой пример: "Мороженное, молоко уже не убежит"? Вы ведь видите разницу?

Вадим. Вика, мороженное КРУГАМИ - точно не убежит))

Вика. Вадим... А насчёт молока вот что: будь у нас "молоко, мороженное в кругах", было бы две Н. А мороженное молоко в кругах - нет. Мороженное как? - есть глагольный оттенок значения. Какое? мороженное молоко в чём?/какое? в кругах - нет глагольного оттенка.

Вадим. Вика... Если есть круги молока, значит оно мороженное именно что в кругах, даже если в самой фразе этого нету. Значит, зависимое

слово просто опущено, либо опущена приставка - как вы выразились, "чтобы не перегружать текст, тенденция". Но они есть изначально, люди их слышат - и я в том числе - и пишу с двумя "н".

Вика. Нет, в этом случае ничего не опущено и двух Н быть не может. Здесь нет словосочетания "мороженное в кругах", где главным словом было бы "мороженное". Здесь сочетание "мороженное молоко", поэтому и одна Н.

Вика. Вадим, мы и так зафлудили тему, предлагаю остаться каждому при своем мнении, я лишь попыталась пояснить те моменты, где, если следовать правилам, ошибок не допустишь.

С подобными вопросами участники акции обращались и непосредственно к членам Экспертного совета. Приведем выдержку из одного такого письма:

Правописание прилагательного "мороженное" с одной "н" никаких вопросов не вызывает. Вопрос в том, почему Экспертный совет посчитал невозможным употребление причастия в рассматриваемом предложении. В комментариях к тексту написано: "В данном случае мороженное - прилагательное, оно не имеет зависимых слов".

Но является ли отсутствие зависимых слов (или приставок) безусловным признаком, исключающим применение причастия? Естественно, такое разграничение не безусловно.

Согласно справочнику "Орфография и пунктуация" под редакцией Валгиной и Светлышевой (в котором данный конкретный аспект рассмотрен, на мой взгляд, чуть более основательно, чем у Лопатина) разграничение страдательных причастий и отглагольных прилагательных может осуществляться и по смыслу (п. 1.12.2 "Н и НН в причастиях и отглагольных прилагательных"). Особенно это касается случаев, когда сохраняется глагольное значение употребляемого слова, в том числе при указании временного признака, либо при эмпазисе совершенного действия. В том же параграфе приводятся и некоторые примеры, которые мне и хотелось бы обсудить в контексте рассматриваемого предложения.

"Раненный, он так и не смог доползти до убежища". Употребление здесь причастия в значении "будучи раненным" (без зависимого слова) вполне корректно.

Более прямая аналогия с "нашим" предложением из диктанта видна на примере "топленной печи", также приводимом в вышеуказанном справочнике.

Сравним два предложения:

- хотелось бы иметь в доме постоянно топленую комнату;
- нарубить бы дров да погреть старые кости у топленной печи.

В первом предложении употребление прилагательного вопросов не вызывает, тогда как во втором употребление именно причастия не только

возможно, но и более обоснованно и верно, так как налицо и временный предел, и наличие непостоянного признака, и указание (хоть и косвенное) на производимое действие.

Теперь на примере нашего предложения. Рассмотрим два таких варианта:

- мороженое молоко вкуснее охлажденного;
- мороженное молоко сохранит вкус дольше, чем просто охлажденное.

Во втором случае вполне корректно употребление причастия, если имеется в виду не постоянный признак, выраженный прилагательным (как в первом варианте), а делается ударение именно на сравнение результатов от двух разных совершенных (над молоком) действий.

Какая принципиальная разница (с точки зрения разграничения прилагательных и причастий) есть в следующих предложениях?

- погреть кости теплом топленной печи;
- торговать кругами мороженного молока?

Здесь также вполне возможно употребление определения, выраженного причастием.

При написании диктанта я достаточно долго думал, писать прилагательное или причастие. Ко второму варианту меня подтолкнуло не только то, что речь идет о временном признаке (что вполне логично по смыслу), но и то, что речь шла именно о молоке. Просто "мороженое" молоко как-то не очень представлялось в твердом агрегатном состоянии. Мороженная рыба, скажем, возможно и не вызвала бы у меня таких сомнений, но, говоря о молоке, мне показалось, что следует особо выделить глагольность употребляемого слова и подчеркнуть именно совершенное действие: молоко было мороженное, вследствие чего, собственно, и было возможно нанизать его на руку.

Поэтому, как мне кажется, применение здесь причастия достаточно приемлемо, ну или как минимум допустимо.

С уважением, ...

P. S.

Надеюсь, у Вас не сложится впечатления, что я написал прилагательное "мороженое" с двумя "н" и теперь ищу обоснования для оправдания своей ошибки. Поверьте, это действительно не так. После окончания диктовки все время, отведенное на проверку написанного, я потратил именно на размышления о "морожен(н)ых кругах молока"...

И хоть дело и не в оценке, все-таки обидно получить "4", имея ноль пунктуационных ошибок и одну орфографическую, повод для сочтения которой за ошибку, как мне кажется, может вызывать определенные сомнения.

Прежде всего, отметим, что члены Экспертного совета Тотального диктанта счастливы получать такие письма и такую обратную реакцию по следам проверенных работ. Это показывает высочайшую степень

компетентности участников, а также позволяет выявить те места в правилах, которые требуют уточнения и совершенствования.

Как видим, в поисках ответов участники акции обращаются к разным источникам. Приведем фрагменты формулировок соответствующего правила в трех авторитетных справочниках: Д. Э. Розенталя [1994], Н. С. Валгиной и В. Н. Светлышевой [2001], А. И. Кайдаловой и И. К. Калининой [1983].

В «Справочнике по орфографии и пунктуации» Д. Э. Розенталя интересующая нас информация находится в § 52 «Правописание **ни** и **н** в причастиях и отглагольных прилагательных», п. 3:

Разграничение страдательных причастий и образованных от них прилагательных (тем самым выяснение вопроса о написании **ни** – **н**) иногда производится не по формальному признаку, а по смысловому значению. Например, в предложении ***Будучи раненным**, солдат оставался в строю* слово *раненным* пишется с двумя **н**, несмотря на отсутствие при нем приставки и пояснительных слов: оно сохраняет глагольное значение, указывает не на постоянный признак-качество, а на временное состояние, т. е. является причастием, а не прилагательным; отглагольные прилагательные действия не обозначают и отвечают на вопросы: *какой? какая? какое? какие?*

Аналогично решается вопрос в предложении: *Такие же худые женщины стирали белье, переговаривались и тут же развешивали **стиранное*** (М. Шагинян) [Розенталь 1994: 67].

Логика этого объяснения строится на основе разграничения страдательных причастий и прилагательных (заметим в скобках, что формулировка «образованные от причастий прилагательные» неверна, а оборот «смысловое значение» тавтологичен). Из объяснения косвенным образом извлекается информация о том, что у причастий есть приставки и зависимые слова (что верно далеко не всегда, ср.: *брошенный, данный, купленный, лишенный* и т. д.), что причастия указывают на временное состояние, тогда как прилагательные обозначают постоянный признак-качество и отвечают на вопросы типа *какой?*; однако те же самые вопросы можно задать и к причастиям, так как они обозначают признак предмета по действию.

В справочнике Н. С. Валгиной и В. Н. Светлышевой «Орфография и пунктуация» объяснение написания одной или двух букв **н** также основывается на разграничении причастий и прилагательных. В разделе «Н и НН в причастиях и отглагольных прилагательных» в первом пункте обосновывается написание двух **н** в страдательных причастиях прошедшего времени:

1) образованных от глаголов, имеющих приставку (*наклеенный*; все перечисленные примеры – это причастия от глаголов совершенного вида);

2) имеющих при себе зависимые слова (*недавно кошенный луг*; приведены только причастия от глаголов несовершенного вида);

3) образованных от глаголов совершенного вида без приставок (*брошенный, купленный, данный, казненный*) и др.

В этой части правила привлекаются разные критерии – наличие / отсутствие приставки и наличие зависимых слов. В пунктах (1) и (3) приводятся примеры причастий, образованных от глаголов совершенного вида, при этом очевидно, что наличие или отсутствие приставки не является для них определяющим фактором: причастия, образованные от **любых** глаголов **совершенного** вида (и приставочных, и бесприставочных), пишутся с двумя буквами **н**. Дальнейшие комментарии о том, что наличие приставки *не-* на выбор одной или двух букв **н** не влияет, привносит дополнительную информацию, усложняет и без того многослойный комплекс параметров.

Второй пункт правила посвящен написанию одной буквы **н** в отглагольных прилагательных. В качестве примеров приводятся прилагательные, образованные от глаголов только несовершенного вида, по отношению к ним уточняется, что они **не** имеют приставок и **не** содержат суффиксов *-ованн-* / *-ёванн-*.

Таким образом, вводится несколько непересекающихся оснований:

1) морфологические:

а) наличие / отсутствие приставок; дополнительно – нерелевантность наличия приставки *не-*;

б) наличие / отсутствие суффиксов *-ованн-* / *-ёванн-*;

в) совершенный / несовершенный вид;

2) синтаксические – наличие / отсутствие зависимых слов.

При этом не уточняется, что для глаголов совершенного вида наличие / отсутствие приставок и зависимых слов для принятия решения не существенно: достаточно определить, что данное слово образовано от глагола совершенного вида, чтобы поставить две буквы **н**.

Несмотря на некоторую непоследовательность, в целом этих критериев достаточно, чтобы сделать однозначный правильный выбор. Препятствием является то, что правило начинается с разграничения причастий и отглагольных прилагательных. Создается впечатление, что сначала надо определить частеречную принадлежность данного слова и только после этого применять данные критерии. Поэтому в Примечании к п. 2 вводится следующий алгоритм, который должен способствовать разграничению прилагательных и причастий.

Разграничение страдательных причастий и отглагольных прилагательных в некоторых случаях осуществляется не только по наличию или отсутствию приставок и зависимых слов, но и по смыслу. Например, в словосочетаниях *то́пленная печь* и *топлёный жир* признаки, обозначающие словами *то́пленная* и *топлёный*, разного свойства: в первом случае сохраняется глагольное значение (налицо временной предел), т. е. определение выражено причастием; во втором случае назван признак постоянный (ср. также: *топлёное молоко*, *топлёное масло*), т. е. определение выражено прилагательным.

Смысловое различие наблюдается и в таких предложениях: *Будучи **раненым**, командир еще отдавал приказания* (слово *будучи* вносит временное значение в форму *раненым*, усиливая тем самым ее глагольность). — *На опушке показались солдаты, выносившие убитых и **раненых** товарищей* (признак обозначен прилагательным) [Валгина, Светлышева 2001: 90–91].

Именно семантический критерий и вызывает наибольшие затруднения при применении данного правила. Обратим внимание на то, что он сформулирован в Примечании, а не в основной части правила, следовательно, является вспомогательным, но на деле замыкает круг, с которого объяснение этого правила начинается, так как призвано помочь в разграничении причастий и прилагательных.

Во многих случаях параметр «временный / постоянный признак» не очевиден, например: *Между тем Рембрандт изобразил девочку-подростка, худую и бледную, **лишённую** женской привлекательности и беззащитную* [Ю. М. Лотман. Символ в системе культуры (1982–1992)]. Чем в этом предложении является слово *лишённая* — прилагательным или причастием? Если судить по морфологическим и синтаксическим критериям, то это причастие: оно образовано от глагола совершенного вида *лишить* (что сделать?), при нем есть зависимое слово: *лишенная чего?* — *привлекательности*. Но по смыслу это прилагательное, так как обозначает постоянный признак (никто не лишил эту девочку привлекательности, это ее постоянная качественная характеристика). Является ли это достаточно веским аргументом, чтобы писать в данном слове одну букву *н*?

Та же проблема возникла и с определением частеречной принадлежности слова *морозеН/Нное (молоко)* в тексте Тотального диктанта 2017 г., ср. аналогичные примеры: *копченая колбаса, соленая рыба, жареная картошка, печеные овощи* и т. п. Определение «постоянный признак» вводит в заблуждение, так как не ясно, каковы границы этой постоянности: это вневременное или длительное в замкнутом временном отрезке состояние? Если вневременное, то возникает противоре-

чие с представлением о том, что молоко (как и любой другой продукт, подвергшийся той или иной обработке) не всегда находилось в замороженном состоянии. Если длительное, то как определить меру времени, достаточную для того, чтобы признать этот признак постоянным? Действительно, тут есть временной предел: до заморозки молоко пребывало в другом агрегатном состоянии.

Приведем ответы на поставленный участником акции вопрос, полученные от членов Экспертного совета Тотального диктанта и членов городских комиссий по проверке Тотального диктанта в Москве и Санкт-Петербурге:

к.ф.н. В. М. Пахомов:

Я полностью согласен с Вами в том, что разграничить прилагательные и причастия далеко не всегда возможно. Принципиальной разницы часто нет. Собственно, лингвисты этого и не скрывают. В одной из лучших книг, посвященных правописанию, – «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии» (М., 1965) – об этом правиле говорится следующее: «Правило очень сложно: надо дифференцировано подходить к приставочным и бесприставочным формам, к формам, содержащим и не содержащим суффикс *-ова-*. В одних случаях формы причастий и образованных из них прилагательных орфографически противопоставлены (*волосы, стриженные под машинку* – *стриженные волосы*; *подсудимые оправданы* – *сомнения оправданы*), в других случаях грамматическое различие причастий и прилагательных не находит орфографического выражения (*комиссия, образованная недавно* – *образованный человек*). Пишущий выбирает правильное написание, лишь предварительно установив грамматическую принадлежность слова, в чем ему не всегда может помочь наличие или отсутствие так называемых пояснительных слов; как известно, это критерий, недостаточно надежный лингвистически; к тому же он не дает легкого правила. Очень трудно для пишущих разграничение кратких форм типа *взволнована* – *взволнованна*, требующее тонкого лингвистического анализа. Правило, трудное само по себе, осложняется, кроме того, рядом исключений...»

Понимая сложность правила, понимая, что пишущие и не должны проводить этот тонкий лингвистический анализ, орфографисты не раз предлагали правило упростить и последовательно писать все отглагольные слова (и прилагательные, и причастия) либо только с *н*, либо только с *ни*. Или же писать с *ни* все приставочные слова, а с *н* все бесприставочные слова (даже при наличии зависимых слов). Но ни одно из этих предложений не было принято.

Итак, мы имеем то правило, которое имеем. Мы вынуждены опираться на формальный критерий: слово в полной форме с суффиксом *-н-* (*-ни-*), *-ен-* (*-enni-*) является отглагольным прилагательным, если оно образовано от глагола несовершенного вида и не имеет зависимых слов, и является причастием, если образовано от глагола совершенного вида и / или имеет

зависимые слова. В отглагольных прилагательных – одна **н**, в причастиях – две. Вы написали, что хотели «выделить глагольность употребляемого слова», но ведь отглагольные прилагательные потому и называются отглагольными, что тоже сохраняют глагольность. Но пишутся они с одним **н**.

Если мы будем орфографически выражать тончайшие смысловые различия и писать *мороженое молоко вкуснее охлажденного*, но *мороженное молоко вкуснее, чем просто охлажденное* или *мороженное молоко*, но *мороженная рыба*, правило просто развалится. Фактически почти в каждом случае можно будет аргументировать написание как с **н**, так и с **нн**. Это приведет к орфографическому разному, губительному для правописания.

Кстати, и с *топлен(н)ой печью* не очень понятно, почему предлагается писать две буквы **н**. «Русский орфографический словарь» РАН под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой фиксирует: *топленый* прил. (*топленая комната*), *топлёный* прил. (*топлёное молоко*).

Так что и здесь по общему правилу. Орфографисты стремятся сохранить систему, не расшатывать ее. По крайней мере до тех пор, пока действует нынешнее правило.

д.ф.н. И. Е. Ким:

Тут чистое результативное значение, постоянный признак. Причастие как форма глагола обозначает действие, а в данном случае никакого действия не выражается. Где действие, какое действие, как там человек помыслил заморозку этого молока, когда его видит в руках у другого человека? Видим мороженое молоко – понимаем, что это такое, не думая о тех временах, когда его морозили. Внешняя актуализация действия у причастия прошедшего времени несовершенного вида – вещь обязательная, вне нее это специфическое образование – прилагательное.

Второй момент – принцип не умножать сущностей без надобности. Есть простое решение – зачем домысливать контекст, которого нет, и этим усложнять написание и его объяснение?

к.ф.н. Е. В. Арутюнова:

Вдумчивый «писатель» диктанта побуждает нас обсудить принципиальный вопрос: каков критерий выбора **н** и **нн** – частеречный, т. е. учитывающий семантику слова, или формально-грамматический? Правила опираются на частеречный: причастие пишется одним образом, а соотносимое с ним прилагательное – другим. Но при этом четкие, однозначные критерии разграничения причастий и прилагательных в самих правилах не предлагаются, что вызывает затруднения при его применении, приводит пользующихся правилом к прямо противоположным орфографическим выводам или признанию вариативности.

Если сохранять в правиле частеречный принцип, то придется признавать широкую вариативность, так как единства в интерпретации смысла во многих случаях (или даже в большинстве) достичь не удастся и дискуссии, подобные этой, будут возникать постоянно, а пишущие должны будут мушкетерски пытаться определить неопределимое. При составлении правил,

как кажется, нужно все же учитывать, что они пишутся не только для профессиональных филологов, способных осуществить тончайший лингвистический анализ, а для всего общества. Правила должны быть постижимы для образованных людей, не имеющих профессиональной филологической подготовки.

Кажется, практика преподавания пришла все же к формально-грамматическому принципу. В многочисленных пособиях для школьников и абитуриентов, в школах и на подготовительных курсах учителя объясняют правило в самом общем виде так: слово образовалось от глагола совершенного вида – пиши **ни**, от глагола несовершенного вида – ищи зависимые слова.

Но в академических правилах такое упрощение правила пока не допускается. Так, в «Объяснительном русском орфографическом словаре-справочнике» проблема **и** и **ни** в причастиях описана в одном параграфе, а **и** и **ни** в прилагательных – в другом, а как отличить причастие от прилагательного, не говорится. Если сохранять в правилах частеречный принцип (учитывающий семантику), то баталии «причастие или прилагательное» будут бесконечными и безысходными.

А весьма сомнительно (хотя это, конечно, требует проверки), что **и** и **ни** оказываются носителями каких-то семантических нюансов, важных для правильного восприятия прочитанного: в устной речи эти нюансы не передаются.

д.ф.н. Л. И. Горбунова:

Думаю, что вопрос непростой именно в данном случае. Проблема в самой формулировке правила о **и** / **ни** в полных отглагольных формах, в котором есть преамбула о разграничении с помощью **и** / **ни** прилагательных и причастий. Именно на семантике признака основано правило о кратких формах. Про полные же формы можно сказать, что семантика в правиле отходит на второй план, а пишущему предлагаются формальные признаки, по которым он может определить частеречную принадлежность слова (вид, зависимые слова). При этом, как мы знаем, вид не всегда надежный способ разграничения прилагательного и причастия, поэтому и есть в правиле особая группа написаний с **ни**, образованных от глаголов совершенного вида. Но и тут не все однозначно (*жеманный* – только прилагательное, а вот *невиданный* / *не виданный* = ???) И почему, если эти слова чаще по семантике являются прилагательными, в них рекомендуется **и**?

Однако позиция кодификаторов (опора на формальные признаки), на мой взгляд, здесь оправдана, так как мы знаем, что вопрос о разграничении отглагольных прилагательных и причастий ОЧЕНЬ сложен, не решен наукой. В практике письма на семантику опираться тем более невозможно. Насчет аргументов автора письма я бы посопорила. На мой взгляд, частеречная принадлежность *морозеного* здесь небесспорна.

Но как хорошо, что есть такие вдумчивые писатели Тотального диктанта!

Т. А. Заковряшина

Я категорически против написания НН в сочетании *круги мороженого молока*. Это обычное отглагольное прилагательное. Считаю, что есть огромная разница между этим примером и примером *Раненный, он так и не смог доползти до убежища*. Здесь никого и убеждать не нужно, что это причастие, да и глагол *ранить* двувидовый. Пример же *нарубить бы дров да погреть старые кости у топлённой печи* меня тоже не убеждает, потому что здесь даже ударение иное, чем в слове *топлёный*. Примеры, которые предлагает автор, были бы убедительны для меня, если бы выглядели следующим образом: *Мороженое молоко вкуснее охлажденного и Мороженное, молоко сохранил вкус дольше, чем просто охлажденное*. Интонация и обособление, по-моему, могли бы быть аргументами в пользу причастности второго *мороженный*. В нашем же примере ничего этого нет.

к.ф.н. С. М. Евграфова:

Присоединяюсь к мнению уважаемой Т. А. Заковряшиной. Добавлю, что мне вообще не нравится сама идея писать *раненный* в известной причастной позиции, не говоря уж о сомнительной *топленной печи*. Прилагательные прекрасно ложатся в тот же контекст: *Красивый, он нравился всем без исключения женщинам; Румяная, она была похожа на раскрашенную матрешку*. Причинность сильнее причастности.

Я вообще даю правило про написание полных причастий и отглагольных прилагательных без различения причастности / прилагательности. Зачем вводить в правило семантику, если и без нее можно обойтись? Школьникам это усложняет жизнь.

д.ф.н. М. Я. Дымарский:

Я принимаю сторону тех, кто не видит оснований для написания двух букв *н* в сочетании *круги мороженого молока*. Согласен с аргументами И. Е. Кима, согласен и с позицией С. М. Евграфовой: есть вполне ясный формальный алгоритм, избавляющий нас от мучительных размышлений о частеречной принадлежности несчастного признакового слова. Кстати, если следовать логике инициатора дискуссии, то и субстантиват *мороженое* надо было бы писать с НН. Вывод: нет.

Остается только порекомендовать участникам акции пользоваться разными справочными пособиями, так как одно и то же правило в них может быть описано с разной степенью детализации.

Так, на наш взгляд, незаслуженно забыто и не переиздается учебное пособие А. И. Кайдаловой и И. К. Калининой «Современная русская орфография». В нем данное правило формулируется более последовательно, прежде всего через указание на вид глагола, от которого образовано слово. В § 22 «Суффиксы страдательных причастий» проблема одного или двух *н* не обсуждается, здесь только утверждается, что страдательные причастия прошедшего времени образуются от ос-

новы прошедшего времени с помощью суффиксов *-нн-*, *-енн-*, *-т-* [Кайдалова, Калинина 1983: 50]. Вся дискуссия перенесена в § 26 «Прилагательные с **нн** и **н**, образованные от глаголов» [Кайдалова, Калинина 1983: 56–59]. Как видим, акцент в исходных формулировках правила смещается: обсуждается не то, как разграничить причастия и прилагательные, а то, как для прилагательных выбрать правильный вариант написания – с **н** или **нн**.

В описании этого правила выделяются два блока, обозначенные римскими цифрами I и II соответственно. В первом блоке описываются прилагательные, образованные от глаголов совершенного вида или от двувидовых глаголов на *-ованный* / *-ёванный*, в которых пишется **нн** (оставляем пока в стороне список исключений). Во втором блоке описываются прилагательные и причастия, образованные от глаголов несовершенного вида, которые пишутся с одним или с двумя **н** в зависимости от наличия или отсутствия зависимых слов.

В данном учебном пособии приводится самое подробное описание этого правила, которое иллюстрируется большим количеством контрастных примеров с интересными комментариями. Так, например, из одного из Примечаний мы узнаем, что слово *балованный* «теперь» пишется с **нн** по общему правилу для глаголов на *-ованный* / *-ёванный*, хотя раньше относилось к числу исключений. Это подтверждает, что логичные изменения в правилах легко принимаются и приживаются¹.

Приводятся здесь и примеры со словом *раненный*, аналогичные тем, которые даются и в других справочниках: *Раненные, сломленные, мы шли, и нас никто не обгонял* (Герц.); *Леопард, видимо раненный, уполз в кусты*. Достоинством пособия А. И. Кайдаловой и И. К. Калининой является объяснение причин написания двух букв **н** в этом случае употреблением в составе обособленного определения, тем самым вводится четкий синтаксический, а не абстрактный семантический критерий, который вообще не упоминается.

Приведем выдержку из Полного академического справочника «Правила русской орфографии и пунктуации» под ред. В. В. Лопатина,

¹ Заметим, что количество исключений с течением времени уменьшается: так, в Полном академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации» под ред. В. В. Лопатина из списка исключений выведено слово *деланный* (например, *деланая улыбка*, т. е. неестественная, натянутая), которое рекомендуется писать с одной **н**, так как это прилагательное образовано от глагола несовершенного вида, в отличие от причастия *деланный* в сочетании с зависимыми словами, например: *Кресла, деланные по рисунку генерала, были великолепны, успокаивающи* [Р. Б. Гуль. Азеф (1958)]. До 1956 г. прилагательное *непроше́нный* тоже относилось к исключениям и писалось с **нн**.

которым руководствуются члены Экспертного совета при разработке комментариев к тексту Тотального диктанта. Это определение также основано на противопоставлении причастий и прилагательных, однако семантический критерий для их разграничения не используется.

§ 98. Пишутся с **ни** суффиксы полных форм страдательных причастий прошедшего времени: **-ни-** и **-ённ-** (**-енн-**). Соотносительные с ними по форме прилагательные пишутся в одних случаях тоже с **ни** в суффиксе, в других – с одним **н**.

1. Пишутся с **ни** причастия и прилагательные на **-ованный**, **-ёванный**, **-еванный** (образованные от глаголов на **-овать**, **-евать**), напр.: **балованный**, **корчёванный**, **линованный**, **малёванный**, **организованный**; **выкорчеванный**, **избалованный**, **намалёванный**, **разлинованный**, **реорганизованный**. Ср.: *всеми балованный ребёнок и балованное дитя; недавно выкорчеванные пни и корчёванный участок*. <...>

2. Пишутся также с **ни** причастия не на **-ованный** (**-ёванный**, **-еванный**) глаголов совершенного вида и соотносительные с ними прилагательные; подавляющее большинство таких глаголов содержит приставку.

а) Примеры форм, образованных от приставочных глаголов: **выбеленный**, **выстиранный**, **довязанный**, **изжаренный**, **исписанный**, **окрашенный**, **очищенный**, **обружанный**, **покрашенный**, **подсчитанный**, **распутанный**, **сделанный**. Ср.: *зачитанная на собрании резолюция и зачитанная книга; усиленная новыми участниками группа и усиленное внимание*.

б) Перечень форм исконно бесприставочных глаголов, а также некоторых глаголов, приставка в которых может быть выделена только этимологически: **брошенный**, **данный**, **конченный**, **купленный**, **лишённый**, **пленённый**, **прощённый**, **тущенный**, **решённый**, **хваченный**, **явленный**; **встреченный**, **затейанный**, **обиженный**, **обретённый**, **обязанный**, **посещённый**, **снабжённый**. Ср.: *брошенный мальчиком камень и брошенные дети; купленный в кредит товар и купленные журналисты*.

По этому правилу пишутся и формы двувидовых (имеющих значение и совершенного, и несовершенного вида) глаголов **венчать**, **завещать**, **обещать**, **казнить**, **родить**: **венчанный**, **завещанный**, **обещанный**, **казнённый**, **рождённый**. <...>

Исключения. Пишутся с одним **н** соотносительные с причастными формами прилагательные в составе следующих устойчивых сочетаний: **конечный человек**, **названный брат**, **названная сестра**, **посажённый отец**, **посаженная мать**, **Прощёное воскресенье**.

3. Причастия не на **-ованный** (**-ёванный**, **-еванный**) глаголов несовершенного вида (они образуются только от бесприставочных глаголов) и соотносительные с ними прилагательные пишутся по-разному: причастия с **ни**, прилагательные – с одним **н**, напр.: *гружённые дровами повозки, жаренная на масле рыба, писанная маслом картина, стриженные парикмахером волосы и коротко стриженные волосы, крашенные зелёной краской скамейки, давно не метённый пол, ещё не белённые стены, уже не раз считанные деньги, деланное много раз предложение; но: гружёная бар-*

жа, жареная рыба, писаная красавица, стриженные волосы, крашеные скамейки, метёный пол, белёные стены, считанные минуты, сделаное равнодушие; аналогично вязанный и вязаный, глаженный и глаженный, плетённый и плетённый, чищенный и чищенный; так же пишутся: жёванный и жёванный, клёванный и клёванный, кованный и кованный.

По этому правилу пишутся формы двувидовых глаголов *контузить, крестить* и *ранить*. Ср.: *контуженный в голову боец, тяжело раненный солдат, раненный в ногу солдат, только что крещённый младенец, но: контуженный командир, раненый солдат, крещёный ребёнок.*

Примечание. Как видно из примеров, причастие опознается по наличию зависимых слов. Бывают, однако, редкие случаи, когда зависимое слово не является признаком причастия. Напр., следует писать: *у него усики явно крашеные* (ср. *явно искусственные*, где слово *явно* употреблено при прилагательном); *стены, раньше белёные, теперь покрыты зелёной краской* (ср. *стены, раньше белые*) [ПАС 2011: 89–91].

Формулировка этого правила начинается с указания на то, какие суффиксы пишутся в страдательных причастиях прошедшего времени, тем самым предполагается наличие пресуппозиции у читателя: страдательные причастия прошедшего времени образуются от переходных глаголов совершенного вида. Это самоочевидно для лингвистов, и Полный академический справочник предназначен не для школьников, но для других потенциальных пользователей информации в таком объеме явно недостаточно.

Рекомендуем участникам акции «Тотальный диктант» обращаться к «Объяснительному русскому орфографическому словарю-справочнику» Е. В. Бешенковой, О. Е. Ивановой и Л. К. Чельцовой [ОРОСС 2015], который доступен также в электронном виде по адресу: <http://ruslang-oross.ru/>. В § 13 «Написание **ни** в полных формах причастий, **и** в кратких формах причастий» правило для причастий дается лаконично: «Полные формы причастий пишутся с двойным **и**, в кратких формах пишется одно **и**» [ОРОСС 2015: 510]. В § 14 «Написание **и** и **ни** в полных формах прилагательных» максимально подробно исчислены все проблемные случаи.

Приведем выдержки из этих правил, имеющие непосредственное отношение к рассматриваемым нами вопросам:

1. Правило. Двойное и пишется: <...>

б) в прилагательных от глаголов на *-овать* (*-евать*), напр.: *балованный, линованный, малёванный, раздосадованный, расфасованный, основанный, выкорчеванный.*

И с к л ю ч е н и я: *кованный, златокованный, жёванный, жёванный-пережёванный, клёванный;*

7) в прилагательных, соотносимых с глаголом сов. вида, напр.: *брошенный, возмущенный, данный, дерзновенный* (от *дерзнуть* с чередованием у/ов), *купленный, лишенный, обалденный, отъявленный, отрешенный* (от *отрешиться*), *плененный, прощенный, сокровенный, уверенный, удлинённый, заплаканный, задрипанный*.

И с к л ю ч е н и я: *контуженный, конченный, названный* (брат), *посажённый* (отец, мать), *Прощёное воскресенье, прощённый* (день, колодец);

8) в прилагательных от двувидового глагола, напр.: *венчанный, жененный, завецанный, казнённый, обещанный, рождённый, врождённый, прирождённый, урождённый*.

И с к л ю ч е н и я: *раненый, крещённый*;

9) в приставочных (кроме *не-*) прилагательных от глагола несов. вида, напр.: *наслышанный, безустанный, окаянный, подержанный, поношенный, заспанный, умыленный, неожиданный, восторженный, ненадёванный, разливанный*.

И с к л ю ч е н и я: *смышлёный, считанный* («малое количество»);

10) в обеих частях сложного слова с первой частью от глагола сов. вида, напр.: *заложенный-перезаложенный*;

11) в прилагательных от утраченных глаголов сов. вида, напр.: *напыщенный, отчуждённый, прокажённый, смятенный*.

2. П р а в и л о. **Одиночное и пишется:** <...>

3) в бесприставочных (кроме *не-*) прилагательных от глагола несов. вида не на *-овать* (*-евать*), напр.: *мудрёный, путаный, званый, ломаный, слоёный, бешеный, кручёный, солёный, мочёный, варёный, жареный, точёный, гружёный, клеймёный, пьяный, рдяный* (от *рдеть*), *рьяный* (от *реять*).

И с к л ю ч е н и я: *блаженный, виданный, вожделенный, доморощенный, долгожданый, жданый, желанный, лелеянный, неведанный, невиданный, негаданный, недреманный, нежданый, немедленный, медленный, неслыханный, нечаянный, Первозванный, самонадеянный, священный, ветчинно-рубленный, мыловаренный, пивоваренный, клееваренный, смолкуренный, винокуренный, салотопенный*;

4) в бесприставочном прилагательном от устаревшего глагола несов. вида, напр.: *ядрёный* (*ядреть*);

5) в обеих частях сложного слова с первой частью от глагола несов. вида, напр.: *хоженный-перехоженный, читанный-перечитанный*.

И с к л ю ч е н и я: *виданный-перевиданный* [ОРОСС 2015: 511–512].

Как видим, и в этом справочнике ничего не говорится о значении прилагательных и причастий, а ведущим признаком является вид глагола, при этом написание одной и двух букв **н** в причастиях и прилагательных рассматривается в разных параграфах, что предполагает умение различать эти отглагольные формы.

Обратимся к «Русской грамматике» [1980] в поисках критериев для разграничения страдательных причастий и соотносящихся с ними отглагольных прилагательных.

В §1580 рассматривается образование причастий, примечание к этому параграфу посвящено причастиям, образованным от глаголов несовершенного вида, и отглагольным прилагательным:

Страдат. причастие прош. вр. глаголов несов. вида – форма, употребляемая редко и не поддающаяся четкому отграничению от прилагательных с суф. *-ен-* / *-н2-* и *-т-* (*жареный, колотый*, см. § 663), с которыми она внешне совпадает (за исключ. таких редких случаев, как *варенный* прич. – *варёный* прил.). Безусловным критерием, позволяющим относить такие образования к причастиям, является наличие при них позиции действующего субъекта, выраженного формой тв. п.: *лекция, читанная профессором; портрет, писанный художником; виденный мною фильм* [Русская грамматика. Т. I. §1580. 1980: 666].

Отметим в этом фрагменте два ключевых момента:

1) страдательные причастия, образованные от глаголов **несовершенного** вида, не поддаются четкому отграничению от прилагательных. Из этого следует, что строить правило для общего употребления на основе явления, которое сами лингвисты признают проблематичным, как минимум неэффективно;

2) наличие только одного типа зависимых слов, а именно формы **творительного** падежа со значением **действующего субъекта**, приводится в качестве **единственного** безусловного критерия, позволяющего относить такие образования к причастиям. А это значит, что в справочниках, в отличие от академической грамматики, расширяется состав зависимых слов, наличие которых «переводит» прилагательные в причастия.

Проверим, с какими именно зависимыми словами сочетаются «причастия», образованные от глаголов несовершенного вида, перечисленные в Полном академическом справочнике под ред. В. В. Лопатина:

стриженные парикмахером волосы – действующий субъект (это единственный из десяти примеров, который соответствует критериями «Русской грамматики» 1980 г., хотя в списке ПАС он приводится далеко не первым);

гружённые дровами повозки – объект, который помещается на повозку;

крашеные зелёной краской скамейки, писанная маслом картина, жаренная на масле рыба – расходуемое средство (разновидность инструментальной роли);

коротко стриженные волосы, давно не метённый пол, ещё не белённые стены уже не раз считанные деньги, деланное много раз предложение – разного рода сирконстанты (обстоятельства образа действия и меры и степени).

Итак, между академической грамматикой и академическим справочником по орфографии и пунктуации имеются существенные расхождения в интерпретации определенных отглагольных форм: в соответствии со сложившейся орфографической практикой, наличие практически любого зависимого слова свидетельствует о том, что перед нами причастие, в «Русской грамматике» этот признак ограничивается только зависимым словом в форме творительного падежа со значением действующего субъекта. Следует ли из этого, что в тех девяти примерах из ПАС, где зависимое слово обозначает объект или сирконстант, надо писать одну букву **н**?

Есть и еще одно ограничение, которое накладывается на перечень возможных при причастиях зависимых слов (см. об этом также выше в Примечании к § 98 в ПАС). Обстоятельства образа действия и меры и степени иногда исключаются из этого списка. Так, в следующем примере наличие обстоятельства меры и степени не переводит прилагательное *жеванный* ‘вымотавшийся, уставший’ в причастие (никто героиню в реальности не жевал): *Но однажды, целеустремленно ползя по тропе на работу, Инка почувствовала себя слегка жеванной, катастрофически недополучившей сна и калорий, а действительность вокруг признала непередаваемо утомляющей* (Улья Нова. Инка).

Таким образом, простой, на первый взгляд, параметр – наличие зависимых слов – также требует уточнения.

Вернемся наконец к вопросу о написании слова *морожен?ый* в сочетании *круги морожен?ого молока* в тексте Тотального диктанта 2017 г. В «Русской грамматике» 1980 г. отмечается, что прилагательные с суффиксами *-ен-* / *-н₂-* (орфогр. *-ён-*, *-ен-*, *-н-* и *-ённ-*, *-енн-*, *-нн-*) и *-т-* имеют значение «подвергшийся действию, названному мотивирующим словом, и содержащий результат этого действия»: *варёный, жареный, мороженный, краденый, пуганый, рваный, деланный, балованный, дрессированный, дутый, крытый, битый, колотый, тёртый, мятый* [Русская грамматика. Т. I. § 663. 1980: 298]. Это полностью согласуется с рассматриваемым нами контекстом, в котором прилагательное *мороженный* имеет результативное значение.

В Национальном корпусе русского языка (www.ruscorpora.ru) по состоянию на декабрь 2017 г. (объем всего корпуса: 115 645 документов, 23 803 881 предложение, 283 431 966 слов) по запросу *мороженный* найдено 1 448 документов, 3 784 вхождения; *мороженный* – 56 доку-

ментов, 78 вхождений. При этом подавляющее большинство вхождений для слова *мороженный* – это ошибочное употребление существительного **мороженное* (44 примера, 56,4 %) и прилагательного **мороженный судак*, **мороженная рыба*, *лосисина*, **мороженное мясо* и под. (20 примеров, 25,6 %). При этом есть только два контекста с зависимыми словами, в которых данное слово закономерно пишется с двумя буквами *н*:

По ассортиментному составу говяжий жир делится на: технический нерафинированный для производства мыла (доля которого составила 86% общего объема импорта по коду ТН ВЭД 1502), говяжий жир-сырец для промышленной переработки, мороженный в блоках, говяжий жир топленый рафинированный для употребления в пищу (14%) [Российский рынок пищевых животных жиров (2004) // «Мясная индустрия», 2004.08.23]; Продуктов набрал, молока, мороженного в кусках, яиц, творога, а за гимнастерку выменял рубаху по себе [Анатолий Приставкин. Ночевала тучка золотая (1981)].

Оставшиеся 12 примеров – это прилагательные со значением ‘сделанный из мороженого, имеющий отношение к мороженому’, образованные от слова *мороженое* при помощи суффикса *-н-*, в которых две буквы *н* пишутся на стыке производящей основы и суффикса – *морож-ен-н-ый*: *мороженная лавка* (лавка, в которой продают мороженое), *мороженная диета* (диета, состоящая исключительно из мороженого), *мороженный бизнес* (производство мороженого), *мороженный дворец* (дворец, сделанный из мороженого) и т. п.

Обращение к Национальному корпусу русского языка подтверждает наблюдение, приведенное в «Русской грамматике», о том, что формы страдательных причастий прошедшего времени, образованные от глаголов несовершенного вида, встречаются крайне редко.

Таким образом, семантический критерий разграничения причастий и отглагольных прилагательных, содержащийся в двух наиболее популярных справочниках, в других авторитетных изданиях не применяется, так как он не вполне корректен, во-первых, потому, что значение отглагольных прилагательных определяется не как «постоянный / временный признак», а на основе признака «результативность» – как «подвергшийся действию, названному мотивирующим словом, и содержащий результат этого действия»; во-вторых, нет надежных смысловых критериев противопоставления причастий и прилагательных друг другу, что затрудняет применение этого правила. В контексте Тотального диктанта 2017 г. слово *мороженое* в сочетании *кружки мороженого молока* пишется с одной буквой *н*, на что указывают все остальные бесспорные параметры: морфологический – это прилага-

тельное образовано от глагола несовершенного вида *морозить* (что делать?), а также синтаксический – отсутствие зависимого слова.

Правило, безусловно, требует корректировки, оно не должно формулироваться на основе противопоставления друг другу причастий и соотносительных с ними отглагольных прилагательных, так как сами лингвисты затрудняются в определении их различий. Этот параметр связан с закрепившимися, во многом традиционными написаниями, которые сложились в процессе естественного развития письменной речи, а не логично обоснованной работы кодификаторов, которые в настоящий момент лишь фиксируют устоявшуюся норму, а не формируют ее на основе собственно языковых критериев, узаконивают привычку пишущего сообщества, пусть во многом и противоречивую. Положительно маркированными в этой паре являются атрибутивы, образованные от глаголов совершенного вида, при этом не важно, являются ли они причастиями или прилагательными, преобладает ли в них качественность или акциональность, есть в их составе приставки или нет – в любом случае они пишутся с двумя буквами *н*. Поэтому начинать объяснение правила следует, видимо, именно с этого простого морфологического признака, вводя далее ограничения для атрибутивов от глаголов несовершенного вида, от двувидовых глаголов, а далее исчисляя все возможные исключения, которые на этом фоне могут оказаться вполне мотивированными.

Список литературы

Валгина Н.С., Светлышева В.Н. Орфография и пунктуация: справочник. М.: «Неолит», 2001. 320 с.

Кайдалова А.И., Калинина И.К. Современная русская орфография: Учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика». 4-е изд., испр. и доп. М.: Высш. школа, 1983. 240 с.

ОРОСС – Бешенкова Е.В., Иванова О.Е., Чельцова Л.К. Объяснительный русский орфографический словарь-справочник. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. 592 с. [URL: <http://ruslang-oross.ru/>]

ПАС – Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2011.

Розенталь Д. Э. Справочник по орфографии и пунктуации. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1994. 367 с.

Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1980.

Н. Б. Кошкарева

*Новосибирский государственный университет
Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск*

КУДА УХОДИТ ДОРОГА? И КУДА УХОДИТ ЖИЗНЬ?

(о слитном / раздельном написании *вдаль* и *в даль*)

Рассматривается вопрос о слитном / раздельном написании *вдаль* / *в даль* на примере текста Тотального диктанта 2014 г., написанного А. Ивановым, обсуждаются семантические и синтаксические критерии, позволяющие разграничить варианты написания.

Ключевые слова: орфография, слитное / раздельное написание, наречие, наречные сочетания, сочетание имени существительного пространственной семантики с предлогом, синтаксические и семантические факторы.

В тексте Тотального диктанта 2014 г., написанного А. Ивановым, наибольшую орфографическую трудность вызвало следующее предложение из третьей части диктанта:

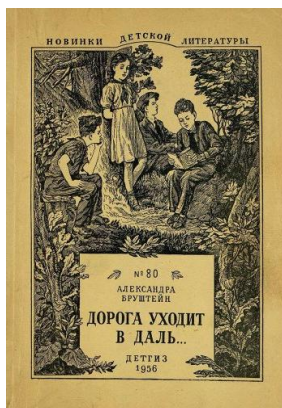
Перед нами распахивался гостеприимный и приветливый мир, жизнь уходила (в) даль, в слепящую бесконечность, будущее казалось прекрасным, и мы катились туда в скрипучем обшарпанном вагоне (А. Иванов. Когда поезд вернется).

В комментариях, разработанных Экспертным советом, допускалось только слитное написание *вдаль* как наречия. Однако в большом количестве работ встретилось раздельное написание *в даль*, причем часто это была единственная ошибка в диктанте, то есть допущена она была людьми с самым высоким уровнем грамотности. Соответственно, предъявлялись веские, обдуманые аргументы в пользу раздельного написания, и одним из таких аргументов была апелляция к прецедентному тексту и материалам Национального корпуса русского языка.

От одного из участников акции поступил такой вопрос:

В приведенном на сайте Тотального диктанта комментарии как единственно верный указывается вариант "вдаль". Думаю, что у многих в моем поколении, в круг чтения которого входила книга А. Бруштейн, вариант "в даль" именно в таком контексте, как в вашем тексте ("жизнь уходила вдаль"), сохранился на уровне подсознания. Изменились правила или изначально была сделана ошибка, которая теперь вынужденно воспроизводится при упоминании книги?

Речь идет об автобиографической трилогии Александры Бруштейн «Дорога уходит в даль...» (1956–1961 гг.), в названии которой сочетание *в даль* написано раздельно и закрепилось в зрительной памяти большого количества читателей как эталонное. В 50–60-е гг. XX в. эта книга неоднократно переиздавалась, и слова на обложке врезались в память.

Фактически одновременно, в 1959 г., появился фильм с точно таким же названием, в котором то же самое слово было написано слитно: *Дорога уходит вдаль*. Однако афиша этого фильма не запомнилась так отчетливо, возможно, фильм был не столь популярен, как книга, которая постоянно находилась под рукой.

Приведем обоснование решения о слитном написании *вдаль*, принятого Экспертным советом.

При составлении комментариев и проверке работ Экспертный совет опирается на формулировки правил, представленные в Полном академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации» под ред. В. В. Лопатина (стереотипные издания 2007, 2009, 2011 и др. годов). Этот свод правил рекомендован Орфографической комиссией РАН и является самым авторитетным.

Принципы слитного / раздельного написания наречий, в том числе наречий типа *вдаль*, *вширь*, *вглубь* и под., описаны в разделе «Правила слитного, дефисного и раздельного написания. Наречия», § 136, п. 6, см. также примечание к этому пункту:

§ 136. Пишутся слитно: <...>

6. Наречия с пространственным и временным значениями, в которых приставка соединяется с формами существительных *верх*, *низ*, *перед*, *зад*, *бок*, *высь*, *глубь*, *даль*, *близь*, *ширь*, *век*, *начало*, напр.: *вверх*, *вверху*, *доверху*, *кверху*, *наверх*, *наверху*, *поверх*, *поверху*, *сверху*; *вниз*, *внизу*, *донизу*, *изнизу*, *книзу*, *понижу*, *снизу*; *вперёд* (и *впереди*, *кпереди*, *спереди*), *наперёд*, *поперёд*; *взад* (и *кзади*, *назади*, *позади*, *сзади*), *назад*; *вбок*, *набок*, *обок* (но: *под боком*, см. § 137, п. 1; *бок о бок*, см. § 137, п. 4), *сбоку*; *ввысь*, *подвысь*; *вглубь*; *вдаль*, *вдали*, *издали*, *одаль*, *поодаль*; *вблизь*; *вширь*; *ввек*, *вовек*, *во веки*, *довеку*, *извека*, *навек*, *навеки* (но: *во (на) веки веков*, *во (на) веки вечные*; *из века в век*, см. § 137, п. 4); *вначале*, *изначала*, *поначалу*, *сначала*.

Некоторые из таких наречий могут употребляться в роли предлогов с формой род. п., напр. *карниз вверху стены*, *сноска внизу страницы*, *сверху холма хорошо видны окрестности*, *пикник вблизи озера*, *стоять сбоку стола*.

Примечание к пп. 1, 2, 3, 6. Следует различать слитно пишущиеся наречия и совпадающие с ними в буквенном составе, но пишущиеся раздельно сочетания предлогов со словами других частей речи (существительными, прилагательными, наречиями, местоимениями). В таком различении большую роль играет контекст. Именно в контексте выявляется реальное значение и типичные синтаксические связи слов разных частей речи. Ср. следующие пары примеров: *уехать насовсем* (наречие, отвечает на вопрос «как?») – *сослался на совсем старые данные* (предлог *на*, относящийся к существительному *данные*, + наречие *совсем*, относящееся к прилагательному *старые* и образующее с ним словосочетание); *поговорить с кем-нибудь напрямую* – *выйти на прямую дорогу*; *действовать заодно с кем-нибудь* – *посчитать два посещения за одно*; *удивился, затем рассмеялся* (наречие, отвечает на вопрос «когда?») – *за тем домом уже поля* (предлог *за* + местоимение *тем*); *вначале* (наречие, отвечает на вопрос «когда?») *всем было интересно* – *в начале пути все оживлённо шутили* (предлог *в* + существительное *начало*, образующее с зависимым от него словом *путь* словосочетание); *посмотреть наверх* – *с обрыва на верх повозки посыпа-*

лись камни; вдали виден лес – в дали, скрытой туманом; глядеть вдаль – всматриваться в даль степей; распространяться вглубь и виширь – вникать в глубь, в суть проблемы. В зависимости от понимания текста пишущий может выбрать и слитное, и раздельное написание в таких, например, случаях: погрузиться вглубь (в глубь) океана, зайти вглубь (в глубь) леса, гнездо наверху (на верху) дерева [ПАС 2011: 123–129].

По нашему мнению, в рассматриваемом предложении *вдаль* пишется слитно и является наречием. Если бы при нем было имя существительное в форме родительного падежа (например, *в даль небес*, ср. также пример из справочника: *глядеть вдаль – всматриваться в даль степей*), то сочетание «предлог + существительное» писалось бы раздельно. В примере из текста диктанта зависимого существительного в форме родительного падежа при слове *вдаль* нет, этот структурный признак подтверждает слитное написание наречия.

В справочнике обсуждается возможность слитного / раздельного написания конструкций типа *зайти вглубь / в глубь леса*, т. е. слитное написание даже в том случае, когда есть имя в форме родительного падежа, но не наоборот – раздельное при отсутствии существительного. Соответственно, отсутствие существительного сигнализирует о слитном написании (эта проблема подробно освещается в статье М. М. Ровинской [Ровинская 2014]).

Для решения данного вопроса надо определить, какой частью речи является данное слово / сочетание: если это наречие, то оно пишется слитно; если существительное – раздельно.

Приведем значения этих слов по толковым словарям.

ДАЛЬ, -и, о дали, в дали, ж. 1) Далекое пространство, видимое глазом. 2) а) Отдаленное, далеко расположенное место. б) Отдаленная часть чего-л. в) Значительное расстояние, значительная протяженность. 3) Отдаленное от настоящего время, отдаленность по времени.

ВДАЛЬ 1. нареч. 1) а) На далекое расстояние, далеко вперед. б) В отдаленное место, далеко. 2) перен. В отдаленное будущее.

Если трактовать данное предложение как «жизнь уходила в будущее», то лучше, на наш взгляд, написать слитно, так как переносное значение ‘в отдаленное будущее’ отмечено именно для наречия, хотя в системе значений существительного *даль* третье значение также отражает временную семантику. Но тем не менее словарные толкования не позволяют однозначно провести разграничение между этими словами, их значения пересекаются. Семантический критерий не дает достаточных оснований для однозначного решения этого вопроса.

В данном контексте желание написать *в даль* отдельно поддерживается тем, что за ним следует сочетание *в слепящую бесконечность*, которое состоит из предлога *в* и существительного *бесконечность*. И наречие *вдаль*, и имя существительное в предложно-падежной форме *в (слепящую) бесконечность* выполняют одну и ту же функцию обстоятельства места (отвечают на вопрос «Куда уходила жизнь?»). Их синтаксическая однородность создает иллюзию однородности морфологической, которая порождена непосредственной близостью внешне похожих слов.

Чтобы решить вопрос о слитном / раздельном написании данного сочетания, мы обратились к данным Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru; на 17 апреля 2014 г. его объем составлял 85 996 документов, 19 362 746 предложений, 229 968 798 слов). Зарегистрировано 330 вхождений, в которых сочетание *в даль* написано раздельно (ср. 2309 вхождений наречия *вдаль*), т. е. наречие *вдаль* встречается в 7 раз чаще, чем сочетание *в даль*. Специального изучения требуют условия раздельного написания сочетания *в даль*.

К факторам, влияющим на слитное / раздельное написание, относятся: наличие зависимых слов, сочетание с глаголами определенных лексико-семантических групп, включение в ряд однородных членов, лексическая семантика и контекст (два последних фактора в данном случае не помогают разрешить этот вопрос однозначно).

1. Раздельное написание при наличии зависимых слов – определений

Сочетание *в даль* однозначно пишется раздельно при наличии зависимого слова – определения. Существительное как часть речи может сочетаться с прилагательным, выполняющим функцию определения. Определение может быть выражено также и другими способами.

Из 330 примеров раздельного написания *в даль*, извлеченных из корпуса, в 126 случаях (около 40%) это слово сопровождается определениями, которые могут быть выражены прилагательными, причастными оборотами, определительными придаточными, несогласованными определениями в форме родительного падежа или косвенных падежей с предлогами:

– определение, выраженное прилагательным, которое находится в постпозиции по отношению к определяемому слову *даль*: *Поэтому он не пошёл и не набил этому профессору морду, а её не увёз в даль светлую* [Екатерина Иванова. Оперативник Гармаш дослужился до «Любовника» (2002) // «Финансовая Россия», 2002.09.19]; *Холодно и ярко*

светило солнце, небо было густо-синее и белопенные облака стремились, плыли в даль неведомую, гонимые ветром [Г. Я. Бакланов. В месте светлом, в месте злачном, в месте покойном (1995)]; *Что она жевала и как жевала, Зинаида, конечно, не знала, так как смотрела поверх головы отца в даль понятную, в даль далекую* [Виль Липатов. Деревенский детектив (1967–1968)];

– несогласованное определение, выраженное именем существительным в форме родительного падежа: *Воздух 60-х годов отошел уже в даль истории* [П. Д. Боборыкин. Воспоминания (1906–1913)]; *Он знал, что самое главное для настоящего космонавта – внимание, проницательный ум, зоркий взгляд, направленный в даль и в глубь мира* [Владимир Щербаков. Открытие планеты // «Техника – молодежи», 1974]; *И он одевал свои доспехи и с копьем в руке мчался в даль лесов и равнин*, вонзая шпоры в черного коня своего [Андрей Белый. Северная симфония (1917)]; *Уносишься куда-то в даль времен и вспоминаешь все, что читал у Тургенева и Гончарова, видел на картине «Все в прошлом» и так далее...* [Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960–2000)];

– несогласованное определение, выраженное предложно-падежными формами имен существительных: *Смотрите в даль перед собой* [Д. И. Хармс. Елизавета Бам (1927)]; *Всматриваясь в даль за песками*, я увидел пирамиду из золота, то чудо, которое создал «*Khufu*» [Андрей Белый. Африканский дневник (1922)]; *Глаза без дна, точно манящие в таинственную глубину, в даль без муты и мрака*, путь в неведомое и вместе с тем обетованное [П. И. Дубровин. Аннет (1950)];

– определение, выраженное обособленным причастным оборотом: *Захар Павлович никак не мог забыть маленького художего тела Прошки, бредущего по линии в даль, загроможденную крупной, будто обвалившейся природой* [А. П. Платонов. Чевенгур (1929)]; *Мы все-таки успели в Вольтерру к закату, чтобы со стены, выложенной огромными валунами, посмотреть в даль, быстро погружающуюся в дымку* [Марина Каминарская. La strada (2002) // «Домовой», 2002.03.04]; *Татарский не мог устремиться доверчивым взглядом в даль, нарисованную для него Сашей Бло...* [Виктор Пелевин. Generation «П» (1999)];

– определительное придаточное: *Ибо как могли бы мы вообще направлять наш взор на что-либо, чего бы мы не имели, как могли бы мы проникать в даль, которая вообще нам не предстояла бы?* [С. Л. Франк. Непостижимое (1938)]; *Капитан Вуджет стоял у борта, глядя в даль, где холодные фиолетовые волны прочерчивались красноватыми, вблизи совсем багряными гребнями*

[И. А. Ефремов. «Катти Сарк» (1942–1943)]; ...*жизнь простиралась в даль, из которой не возвращаются* [А. П. Платонов. Счастливая Москва (1936)].

В рассматриваемом нами примере из Тотального диктанта определения при слове (в) *даль* нет, соответственно, этот фактор не способствует раздельному написанию.

2. Раздельное написание при глаголах типа *всматриваться*

В учебном пособии «Современная русская орфография» А. И. Кайдаловой и И. К. Калининой [1976] в одном из примечаний в разделе «Слитное и раздельное правописание наречий» вводится дополнительный критерий – лексико-семантические особенности главного слова, которому подчиняется слово (в) *даль*.

При глаголах типа *всматриваться* (их относят к группе глаголов психического восприятия) сочетание *в даль* рекомендуется писать раздельно: «При глаголах *всматриваться, вглядываться в даль* пишется в два слова: *Капитан по-прежнему стоит неподвижно и всматривается в даль* (Ч.) (всматривается «во что?», а не «куда?»). Но *смотреть (глядеть) вдаль* (куда?): *Ты жадно смотришь вдаль...* (Брюс.); *Но опять влечет неудержимо вдаль из этих мест* (Бл.)» [Кайдалова, Калинина 1976: 103].

Однако в более поздних изданиях этого справочника данное примечание отсутствует, в п. 3 осталась только обтекаемая формулировка, касающаяся семантики существительного: «Пишутся с л и т н о наречия, образованные от существительных *верх, низ, перёд, зад, высь, даль, ширь, глубь, век, начало; вверх, вверху, кверху, доверху, внизу, ввек, навеки*. Наречия этого типа пишутся всегда слитно, кроме тех случаев, когда перечисленные выше существительные сохраняют свое исходное значение» [Кайдалова, Калинина 1983: 82–83]. Однако здесь ничего не говорится о том, когда именно существительные сохраняют свое значение и как определить, что значение существительного сохранилось. Алгоритма для решения этого вопроса не приводится, пишущим в этом случае остается полагаться лишь на собственную интуицию, что и вызывает в конечном итоге разногласия.

Из 330 примеров раздельного написания *в даль* 134 (тоже около 40%) составляют сочетания с глаголами типа *всматриваться*.

Приведем несколько примеров употребления сочетания (в) *даль* при подобных глаголах, сохраняя орфографию первоисточника:

Раздельно	Слитно
Женщина вскочила и стала всматриваться в даль с видом беспокойства. [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]	Путешественники долго всматривались вдаль , в надежде увидеть еще остров, но и при помощи бинокля не обнаружили ничего. [В. А. Обручев. Коралловый остров (1947)]
Я глянул в даль , и, не знаю почему, там, на самом конце её, представился мне становой пристав, в виде страшного, лохматого чудовища, с семью головами, с длинными железными когтями и долгим огненным языком. [М. Е. Салтыков-Щедрин. Святочный рассказ (1858)]	Турбин повернул голову вправо и глянул вдаль , к музею. [М. А. Булгаков. Белая гвардия (1923–1924)]
Она не ждала его, худая, у стрельчатого окна, вглядываясь в даль , в стеклянные струи реки Оккервиль... [Татьяна Толстая. Река Оккервиль (1983)]	Слезы душили солдата, но он не плакал, а только сурово вглядывался вдаль , за Нарву. [Виктор Гастелло. Два брата (2003) // «Наш современник», 2003.06.15]
Хотя раньше, когда попал на остров, думал, что буду все время сидеть на самом берегу океана и смотреть в даль . [Михаил Панин. Камикадзе // «Звезда», 2002]	Он стоял посреди нескончаемой равнины, ранним утром, и смотрел вдаль вверх наших голов. [Булат Окуджава. Искусство кройки и житья (1985)]
Из сада Вера пошла в поле; глядя в даль , думая о своей новой жизни в родном гнезде, она все хотела понять, что ждет ее. [А. П. Чехов. В родном углу (1897)]	Его старые глаза через окружающую ночную темноту глядели вдаль , далеко, на то, что случилось тридцать лет назад. [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Клад (1889)]

Процесс напряженного зрительного восприятия, передаваемый глаголами типа *всматриваться*, *вглядываться*, предполагает конкретный объект восприятия: «даль» предстает в этом случае как нечто вещественное, поэтому естественным здесь является употребление существительного, обладающего предметной семантикой. В таких примерах сочетание *в даль* может сопровождаться указанием на ту точку пространства, на которой сосредоточено внимание, после обстоятельства места *в даль* с обобщенным значением часто встречается уточняющее обстоятельство места:

*Как матрос Колумбова корабля он **вглядывается в даль**, на Масличную гору, поросшую старым Гефсиманским садом... [Дина Рубина. Я и ты под персиковыми облаками (2001)]; Порою тень покрывала труп собаки, и тогда строгий глаз её, **смотревший в даль**, на город,*

где жили люди, становился темнее... [Максим Горький. Собака (1906)]; *Время от времени они с любопытством и нетерпением **вглядывались в даль, вверх по реке*** [С. М. Степняк-Кравчинский. Россия под властью царей (1886)].

При глаголах типа *смотреть* или *глядеть* описывается направление взгляда, устремленного не в конкретную точку, а в пространство вообще, соответственно, используется наречие *вдаль* с семантикой ‘куда-то далеко’ даже в том случае, если за ним следует указание на определенное пространство, ср.:

*Суровое темное лицо его ничего не выражало, глаза **смотрели вдаль, в снежную морскую мглу*** [Ю. П. Герман. Россия молодая. Часть вторая (1952)]; *Начальник Юга долго **смотрел вдаль на гробницы предков**, потом жестом приказал присутствовавшему рабу налить по последнему бокалу вина* [И. А. Ефремов. На краю Ойкумены (1945–1946)].

Таким образом, лексическое значение этих близких глаголов склывается на их сочетаемости с наречием *вдаль* или с существительным *в даль*.

Приведем данные о сочетаемости этих глаголов по Национальному корпусу русского языка, разделив употребление *в даль* на два типа – с зависимыми словами и без них. Определяющим фактором раздельного написания является наличие зависимого слова. В примере *Ночами, когда от смутных раздумий не сомкнуть глаз, не спится, я до боли в глазах **всматривался в даль океана**, но ни разу не увидел ни одного огонька* [Михаил Панин. Камикадзе // «Звезда», 2002] раздельное написание обусловлено прежде всего наличием зависимого слова *океана*, семантика главного слова *всматриваться* решающей роли не играет.

Глагол	в даль		вдаль	Всего (100%)
	без зависящих слов	с зависимыми словами		
<i>вглядываться</i>	20 (36 %)	6 (11%)	29 (53%)	55
<i>всматриваться</i>	34 (44%)	7 (9%)	37 (47%)	78
<i>поглядеть</i>	1 (3%)	8 (25%)	23 (72%)	32
<i>поглядывать</i>	3 (20%)	0	12 (80%)	15
<i>смотреть</i>	26 (5%)	12 (2%)	492 (93%)	530
<i>глядеть</i>	7 (4%)	10 (6%)	161 (90%)	178

В целом употребление наречия *вдаль* при этих глаголах более частотно, чем употребление существительного. При глаголах *вглядыв-*

ваться и всматриваться это предпочтение незначительно, тогда как при глаголах *смотреть* и *глядеть* оно существенно.

3. Раздельное написание в ряду однородных членов

Раздельное написание в ряду однородных членов возможно по аналогии, например:

Но она была гораздо старше меня и любила именно эту роцу не за ландыши и соловьев, а за удаленность от деревни, которая все видит и знает, если не хорониться в даль, в глубь, в мрак и в тишь... [Б. Б. Вахтин. Папоротник и ландыши (1960–1963)]; *Вечерея, уходили ряды в даль, в темно-красную пыль, в навсегда* [А. Г. Малышкин. Падение Даира (1923)]; *Куда вы денетесь? – В даль и в ночь...* – *засмеялся Федор Михайлович* [Николай Дубов. Небо с овчинку (1966)]; *Но чем более и чем остроумнее станем отыскивать и исторически подтверждать все наши, в сущности, весьма бедные находки, тем сильнее будет затемняться физиономия Гоголя и отходить от нас в даль и в туман* [П. В. Анненков. Литературные воспоминания (1882)]; *Вместе с тем роман уходит в даль, в глубь и тень, а на первый план выступает нравственное развитие автора* [П. В. Анненков. Литературные воспоминания (1882)].

В этих примерах намеренно актуализируется раздельное написание *в даль* на фоне необычного употребления в контексте слов типа *в навсегда, в тишь, в ночь*. Здесь отчетливо ощущается языковая игра автора.

Возможна актуализация иного рода (хотя и не в однородном ряду), при которой существительное *даль* употребляется с разными предлогами:

Он глядел на рельсы, беспорядочно разбросанные по земле и уходящие во все стороны света, вслушивался в гудки маневровых, дышал жженым воздухом, растертым проносящимися из дали в даль почерневшими поездами [Олег Павлов. Казенная сказка (1993)]

В подавляющем большинстве примеров с однородными рядами действует одновременно несколько факторов, поддерживающих раздельное написание, среди которых вхождение в однородный ряд является наименее существенным.

Например, в следующих предложениях ряды однородных членов относятся к главному слову типа *вглядываться*:

И вот первое, чему мы должны учиться, это – при всех обстоятельствах себе сказать: отойди в сторону, дай мне вглядываться в даль, в простор, в глубину! [митрополит Антоний (Блум). Итоги жиз-

ни (1979)]; *Неутомимо: и кролем, и брассом, и на спине... или как капитан, вглядываясь в даль, в окна и чердаки дома напротив...* [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009)].

В примерах ниже сочетание *в даль* в составе ряда однородных членов, во-первых, сопровождается зависимым словом (это определяющий фактор), а во-вторых, относится к главному слову – глаголу психического восприятия (второй по значимости фактор). На фоне этих факторов вхождение в ряд однородных членов не столь важно.

Он жил задумчиво; идет по пустым улицам Ярмарки и вдруг, становясь на одном из мостов Обводного канала, долго стоит у перил, глядя в воду, в небо, в даль за Оку [Максим Горький. В людях (1915–1916)]; *Продолжая посмеиваться, Лука деликатными движениями отрезал от стегна жирный, дожелта зажаренный кусок мяса, впился в него зубами, исподлобья глядя на Анискина, который тихонечко покачивался на табуретке и **смотрел в даль** далекую, в непонятность; что-то видел он там, что-то понимал, наглядываясь же, заворочался на месте, крестом сложил руки на груди* [Виль Липатов. Деревенский детектив / Кто уезжает, а кто остается... (1967–1968)].

В некоторых случаях пространственная семантика существительного *даль* становится наиболее отчетливой на фоне контекстуальных антонимов:

*Копенкин пошел к своей лошади, оглядел и оцупал ее, чтобы знать наверное – может он уехать на ней в любую нужную минуту или нет; оказалось – может: Пролетарская Сила была столь же прочна и готова ехать **в даль** и **в будущее**, как прошагала она свои дороги в минувшем времени* [А. П. Платонов. Чевенгур (1929)]; *Контуры города, берега и гор обволакивались туманом, уходя **в даль...** **в прошлое*** [А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Том V. Вооруженные силы Юга России (1921)] – в данных примерах раздельное написание *в даль* подчеркивает пространственное значение этого слова в оппозиции сочетаниям *в будущее* и *в прошлое* с временным значением.

*Раскинулось оно без конца и **в даль** и **в ширь**, все усеянное светлыми звездами!* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Противоречия (1847)] – в этом предложении у существительного *даль* актуализируется сема ‘пространство, вытянутое вдоль’, в отличие от значения существительного *ширь* ‘пространство, вытянуто поперек’, не отмеченное в словарях.

*Все так же, как прежде, тянет **в даль**, **в неизведанное*** [Н. Н. Шпанов. Ученик чародея (1935–1950)] – пространственное значение существительного *даль* усиливается в сочетании с субстантивированным причастием *неизведанное*, так как существует ассоциативная

связь между представлением о далеком пространстве и отсутствием информации о нем, о его неизвестности.

В предложении из текста Тотального диктанта, на наш взгляд, актуализируется временное значение наречия *вдаль*: *жизнь уходила вдаль* (= в будущее), *в слепящую бесконечность* (= в неизвестность).

В НКРЯ мы задали поиск сочетания «*уходить* + (на расстоянии 1) *вдаль*» и получили 211 вхождений, на запрос «*уходить* + (на расстоянии 1) *вдаль* + (на расстоянии 1) предлог *в*» обнаружено 4 примера:

Наверное, дом был так расположен, что из верхних окон открывался вид на более низкие дома и разворачивалась перспектива всей Барселоны – утренней, бесконечной, уходящей вдаль, в горы и к морю [Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003–2005)]; *Но сейчас он странно уходил вдаль, в бесконечное пространство и растворялся в нем* [Лев Корнешов. Газета (2000)]; *Я перебирал пальцами здоровой руки волосы Анечки, гладил их на теплой ложбинке шеи, и сладость первой, тоже легкой грусти от первой разлуки, ни на что не похожая, мягко сжимающая сердце, мохнатеньким абрикосом каталась по расолодевшему нутру, томила меня никогда еще не испытанной и потому ни с чем еще несравнимой нежностью, сожалением и уходящей вдаль, в будущие года невозвратной печалью* [Виктор Астафьев. Веселый солдат (1987–1997) // «Новый Мир», 1998]; *Сквозь проймы их протискивались толстобокие автобусы и катились дальше вдоль бульвара, уходящего вдаль, в тревожный синий блеск ветреного дня* [В. В. Набоков. Благость (1924)].

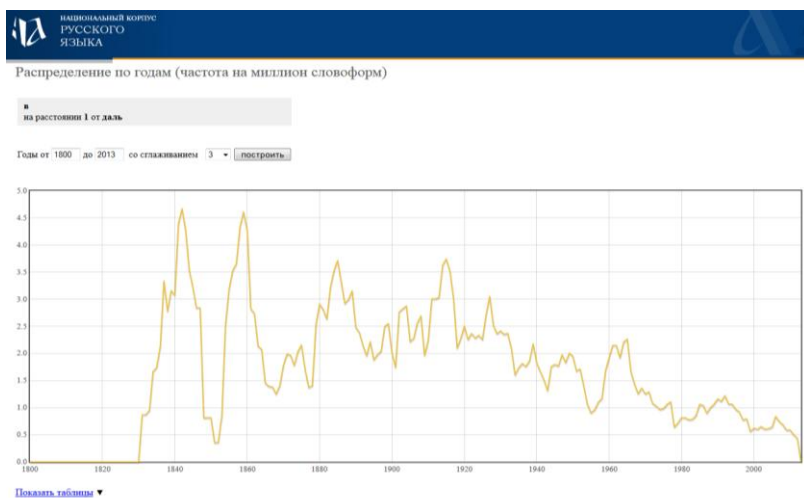
Во всех этих примерах за обстоятельством места с обобщенным значением *вдаль* следуют уточняющие обстоятельства конкретной семантики. Конкретизация может достигаться также и за счет последующих придаточных места:

Гуля вглядывалась вдаль – туда, где темнела окутанная дымом высота [Елена Ильина. Четвертая высота (1945)]; *Он внимательно вглядывался вдаль, откуда по другой стороне канала приближалась туча пыли* [Василий Ян. Чингиз-хан (1939)].

Аналогичный поиск, отличающийся только раздельным написанием сочетания *в даль*, показал лишь 22 вхождения, в 9 примерах из них раздельное написание обусловлено структурными факторами. Соответственно, частотность раздельного написания в 16 раз ниже, чем слитного.

Чаще всего сочетание *уходить в даль* используется для описания пространственной ситуации, ср.: *До самой глубины лунной ночи он шел в даль* [А. П. Платонов. Котлован (1930)].

Глагол *уходить* чаще всего используется в переносном значении ‘простирается’: «уходить в даль» могут *дорога, холмы, поля и луга* и др. географические объекты (ср. также название знаковой для середины XX в. повести А. Я. Бруштейн «Дорога уходит в даль...» (1956)): *Передо мною, между двух рядов высоких тополей, стрелою уходила в даль дорога* [И. С. Тургенев. Стихотворения в прозе I. Senilia (1878–1882)]; *Здесь леса сходятся со степью, образуя холмы, рассеченные глубокими оврагами, зовущимися «верхами», белеют березовые перелески на пологих склонах, где летом полно белых грибов и земляники, уходят в даль бескрайние поля и луга, чередующиеся с задумчивыми осинниками и зарослями орешника, щедрого осенью на урожай* [Н. Кривцов. Адрес: «Когда мы будем в Спасском...» // «Вокруг света», 1995]; *На их месте осталась уходящая в даль прогалина, покрытая мелкой порослью ежевики, не желавшей сдаваться*. [Владимир Дудинцев. Белые одежды / Третья часть (1987)]; *Позади уходит в даль очеренный сераками ледник Сталина* [Михаил Ромм. Штурм Пика Сталина (1933–1937)].

Таким образом, пространственная семантика субъекта согласуется с пространственной семантикой существительного *даль*.

В тексте Тотального диктанта подлежащим является слово *жизнь*, при котором более естественной является связь с наречием *вдаль* во временном значении ‘в будущее’. Важным оказывается также и тип субъекта: при абстрактном существительном *жизнь* пространственная

интерпретация высказывания маловероятна: вряд ли имелось в виду, что «жизнь уходила далеко».

Как показывают данные НКРЯ, частотность употребления сочетания *в даль* снижается. Возможно, это связано с более высокой степенью нормализации письменной речи в XX в.

* * *

Участники Тотального диктанта часто обращаются к Национальному корпусу русского языка для подтверждения или опровержения тех или иных написаний. Одним из таких контекстов, фигурировавших в апелляциях, был следующий:

В 1956 году Александра Яковлевна Бруштейн закончила первую книгу автобиографической трилогии «Дорога уходит в даль». В Советской стране книжка о дореволюционном детстве девочки из интеллигентной еврейской семьи не стала такой популярной, как книги Гайдара и Осеевой. А жаль. Пр процитируем только напутствие, которое дал девочке Сашеньке мужественный безрукий художник: «Все – вперед, все – **в даль!** Идешь – не падай, упал – встань, расшибся – не хнычь. Все – вперед, все – **в даль!**» Чем хуже образцов советской детской классики? [Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века (2000)]

Однако надо иметь в виду, что в корпусе тексты приводятся в том виде, в котором они были опубликованы. А в публикациях возможны ошибки, устаревшие или еще не окончательно сложившиеся нормы, типичные для определенного хронологического среза. Национальный корпус русского языка – это не тот источник, по которому надо сверять написание, это исследовательский ресурс, по которому можно проверить частотность слитного / раздельного написания, которое характерно для обычных «пользователей», можно установить, насколько типична данная ошибка, в каких условиях она чаще всего возникает. Но правило остается правилом, даже если его нарушают корректоры солидных изданий.

Итак, комплексный анализ факторов показал, что в тексте Тотального диктанта сочетание (в) *даль* следовало написать слитно, так как при нем нет зависимых слов, оно не сочетается с глаголами психического восприятия, зависит от глагола движения *уходить*. Последнее обстоятельство могло бы служить обоснованием раздельного написания (подобно *дорога уходит в даль...*), но этому препятствует абстрактная семантика слова *жизнь*, при котором (в) *даль* приобретает

временное, а не пространственное значение, характерное в большей степени для наречия *вдаль*.

Закреплению зрительного образа написания слова часто способствуют прецедентные тексты. В данном случае таким текстом стало произведение А. Бруштейн «Дорога уходит в даль...». Однако при внешнем сходстве ситуаций между значением этого выражения и примером из текста Тотального диктанта имеются различия, связанные с семантикой подлежащего: значение существительного *дорога* коррелирует с пространственным значением сочетания *в даль*, тогда как подлежащее *жизнь* естественно сочетается с наречием *вдаль* во временном значении.

В итоге сформулируем ответ на вопрос, заданный участником акции: изменились ли правила или изначально была сделана ошибка, которая теперь вынужденно воспроизводится при упоминании книги? Нет, правила не изменились, и название на обложке соответствует нормам правописания. При всем внешнем сходстве этих конструкций, они должны писаться по-разному в зависимости от значения подлежащего – пространственного или временного: *дорога уходит в даль* или *вдаль* (то есть в далекое пространство), а *жизнь – вдаль* (то есть в будущее).

Список литературы

Кайдалова А. И., Калинина И. К. Современная русская орфография. М.: Высш. шк. 1976.

Кайдалова А. И., Калинина И. К. Современная русская орфография: Учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика». 4-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк. 1983. 240 с.

ПАС – Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2011.

Ровинская М. М. Слова с пространственным значением: сложности идентификации // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 9: Филология. С. 57–61.

N. B. Koshkareva

Where Does the Road Go? And Where Does Life Go?

In our article, we analyze the issue of fused / separate spelling of *вдаль* / *в даль* ‘into the distance’ on the basis of the Total Dictation 2014 (written by A. Ivanov). We discuss the semantic and syntactic criteria for the distinction of spelling variants.

Keywords: orthography, fused / separate spelling, adverb, adverbial combination, combinations of spatial nouns with prepositions, syntactic and semantic factors.

Пунктуация

УДК 811.161.1 + 81'271

С. В. Друговейко-Должанская

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

О КОРРЕКТИРОВКЕ ПРАВИЛ ПУНКТУАЦИОННОГО ОФОРМЛЕНИЯ ВВОДНЫХ КОНСТРУКЦИЙ (тире перед вводными словами и словосочетаниями)

В статье производится анализ пунктуационных правил, связанных с выделением вводных слов и словосочетаний. Приведенный материал свидетельствует о том, что соответствующие правила требуют корректировки и уточнения.

Ключевые слова: пунктуация; вводные слова и словосочетания; тире; запятая; правило.

В текстах Тотального диктанта нередко встречаются конструкции, пунктуационное оформление которых, хотя и достаточно ясно, казалось бы, регламентированное действующими правилами, тем не менее регулярно вызывает трудности у пишущих. К таким конструкциям в полной мере можно отнести вводные слова и сочетания, стоящие в начале или конце обособленного оборота (или обособленного члена предложения, а также на границе однородных членов или частей сложного предложения).

Так, в третьей части диктанта 2016 года присутствовал следующий фрагмент: *Более того, они даже разрешали элинам считать победителей богами [– / , / (] правда [, / ø] временными [, / –] всего на один день [. /).]*

Согласно Комментариям и Инструкции для проверяющих¹, верными признавались следующие варианты расстановки знаков препинания в указанном предложении.

¹ Комментарии написаны М. М. Ровинской, к. ф. н. В. М. Пахомовым, к. ф. н. Е. В. Арутюновой; в обсуждении и редактировании текста участвовали члены Экспертного совета Тотального диктанта: д. ф. н., профессор Н. Б. Кошкарёва, д. ф. н., доцент И. Е. Ким, д. ф. н. Л. И. Горбунова, С. В. Друговейко-Должанская, к. ф. н. Н. В. Кузнецова, к. ф. н. Ю. А. Сафонова.

1. Более того, они даже разрешали эллинам считать победителей богами – правда, временными, всего на один день.

2. Более того, они даже разрешали эллинам считать победителей богами, правда временными, всего на один день.

3. Более того, они даже разрешали эллинам считать победителей богами, правда временными – всего на один день.

4. Более того, они даже разрешали эллинам считать победителей богами (правда, временными, всего на один день).

5. Более того, они даже разрешали эллинам считать победителей богами (правда, временными – всего на один день).

Варианты 4 и 5 предлагались на том основании, что заключаемую в скобки конструкцию можно оценить как вставную.

По поводу вариантов 1–3, которые и являются предметом рассмотрения в данной статье, в Инструкции было отдельно отмечено: «Если перед *правда* тире или скобка, то после *правда* запятая. Если перед *правда* запятая, то после *правда* знака нет». Наличие / отсутствие знака после *правда* аргументировано § 91 и § 93 ПАС (часть «Пунктуация», раздел «Знаки препинания при вводных словах, сочетаниях слов и предложениях») и сформулировано в Комментарий следующим образом: «Вводное сочетание *правда*, указывающее на степень достоверности сообщения, отделяется запятой. Но если перед словом *правда* стоит запятая, тогда после слова *правда* запятая не ставится на основании правила: если вводное слово или вводное сочетание слов стоит в начале или в конце обособленного члена предложения, то оно не отделяется от него знаком препинания, то есть запятые выделяют член предложения вместе с вводным словом» [ПАС 2006: 261–264]. Тогда как возможность постановки тире перед конструкцией *правда, временными, всего на один день* подкреплена § 51 ПАС (часть «Пунктуация», раздел «Знаки препинания при обособленных согласованных определениях»): «Определения, стоящие в конце предложения, как нераспространенные, так и с зависимыми словами, могут отделяться знаком **тире**. Такие определения имеют пояснительно-уточняющее значение» [ПАС 2006: 234].

Заметим, что правило, согласно которому вводное слово или вводное сочетание слов, стоящие в начале или в конце обособленного члена предложения, не отделяются знаком препинания от такого члена предложения, мало известно пишущим, поскольку не изучается в школе, и потому в практике печати соблюдается исключительно редко. См., например:

Такого рода изменения уже происходят – мы приезжаем на какой-нибудь фестиваль, например, в Турине и выясняем, что напечатанного каталога нет, он существует только в Интернете. Понятно, что это лишь первый шаг.

Но все равно Интернет не способен заменить живое человеческое общение, и пока люди не превратились в голограммы, как нам грозят, наверное, все-таки фестивали будут сохраняться в режиме офлайн ¹.

В приведенной цитате нами намеренно сохранено деление текста на строки. Очевидно, что такая геометрия текста вкупе с игнорированием пунктуационного правила затрудняет понимание написанного: если в строке *например, в Турине и выясняем, что* слово *например* справедливо воспринимается читающим как относящееся к форме *в Турине*, то в строке *голограммы, как нам грозят, наверное*, вводное *наверное* прочитывается как относящееся к глаголу *грозят*, что неверно.

Между тем действующие правила вполне определенно предписывают неотделение вводного слова от той обособленной части предложения, к которой такое слово относится:

§ 93. Если вводное слово или вводное сочетание слов стоит в начале или в конце обособленного члена предложения, то оно не отделяется от него знаком препинания, то есть запятые выделяют член предложения вместе с вводным словом:

1) *В одну ночь, должно быть из озорства*, списком был оклеен фасад городской думы (Фад.), ср.: *Около самой черной тучи летали перекати-поле, и как, должно быть*, им было страшно (Ч.); *К автобусу подошла девочка, по сути ребенок*, ср.: *После этого, по сути*, и спрашивать об ее [Аксиньи] отношениях к Григорию было незачем (Шол.); *Студент вернул в библиотеку книгу, вероятно даже не прочитав ее*, ср.: *Небо потемнело. Скоро, вероятно*, пойдет дождь; *Дана достаточно ясная характеристика, в частности декабриста Михаила Спиридова* (Чив.), ср. *На собрании вопрос, в частности*, касался ме-

¹ Феллини и Иоселиани нет места в современной культуре [Интервью с кинокритиком Андреем Плаховым] // Город (812), № 13–14 (368–369), 21 августа 2017. С. 39. При цитировании сохранена разбивка на строки. Выделения сделаны нами.

тодов обучения; *Что же касается русских серьезных статей, например по социологии, по искусству и проч., то я не читаю их просто из робости* (Ч.) (о словах типа *в частности, например* в начале уточняющего или присоединительного члена предложения см. также § 84).

2) *Это был огромный, в два обхвата дуб, с обломленными, давно видно, суками* (Л. Т.).

Если вводное слово или сочетание слов находится внутри обособленного члена предложения или внутри вставной конструкции (см. § 97), то оно выделяется по общему правилу: *У паперти собора толклись по камням серые, обтрепанные люди, чего-то, видимо, ожидая, и гудели, как осы разоренного гнезда* (М. Г.) – вводное слово внутри обособленного деепричастного оборота, ср.: *Толклись люди, видимо чего-то ожидая; В иных озерах (например, в Черненьком) вода напоминает блестящую тушь* (Пауст.), ср.: *В иных озерах, например в Черненьком, вода напоминает блестящую тушь*.

§ 94. Вводные слова и сочетания слов, стоящие на границе однородных членов или частей сложного предложения и относящиеся к следующему за ними слову или предложению, не отделяются от него запятой (вторая запятая опускается с целью указания на отнесенность вводного слова к последующей части предложения): *Лось шел скачками в сторону озер, должно быть спешил на водопой* (Пауст.); *Послышался резкий стук, должно быть сорвалась ставня* (Ч.) [ПАС 2006: 263–264].

§ 25.4. Если вводное слово (сочетание) стоит в начале или в конце обособленного оборота (обособления, уточнения, пояснения, присоединения), то никаким знаком от оборота оно не отделяется; если же вводное слово находится в середине подобного оборота, то оно выделяется **запятыми** на общем основании, например:

а) *А Пётр Петрович, по крайней мере по многим признакам, человек весьма почтенный* (Дост.); *Все те, небольшие конечно, удовольствия, которые доставляла ей мать, она принимала с благодарностью* (Леск.); *Это был огромный ... дуб, с обломанными, давно видно, суками* (Л.Т.); *Среди товарищей есть эдакие поэты, лирики что ли, проповедники любви к людям* (М.Г.) [ср. не в составе оборота: *Лошадей, что ли, у вас нет?* (Остр.)]; *Спокойно потягивает трубочку смуглый, коренастый капитан, по-видимому итальянец или грек* (Кат.); *В строгом смысле человек с десять, разумеется в том числе и я, не стоили этого назначения* (Акс.); *Он погрузился в размышления, видимо производя в уме какие-то расчёты; Её волосы, оказывается светло-русые от природы, были гладко причёсаны; Вечер сегодня будет по-осеннему серый, наверно ненастный; Было установлено точ-*

ное, так сказать математическое, соответствие между выдвинутыми положениями; Запасы были сложены в домике, очевидно подвергавшемся нашествию крыс; Он вспоминал эти слова, возможно слышанные в детстве; Брат вернётся сегодня, по всей вероятности вечером; Мимо пробежал кто-то, по счастью нас не заметивший; Каждый год, значит и в этом году, здесь производится мелкий ремонт; Девочка, по-видимому успокоенная, замолчала; Рабочие углубляют русло, вероятно прочищают; Они молча смотрели друг на друга, быть может и без слов понимая, в чём дело; Создание этой машины – дело ненужное, очевидно бесполезное и крайне невыгодное; Его литературные произведения, надо сказать довольно удачные, принесли ему известность; Он встал, кажется даже не заметив меня, и вышел из комнаты; Покупатель медлит, вероятно обдумывая, что лучше выбрать для подарка; Это исключительно благоприятный случай, по сути дела единственный; Лектор, надо полагать для убедительности, развернул диаграмму и показал её слушателям; Это был разговор, бесспорно выходящий за рамки обыкновенной беседы; Он, казалось бы уже человек не молодой, легко справлялся с этой физической работой; Этот элемент входит в состав всех живых организмов, правда в ничтожных количествах; На мальчике был костюм, должно быть унаследованный от отца; От соседней комнаты, по всей видимости столовой, гостиную отделяла арка; Под плитой оказалось отверстие, пожалуй уже кем-то ранее прокопанное; Для определения расстояния можно смотреть даже на небольшой предмет, например бугорок или кочку; Для анализа были предложены тексты, как правило нетрудные; Он действовал безрассудно, как видно наперекор всем; В парикмахерскую ворвался какой-то длинноволосый парень, судя по буйной шевелюре давно уже не посещавший таких заведений; Он весьма бережливый человек, можно даже сказать – скуповатый (постановка тире факультативна); За оградой мелькнули гипсовые статуи, голубые павильоны, – по всей вероятности городской сад (тире перед присоединительной конструкцией). Вводные слова не отделяются знаками препинания от обособленного оборота, даже если находятся в самом начале или самом конце предложения: По-видимому опасаясь снежных заносов, руководитель группы отменил восхождение на вершину горы; Оставьте вы эти новые доводы, неубедительные и надуманные конечно;

б) Ребёнок, испугавшийся, по-видимому, лошади, подбежал к матери; Они продолжали разговаривать, забыв, очевидно, о том, что в читальном зале необходимо соблюдать полную тишину [Розенталь: 99–101].

При всей подробности этого описания суть правила, на наш взгляд, остается неясной для его читателя: на то, что выделение двумя запятыми вводной конструкции в предложении типа **Покупатель медлит, вероятно, обдумывая, что лучше выбрать для подарка* не позволяет понять, относится ли слово *вероятно* к сказуемому *медлит* или к деепричастию *обдумывая*, намекает разве что скупое замечание «вторая запятая опускается с целью указания на отнесенность вводного слова к последующей части предложения» в середине § 94 ПАС.

Вообще говоря, наилучшим разрешением подобной пунктуационной двусмысленности могла бы стать постановка **двоеточия** – сочетания двух запятых, каждая из которых ставится на собственных основаниях: **Покупатель медлит,, вероятно, обдумывая, что лучше выбрать для подарка* (первая запятая перед *вероятно* знаменовала бы отделение деепричастного оборота, вторая же – выделение внутри него вводного слова)¹, ибо отсутствие у парного выделяющего знака «двойная запятая» его законной второй части способно порождать случайную амфиболию, то есть двусмысленность фразы или словосочетания, ничуть не реже, нежели отделение вводного слова от той обособленной конструкции, к которой оно логически относится.

Причиной подобной двусмысленности становится омонимия многих вводных конструкций и других частей речи, на возможность которой указывает и § 96 ПАС:

«Многие из вводных слов и сочетаний слов могут быть омонимичны членам предложения или союзам. Такие различия (они отражаются на пунктуации) проявляются в контексте.

Разную роль могут выполнять слова и сочетания слов *бывало, верно, главным образом, однако, кстати, наконец, наоборот, в конце концов, таким образом, действительно, может быть, по крайней мере, по сути, по меньшей мере, с точки зрения, с одной стороны, с другой стороны, значит, конечно, в самом деле* и др. Ср.: **Может быть, и Полина тоже смотрела на этот же самый столбик из кабины** (Зал.). – *Она шла очень тихо, в ней было столько спокойствия, сколько его может быть в истинной и живой красоте* (Зал.); *Придет, бывало, и*

¹ Ср. предложение М. Н. Эпштейна о введении нового пунктуационного знака **многоточие**: «Три запятые – **многоточие** – указывают на множественность перечисляемых явлений (признаков, действий), которая подразумевается, но не может быть исчерпана никаким списком. „,, (многоточие) – знак препинания в виде трех запятых, который служит для обозначения предметов, пропущенных при перечислении, указывает на незавершенность или незавершимость перечислительного ряда: *Я мучусь, уговариваю, доказываю,, а ты ни слова в ответ!* [Эпштейн].

начнет рассказывать. – С антенной **бывало** у него много хлопот (Сол.); Дай мне удостовериться, **по крайней мере**, что теперь хорошо тебе (Леон.); В Москве последний счастливый день Мити был девятого марта. Так, **по крайней мере**, казалось ему (Бун.). – Изредка до земли прорезались бледные зигзаги молнии. Ясно было, что на нынешний день разойдется у нас **по крайней мере** (Л. Т.); Иван Матвеевич не слишком торопился и, **таким образом**, допустил ошибку (Леон.). – **Таким образом** и надо было поступить; **Должно быть**, к матери в гости направились (Шол.). – Расписание **должно быть** стабильным, ср.: вводное сочетание должно быть в начале обособленного оборота: Кто-то сильно постучал, **должно быть кулаком в стену** (Пауст.); Одни звезды, **может быть**, знают, как свято человеческое горе! (Бун.). – Что **может быть** важнее средства против рака? (Гран.); **Кстати**, Вихров довольно рассеянно принял приятную новость (Леон.). – Ваш приезд был **кстати**; Собираешься, **значит**, уезжать? – На небе собираются тучи, **значит** будет дождь (**значит** – союз); Понять человека – **значит** простить (**значит** – связка в сказуемом); Он, **в конце концов**, начальник – решать ему. – Детская неустойчивость и погоня за внешним блеском **в конце концов** погубили его (Пауст.); В поход, **главным образом**, надо брать только необходимые вещи. – Он читает **главным образом** толстые журналы; **Конечно**, он хотел вознаградить за годы труда прежде всего себя (Бун.). – Вы **конечно же** прочитаете эту книгу («обязательно», значение усиления); Что ты, **в самом деле**, еще выдумал! – Ты считаешь, что он **в самом деле** умный человек? и т. д.

Слово **однако** является вводным, если стоит внутри или в конце предложения: Танин, **однако**, никогда не был слишком щедр на похвалу (Тендр.). В значении противительного союза **однако** может соединять однородные члены предложения или части сложного предложения: Отец обещал приехать из города рано, **однако** задержался; Туман заметно густел, **однако** крыши домов были еще видны; Так же легко, беззаботно и возвратился он в гостиницу. **Однако** что-то уже изменилось (Бун.). <...>

Слово **наконец** является вводным, если подытоживает какое-либо перечисление – явное (**во-первых**, **во-вторых** и **наконец**) или скрытое (как итог некоторых событий): Ребенок к вечеру совсем устал: **во-первых**, уроки в школе; **во-вторых**, кружок самодеятельности и, **наконец**, вечернее чтение; Вот пальцы уже определили предмет <...>. Вот в руке, **наконец**, сверкает листок, и хочется стремительно бежать к людям скорей, как можно скорей объявлять им существование чудес на земле (Пришв.).

В качестве вводного слова *наконец* может подчеркивать резкую форму волеизъявления: *Уйдешь ты, наконец!*

Наконец в качестве наречия в роли обстоятельственного члена предложения имеет значение «под конец», «напоследок» (спустя некоторое время, в результате потраченных усилий): *Мы его долго ждали, и он наконец пришел; Наконец она [кошка] выпила всё, облизнулась, широко раскрыла пасть с острыми белыми зубами и принялась умываться* (Сол.); *Наконец услышал прокуратор и долгожданные шаги и шлепанье по лестнице, ведущей к верхней площадке сада перед самым балконом* (Булг.). Такое значение иногда бывает трудно отличить от значения итогового завершения чего-либо (*во-первых, во-вторых, наконец*). Показателем обстоятельственного значения может служить частица *-то*: *Наконец-то услышал прокуратор...* Ср. невозможность подстановки *-то* при перечислении.

Двоякую функцию выполняет слово *так*: оно употребляется и как обстоятельство образа действия, и как вводное слово в значении «например». Ср.: *Так он работал – придумывал на ходу фразы, потом записывал их, потом опять придумывал* (Пауст.). – *Члены предложения бывают разные. Так, это могут быть обстоятельства, дополнения, определения.*

Разные функции может выполнять слово *вообще*. Ср.: *Я говорю о людях вообще* (*вообще* – наречие); *Его ждали, а он вообще не приехал* (*вообще* – частица); *Он, вообще, чужак, но с ним интересно* (*вообще* – вводное слово). Слово *вообще-то* является вводным: *Он, вообще-то, неправ, но говорит уверенно* [ПАС 2006: 265–268].

Может быть, бывало, по крайней мере, таким образом, должно быть, кстати, значит, главным образом, в самом деле, однако, наконец, так, вообще... В конце любого списка вводных слов, омонимичных другим частям речи или членам предложения, стоило бы поставить не многоточие даже, а эпштейновское многопатие, указывающее «на ряд явлений, пропущенных в обзоре ради честного свидетельства о его неполноте»¹.

Рассмотрим с этой точки зрения некоторые из примеров, приведенных в цитируемом выше параграфе «Справочника по пунктуации» Д. Э. Розенталя, где не рекомендуется отделять слова *видимо* и *очевидно* от обособленных обстоятельственного и определительного оборота в предложениях *Он погрузился в размышления, видимо производя в*

¹ См., например, такого рода список, составленный на основе запросов в Справочную службу интернет-портала «Культура письменной речи» (www.gramma.ru), в статье «Это(,) наверное(,) вводные слова» [Геккина, Белокурова, Друговойко-Должанская: 4–8].

уме какие-то расчёты и *Создание этой машины* – дело ненужное, очевидно бесполезное и крайне невыгодное. Нетрудно заметить, что при такой (соответствующей правилу) пунктуации *видимо* может быть понято не как вводное слово в значении ‘вероятно, по-видимому’, но и как наречие в значении ‘заметно, явно’ [МАС I 1985: 174], а *очевидно* не только в значении вводного ‘вероятно, по-видимому, должно быть’, но и как наречие к *очевидный*, то есть ‘явно, несомненно, бесспорно’ [МАС II 1985: 731–732]. Диапазон интерпретаций высказывания оказывается неоправданно широким – от *вероятно* до *явно*. См. также примеры из числа запросов в «Справочную службу» интернет-портала «Культура письменной речи»: *группа людей, естественно претендующих на роль элиты; позиция «Яблока», по сути дублирующая правительственную точку зрения; N, наверное зная о предстоящем судебном разбирательстве* и т. п.

Иначе говоря, в ряде случаев следование правилу, предписывающему неотделение вводной конструкции от того обособленного оборота, к которому она относится, и призванному решить проблемы с однозначным пониманием написанного, на самом-то деле порождает новые проблемы того же рода.

Вместе с тем действующие правила, как представляется, дают возможность для иного, более удачного пунктуационного оформления подобных конструкций.

Так, в ПАС отмечено: «...Часть правил подчеркивает смысловые взаимоотношения частей предложения-высказывания, то есть учитывает контекстуальные условия, иногда выходящие за рамки отдельного предложения. И поскольку смысловые оттенки речи могут быть разнообразными, то и знаки, ориентированные на их передачу, допускают вариантность в соответствии с возможностью разного осмысления тех или иных конструкций. <...> В конкретных речевых ситуациях пунктуация помогает выявить структуру, смысл и интонацию письменной речи. <...> Учитывая современное состояние русской пунктуации (как собственно правил, так и практики их применения), можно наметить разные уровни ее осмысления: 1) пунктуация нормативная, подчиненная действующим правилам; 2) пунктуация “творческая”, связанная с поиском оптимального варианта для выражения смысла; задействованные в данном случае правила не столь жестки и формальны, они допускают возможность выбора знаков и их сочетания с учетом условий контекста...» [ПАС 2006: 198–199].

«Поиски оптимального варианта выражения смысла» применительно к рассматриваемым конструкциям приводят к возможности расширения функций знака тире, которая потенциально заложена в

семантике этого знака. Так, действующими правилами предусмотрена постановка тире, во-первых, в функции выделения «перед членами предложения для их подчеркивания, акцентирования (в стилистических целях)» [ПАС 2006: 212]; во-вторых, перед вводным словом, которое предшествует обобщающему слову [ПАС 2006: 221]. Заметим, что второй случай описывается преимущественно в тех разделах справочников по правописанию, которые устанавливают нормы постановки знаков препинания при однородных членах с обобщающими словами:

Если перед обобщающим словом, отделенным от однородных членов посредством тире, имеется вводное слово, то запятая перед вводным словом опускается: *В вестибюле, в коридоре, в кабинетах – **словом**, всюду толпились люди* (Поп.) [ПАС 2006: 221].

Если после однородных членов предложения перед обобщающим словом стоит вводное слово или словосочетание (*словом, одним словом, короче говоря* и т. п.), то перед последним ставится тире, а после него запятая, например: *Пшеница, просо, овес, подсолнух, кукуруза, бахчи, картофель – **словом**, на что только ни взгляни, всё уже созрело* (Бабаевский) [Розенталь 1994: 40–41].

При этом в «Справочнике по пунктуации» Д. Э. Розенталя содержатся и другие объяснения постановки тире перед вводной конструкцией, в том числе и в разделе, посвященном пунктуации при вводных словах: «Если вводное слово стоит после перечисления однородных членов предложения и предшествует обобщающему слову, то перед вводным словом ставится тире (без запятой), а после него – запятая: *Но здравый смысл, твёрдость и свобода, горячее участие в чужих бедах и радостях – **словом**, все её достоинства точно родились в ней* (Т.); *Среди птиц, насекомых, в сухой траве – **словом**, всюду, даже в воздухе, чувствовалось приближение осени* (Арс.); *Книги, брошюры, журналы, газеты – **словом**, все виды печатной продукции валялись на его письменном столе в полном беспорядке* [Розенталь 1994: 99].

Тире при вводных словах употребляется в следующих случаях:

1) если вводное словосочетание образует неполную конструкцию (пропущено какое-либо слово, восстанавливаемое из контекста), то вместо одной запятой обычно ставится тире: *Макаренко неоднократно подчёркивал, что педагогика основана, с одной стороны, на безграничном доверии к человеку, **а с другой** – на высоких к нему требованиях; Чичиков велел остановиться по двум причинам: с одной стороны, чтобы дать отдохнуть лошадям, **с другой** – чтобы и самому отдохнуть и подкрепиться* (запятая перед придаточным предложением поглощается тире; *С одной стороны, важно было принять срочное ре-*

шение, но требовалась осторожность – **с другой**. Тире в этом случае не ставится, если по условиям контекста в месте пропуска слова необходима постановка запятой, например: *С одной стороны, дисциплина в школе явно улучшилась, а с другой, по-видимому, предстоит ещё немалая работа по её укреплению*;

2) перед вводным словом в качестве дополнительного знака после запятой, если вводное слово стоит между частями сложного предложения и по смыслу может быть отнесено или к предшествующей, или к последующей части, например: *Собака исчезла, – **наверно**, её пырнули ножом*. Ср.: *Жена Залесского улыбается длинными бледными губами, куда-то засмотрелась старуха, прищурясь, – **верно**, в свои, ей одной видимые цветущие сады* (В. Панова); *Но Супругов был занят пипирасой, которая почему-то потухла, – **должно быть**, гильза была рваная* (она же); *Кучерявый... смотрел ему на лоб с выражением отвлечённого интереса, словно решал в уме задачу, – **казалось**, сейчас вынет из-за уха карандаш, из кармана блокнот и запишет решение* (она же).

Иногда дополнительный знак подчеркивает причинно-следственные или присоединительные отношения между частями предложения, например: *Проверить его слова было трудно, – **очевидно**, обстоятельства сильно изменились*; *Появились какие-то новые мысли, – **может быть**, они никогда уже не повторятся*; *Бабушка уже топчется около стола, – **должно быть**, хочет зажечь огонь* (Гладков).

Иногда перед вводным словом, находящимся в начале обособленного оборота, ставится запятая и тире, а после него – запятая, чтобы избежать возможной неясности, например: *Поскольку есть ещё время, вызовем на экзамен дополнительно кого-нибудь, – **допустим**, сдающих повторно* (*допустим* в значении «предположим», «скажем»). При пунктуации согласно § 25, п. 4 (вводное слово, стоящее в начале обособленного оборота, запятой от него не отделяется, а выделяется вместе с ним) получилось бы: *...вызовем на экзамен дополнительно кого-нибудь, допустим сдающих повторно* (слово *допустим* могло бы быть воспринято не как вводное, а как однородное сказуемое в значении ‘допустим к экзамену’);

3) перед вводным словом после запятой, если следующая за вводным словом часть предложения подытоживает сказанное в первой части, например: *Чичиков с чрезвычайной точностью расспросил, кто в городе губернатор, кто председатель палаты, кто прокурор, – **словом**, не пропустил ни одного значительного человека* (Гоголь.) (см. § 25, п. 2).

Еще раз подчеркнем: вышеперечисленные правила постановки знаков препинания при вводных словах и словосочетаниях, стоящих в начале или в конце обособленного члена предложения, столь витиеваты, что даже сотрудники профессиональных справочных служб Рунета не всегда способны дать верные рекомендации по пунктуационному оформлению подобных конструкций. Так, в «Лингвистическую клинику» на сайте Санкт-Петербургского университета однажды поступил такой вопрос:

Прошу Вас помочь в дискуссии с коллегами о возможности обособления оборота с *например* при помощи тире (а не запятой, как обычно) в следующей фразе: *Для ответа нужны данные, например идентификатор, теги и прочее*. Коллеги утверждают, что возможен иной вариант пунктуации, с тире вместо запятой, с тем же смыслом: *Для ответа нужны данные – например, идентификатор, теги и прочее*. Не могли бы вы объяснить, какой новый смысл вносит использование тире вместо запятой и насколько оно уместно.

Мною был дан следующий ответ:

Использование тире вместо запятой перед вводным словом *например* (с сохранением в этом случае запятой после *например*) вполне возможно. Более того, в некоторых случаях подобное пунктуационное оформление становится единственно возможным способом показать, что в предложении присутствует именно вводное слово, а не омонимичное ему наречие. Ср.: *Я добрался до ручья, на траве возле него лежал ковш из бересты, видимо оставленный проходившим путником на общую пользу* (пунктуация в соответствии с общим правилом) – *Я добрался до ручья, на траве возле него лежал ковш из бересты – видимо, оставленный проходившим путником на общую пользу*. Тире в таких случаях служит всего лишь знаком структурного членения предложения – более сильным, нежели запятая.

И вот благодарность пользователя:

Хорошо, что я дождался Вашего ответа до продолжения моего спора с коллегами, потому что планировал заявить им, в соответствии с ответом портала GRAMMA.RU, что «В подобных конструкциях перед *например* тире не ставится, ибо такой знак в данном случае не имеет синтаксического обоснования». Вот бы оскандалился!

Пикантность описанной ситуации состоит в том, что как научный руководитель интернет-портала «Граммa.ру» я несу ответственность за рекомендации своих коллег...

Таким образом, совершенно ясно, что правило постановки знаков препинания в подобных синтаксических конструкциях следует сформулировать более определенно. Например: **если вводное слово или вводное сочетание слов стоит в начале или в конце обособленного члена предложения, то оно не отделяется от него знаком препинания, то есть запятые выделяют член предложения вместе с вводным словом:**

В одну ночь, должно быть из озорства, списком был оклеен фасад городской думы (Фад.), ср.: Около самой черной тучи летали перека-ти-поле, и как, должно быть, им было страшно (Ч.); Студент вернул в библиотеку книгу, вероятно даже не прочитав ее, ср.: Небо потемнело. Скоро, вероятно, пойдет дождь (Чив.), ср. На собрании вопрос, в частности, касался методов обучения; Что же касается русских серьезных статей, например по социологии, по искусству и проч., то я не читаю их просто из робости (Ч.).

Однако если вводное слово или сочетание слов стоит в начале обособленного оборота, который расположен в конце предложения, и относится к этому обособленному обороту, то перед вводной конструкцией ставится тире (вместо запятой), а после нее – запятая. Например: *Я добрался до ручья, на траве возле него лежал ковш из бересты – видимо, оставленный проходившим путником на общую пользу; В вестибюле, в коридоре, в кабинетах – словом, всюду толпились люди; К автобусу подошла девочка – по сути, ребенок; Для ответа нужны данные – например, идентификатор, теги и прочее; Дана достаточно ясная характеристика – в частности, декабриста Михаила Спиридова.* Во-первых, такие обособленные обороты имеют пояснительно-уточняющее значение, а во-вторых, постановка тире позволяет избежать возможной неясности в трактовке написанного: слово *видимо* должно однозначно прочитываться как вводное слово в значении ‘вероятно, по-видимому’, но не как наречие в значении ‘заметно, явно’.

Список литературы

Геккина Е. Н., Белокурова С. П., Друговейко-Должанская С. В. Это (.) наверное (.) вводные слова / Интернет-портал «Культура письменной речи» («Грамма.ру») [URL: <http://grammar.ru/RUS/?id=13.44>. Дата обращения: 21.09.2017].

ПАС – Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006. 480 с.

Розенталь Д. Э. Справочник по пунктуации. Для работников печати. М.: Книга, 1984. 272 с.

МАС – Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

Энштейн М. Н. Знак препинания „,“, – многопятие // Дар слова. Проектный лексикон русского языка. 161 (221). 5 ноября 2006 [URL: <http://ru-words.livejournal.com/36082.html>. Дата обращения: 21.09.2017].

S. V. Drugoveyko-Dolzhanskaya

**On the Adjustment of Rules Regarding Punctuation
in Parenthetical Constructions
(the Dash in Front of Parenthetical Words and Word Groups)**

The article analyzes the punctuation rules related to parenthetical words and word-groups enclosing. The research material shows that the relevant rules require some adjustment and rectification.

Keywords: punctuation; parenthetical words and word-groups; dash; comma; rule.

С. Н. Глазкова

Челябинский государственный университет, г. Миасс

О ДВОЕТОЧИИ, ИЛИ ГДЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ПРИЧИНА И НАЧИНАЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ

Анализируются знаки препинания в бессоюзных сложных предложениях с причинно-следственными смысловыми отношениями. Ставится под сомнение правильность допуска пунктуационных вариантов в бессоюзном сложном предложении с прямыми дифференцированными смысловыми отношениями причины. На материале текстов Тотального диктанта делается попытка доказать необходимость сохранения двоеточия в таких конструкциях и недопустимость замены на другие знаки с целью защиты смысловой точности высказывания.

Ключевые слова: причина, следствие, бессоюзное сложное предложение, вариативные знаки препинания, двоеточие, тире.

*Правда, вся эта путаница со знаками никак
не влияет на смысл сообщения.
Зачем же тогда писать грамотно?*

Д. Быков

«Причина и следствие – философские категории, выражающие одну из форм всеобщей связи явлений. Причина (лат. *causa*) обычно мыслится как явление, действие которого производит, определяет или вызывает другое явление; последнее называют следствием» [Гутнер 2001]. Причина и следствие в философии рассматриваются как «парные категории диалектики, совместно выражающие один из моментов всеобщего взаимодействия, генетическую связь явлений» [Кемеров 1998]. Каузальные высказывания являются предметом изучения логики причинности – «раздела современной логики, занимающейся исследованием структуры и логических отношений высказываний о причинных связях объектов и явлений». В этой логике связь причины и следствия «представляется особым условным высказыванием – каузальной импликацией» [Ивин 2016].

Причина и следствие тесно взаимосвязаны не только в логике, но и в грамматике. Среди сложноподчиненных предложений (далее СПП)

выделяются два обстоятельственных типа взаимообусловленных придаточных: придаточные причины и следствия. Части такого СПП коррелируют. Так, в парных предложениях *Сильно похолодало, так что все надели шубы* и *Все надели шубы, так как сильно похолодало* отчетливо видно, как причина и следствие меняют позиции, но не изменяют тесной семантической причинно-следственной связи. Каузальная импликация может быть выражена условным высказыванием *Если похолодает, все наденут шубы* (скорее всего, при соблюдении определенных условий). В СПП смысловые причинно-следственные отношения эксплицитны и не могут породить путаницы. Однако при отсутствии союза выбрать правильный вариант бывает непросто. Например, в ответ на задание составить два СПП с разными придаточными (причины и следствия) из предикативных единиц *Мне грустно, Тебе весело* студентами были предложены неверные варианты: *Тебе весело, потому что мне грустно; Мне грустно, так что тебе весело*.

Причинно-следственная путаница живет и здравствует уже не одно тысячелетие. Эта логическая неразбериха имеет прямое отношение к грамматике и, как следствие, к пунктуации. Предмет нашего исследования – бессоюзные сложные предложения. Одним из трудных вопросов пунктуации является выбор знака в бессоюзном сложном предложении (далее БСП) в зависимости от смысловых отношений между его частями. Особенно частотна неверная расстановка знаков препинания в БСП, которые эксплицируют причинно-следственные отношения. Ошибка, при которой путают тире и двоеточие, вполне типична. Трудности дифференциации тире и двоеточия в БСП имеют объективные причины. БСП, являясь фактом речевым, а не языковым [Ширяев 1984: 55], не имеет семантических маркеров в отличие, например, от СПП. Семантика отношения между предикативными единицами в БСП имплицитна, в этом и состоит сложность постановки знаков препинания в таком предложении. Очевидные для грамотного носителя языка (неслучайно исследователи опираются на фонд общих знаний о мире, на апперцепционную базу адресанта) смысловые отношения между предикативными единицами БСП (причина, следствие, условие и пр.) оказываются вовсе не очевидными при осуществлении письменной речи. Таким образом, знаки препинания смешиваются либо заменяются другими знаками. Знание и умение применять именно это правило проверяют, включая в тексты диктантов БСП названного типа. Так, в каждом из предлагаемых для Тотального диктанта текстов непременно есть такие примеры. Назовем некоторые.

(1) Если ребенком вы жили в городе на большой реке, вам повезло: суть жизни вы понимаете лучше, чем те, кто был лишен этого счастья (Л. Юзефович. ТД 2017 г.).

(2) Мальчиком я видел на песке маленького осетра с испятанной мазутом зубчатой спиной: вся Кама была тогда в мазуте от буксиров (Л. Юзефович. ТД 2017 г.).

(3) В те годы сам порядок жизни был словно специально приспособлен для дружбы: все родители вместе работали, а все дети вместе учились (А. Иванов ТД 2014 г.).

(4) В те незапамятные времена, когда в междуречье Тигра и Евфрата пришли шумеры, они говорили на никому не понятном языке: ведь шумеры были первооткрывателями новых земель и язык у них был как у настоящих разведчиков – тайный, зашифрованный (А. Усачев. ТД 2016 г.).

(5) Больше всех писали врачи: они выписывали рецепты (А. Усачев. ТД 2016 г.).

(6) Чемпионы-олимпийцы удаивались оливковых и лавровых венков: медалей тогда еще не придумали, а лавр в Древней Греции ценился на вес золота, так что лавровый венок тогда был всё равно что золотая медаль сегодня (А. Усачев. ТД 2016 г.).

(7) Было ясно, что войска нуждались в перемирии и что единственной возможностью его объявить могли стать Олимпийские игры: ведь непременное условие Олимпиады – прекращение войны (А. Усачев. ТД 2016 г.).

(8) Это был звуковой предел общения: география языка – это племя. С изобретением Всемирной сети возник новый этап существования человека в пространстве: география Интернета – земной шар! (Д. Рубина. ТД 2013 г.).

(9) Да и книга всегда была весьма сильным орудием: на бумаге можно печатать поэзию Шекспира и прозу Чехова, а можно пособия по терроризму и призывы к погромам – бумага стерпит все, как и Интернет (Д. Рубина. ТД 2013 г.).

(10) Не надо тянуть дерево за ветки вверх: оно от этого быстрее не вырастет (Б. Стругацкий. ТД 2004 г.).

(11) Впрочем, в разговорах о кризисе ничего плохого нет: пользы от них маловато, но и вреда ведь тоже не наблюдается (Б. Стругацкий. ТД 2004 г.).

(12) Окруженный музыкантами, дирижер был в то же время одинок: есть в этой профессии непостижимый трагизм (Е. Водолазкин. ТД 2015 г.).

Анализ приведенных выше примеров показывает, что все предложения содержат бессоюзную связь и объективируют причинные отношения. Совершенно справедливо авторы текстов поставили в этих конструкциях двоеточие. Например, в предложении [*С изобретением Всемирной сети возник новый этап существования человека в пространстве*] : [*география Интернета – земной шар!*] простой прием подстановки причинного союза (*потому что, оттого что, из-за того что, ибо, так как* и др.) эксплицирует причинные отношения между предикативными единицами. [*С изобретением Всемирной сети возник новый этап существования человека в пространстве*], (*потому что география Интернета – земной шар!*).

Однако материалы к диктантам, сопровождающие комментарии к текстам, практически во всех этих случаях допускают постановку тире и (многие) точку с запятой (запятую). Такая тенденция кажется нам непродуктивной: она ведет к обеднению понимания и выхолащиванию смысла высказывания. Подмена знаков препинания в данном случае чревата искажениями в толковании предложения. Снижается планка осмысления высказывания, а пунктуация, которая должна служить дифференциации смыслов, становится слагбаумом перед ними. Как кажется, такое упрощение пунктуации нерационально: ведь сложившаяся система знаков не случайна и ее разрушение опасно нарушением адекватности осмысления. Бессоюзие – это мостик между имплицитным и эксплицитным: пониманием и знаком. Ссылки на возможное двоякое понимание подобных конструкций вряд ли можно принять. Уже в работах Е.Н. Ширяева подобные предложения рассматриваются как конструкции с дифференцированными смысловыми отношениями [Ширяев 1984: 56–57]. Упрощение русской пунктуации вряд ли приемлемо.

Противопоставление знака в парных БСП (причина – следствие) поддерживается всеми учебниками школьной программы. Допущения же и варианты постановки значков препинания связаны с замечаниями, сделанными Д. Э. Розенталем в пособиях по пунктуации за последние 20 лет. Однако, во-первых, широкая аудитория пишущих Тотальный диктант должна быть сориентирована на школьный уровень знаний, во-вторых, именно случай причинно-следственных смысловых отношений требует, с нашей точки зрения, строгой дифференциации знаков.

О знаках препинания в БСП писали неоднократно. Одно из таких исследований – статья А. Ю. Чернышевой [Чернышева 2012]. Автор, ссылаясь на многочисленные пособия Д. Э. Розенталя, пишет о вариативности знаков в БСП: «Прослеживается закономерность появления

пунктуационных вариантов, обусловленная недифференцированной семантикой предложений, допускающей выбор адресантом того знака препинания, который пунктуационная норма закрепляет за доминирующей синтаксической связью, и характером выражаемых в предложениях смысловых отношений». Особо отмечаются правила постановки знаков препинания в интересующих нас БСП: «Для бессоюзных сложных предложений с отношениями причины нормативным считается двоеточие». По мнению автора, если на причинные отношения накладываются дополнительные значения, предложения осложнено перечислительными или соединительно-распространительными смысловыми отношениями, имеют во второй части анафорические скрепы либо содержит неожиданное присоединение, указывает на быструю смену событий или содержит следствие, результат, вывод, то возможна вариативность в постановке знаков препинания: «двоеточие – запятая», «двоеточие – тире» [Чернышева 2012]. В качестве возражения сошлемся на программную статью Е. Н. Ширяева, в которой он пишет о двух типах смысловых отношений между частями БСП: дифференцированными и недифференцированными [Ширяев 1984: 55–57]. Если провести линию от этого теоретического положения к пунктуации, то можно утверждать: при реализации в БСП прямых дифференцированных смысловых отношений причины двоеточие нежелательно заменять другим знаком.

Предвидим возражения. Не всегда легко объективировать смысл с помощью союза, как учат школьные учебники. Действительно, практика показывает, что затруднения у пишущих бывают весьма часто. Думается, здесь может помочь выразительное чтение. Известно, что интонация в бессоюзных предложениях, в которых ставится двоеточие, отличается от интонации в конструкциях со знаком тире. Интонационно-мелодическую модель БСП с предупредительно-пояснительной интонацией можно представить в виде схемы следующим образом: [↘] : [↘]. Схему с интонацией повышения голоса при произнесении первой части и паузы между частями можно представить так: [↗] – [↘].

Конечно, интонация, которая служит маркером смысловых отношений в БСП, тоже не всегда опознается на практике носителями языка, тем не менее служит хорошим подспорьем пишущему.

Подытожим сказанное. Противостояние БСП с двоеточием и тире – это логическая, семантическая, грамматическая и, как следствие, пунктуационная оппозиция. БСП с причинными и следственными смысловыми отношениями являются антагонистами и находятся в смысловой и пунктуационной конфронтации. В заключение напомним еще одну

ироничную цитату из текста Тотального диктанта Д. Быкова: *Школьники до сих пор широко пользуются неписанным правилом: «Не знаешь, что ставить, – ставь тире»*. У нас сегодня почти нет шансов быстро понять, кто перед нами: способы маскировки хитры и многочисленны. Дифференцировать разные конструкции с различными смысловыми отношениями, представленными в БСП, трудно, но можно и нужно. И не стоит, наверное, идти на поводу у безграмотности, смысловой беспомощности и пунктуационного невежества, меняя произвольно двоеточие на тире в БСП с причинными отношениями между предикативными единицами.

Список литературы

- Гутнер Г. Б. Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2001 [URL: http://platona.net/load/knigi_po_filosofii/slovari_ehnciklopedii/novaja_filosofs_kaja_ehnciklopedija_v_4_tomakh. Дата обращения: 12.04.2017].
- Ивин А. А. Логика причинности. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2010–2016 [URL: <http://gtmarket.ru/concepts/6965>. Дата обращения: 13.04.2017].
- Современный философский словарь // Под общей ред. В. Е. Кемерова. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: «ПАНПРИНТ», 1998. 1064 с. [URL: http://platona.net/load/knigi_po_filosofii/slovari_ehnciklopedii/kemerov_v_e_sovremennyj_filosofskij_slovar/23-1-0-2751. Дата обращения: 10.04.2017].
- Чернышева А. Ю. Пунктуационные варианты в бессоюзном сложном предложении // Ученые записки Казанского университета. Т. 154, Кн. 5. Серия: Гуманитарные науки, 2012 [URL: http://repository.kpfu.ru/?p_id=57131].
- Ширяев Е. Н. Основы системного описания бессоюзных сложных предложений // Вопросы языкознания. 1984. № 1. С. 54–58.

S. N. Glazkova

**Reflections on the Fate of the Colon,
Or Where Cause Ends and Consequence Begins**

The article analyzes punctuation in asyndetic complex sentences with causal semantic relations. We question the correctness of punctuation variation in the asyndetic complex sentence with direct differentiated causal semantic relations. We also attempt to prove the necessity of preserving the colon in such constructions and the inadmissibility of other punctuation marks for the protection of semantic precision of a statement.

Keywords: cause, consequence, asyndetic complex sentence, variable punctuation, colon, dash.

Н. Б. Кошкарева

*Новосибирский государственный университет,
Институт филологии СО РАН, Новосибирск*

ПРИЧИНА vs СЛЕДСТВИЕ: что между?

Выбор двоеточия или тире в бессоюзных сложных предложениях с отношениями причины, следствия, изъяснения и пояснения представляет определенную сложность, так как, с одной стороны, эти отношения не четко дифференцируются при отсутствии явных показателей связи, а также в связи с неоднозначными формулировками правил в справочниках, где допускается вариативность постановки двоеточия и тире в одних и тех же типах конструкций. Показано, что примеры, в которых вместо двоеточия ставится тире, являются несобственно причинными: в них содержится либо имплицитное модусное звено, либо они передают отношения логического или причинного обоснования, некоторые из таких предложений являются бессоюзными эквивалентами сложноподчиненных предложений с обратным подчинением. Сложные отношения между частями оправдывают постановку тире вместо двоеточия. Сформулированы уточнения, которые можно внести в соответствующее правило для расстановки знаков препинания в бессоюзном сложном предложении на основе более тонкой дифференциации отношений между его частями.

Ключевые слова: пунктуация, тире, двоеточие, бессоюзное сложное предложение, сложноподчиненное предложение, причинно-следственные отношения.

Одной из частотных пунктуационных ошибок в текстах Тотального диктанта является постановка тире вместо двоеточия в бессоюзных сложных предложениях с отношениями причины, пояснения и изъяснения. Это связано с рядом причин.

Во-первых, без эксплицитно выраженных показателей связи просто бывает определить тип отношений между частями, нужно учитывать одновременно несколько семантических и грамматических факторов.

Во-вторых, причинно-следственные отношения представляют собой неразрывное единство, они являются оборотной стороной друг друга. Предложение определяется как причинное, если в зависимой части стоит выразитель отношений причины: *Папа сник, поскольку мамыны аргументы были для него неопровержимыми* (А. Алексин. Раздел имущества) – сложноподчиненное предложение причины, так как в зависимой части находится причинный союз *поскольку*. Если в

зависимой части стоит показатель следственных отношений, то предложение, соответственно, называется следственным: *Сердце Маргариты страшно стукнуло, так что она не смогла даже сразу взяться за коробочку* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита) – в зависимой части следственный союз *так что*. Для таких предложений можно осуществить трансформацию, переместив показатель связи в другую часть и заменив его на «противоположный»: *Мамины аргументы были для папы неопровержимыми, так что он сник* (сложноподчиненное предложение следствия); *Так как сердце Маргариты страшно стукнуло, она не смогла сразу взяться за коробочку* (сложноподчиненное предложение причины).

В бессоюзном сложном предложении с причинно-следственными отношениями аналогом показателя связи выступает знак препинания – двоеточие или тире: если вторая часть называет **причину** первой, ставится **двоеточие**, если же вторая часть называет **следствие**, ставится **тире**. Ср.: *Папа сник: мамыны аргументы были для него неопровержимыми* (Почему папа сник? Потому что мамыны аргументы были неопровержимыми. Двоеточие можно заменить на причинный союз); *Сердце Маргариты страшно стукнуло – она не смогла даже сразу взяться за коробочку* (Что является следствием того, что сердце Маргариты страшно стукнуло? То, что она не смогла взяться за коробочку. Предложение надо произнести с особой интонацией, можно вставить наречия *потому, поэтому, оттого* или подчинительный союз *так что*; ставится тире).

В-третьих, в справочниках допускается постановка тире вместо двоеточия в предложениях со значением причины, пояснения и изъяснения, что размывает границы применения этого правила и по сути делает его бессмысленным, так как оказывается, что между частями таких бессоюзных сложных предложений можно поставить **любой** знак: двоеточие как эталонный, тире как допустимый, запятую как универсальный знак, маркирующий границу между частями сложного предложения, точку с запятой, если части имеют усложненную структуру.

При составлении комментариев к текстам Тотального диктанта Экспертный совет руководствуется действующим пунктуационным «законодательством», а именно Полным академическим справочником «Правила русской орфографии и пунктуации» под ред. В. В. Лопатина.

Правило постановки двоеточия в бессоюзном сложном предложении изложено в § 129, где предписывается ставить двоеточие, если вторая часть поясняет то, о чем говорится в первой части, имеет значение причины, обоснования или изъяснения. Однако действие этого

правила фактически отменяется Примечанием 2, допускающим во всех этих случаях постановку тире, что и провоцирует вариативность в выборе знака препинания. Приведем текст этого Примечания полностью:

Примечание 2. В бессоюзном сложном предложении при обозначении пояснения, причины, обоснования, изъяснения допустимо употребление тире вместо двоеточия (особенно в художественной литературе и в публицистике). Вот, в частности, примеры из произведений К. Паустовского: *Изредка в небе светилось голубоватое пятно – за тучками пробивалась луна, но тотчас гасла; Подснежники, наверное, уже проросли в земле – их слабый травянистый запах просачивался сквозь снег; Слой облаков был очень тонок – сквозь него просвечивало солнце; На молу погасили огни – теплоход ушел; Татьяна Андреевна вздрагивала от сырости – после теплых каюты на палубе было свежо; Пахомов крепко держал капитана за локоть – капитан был еще слаб после ранения; Ей хотелось заплакать – лом даже через варежки леденил руки; В армию меня тоже не берут – сердце заштопанное; Однажды зимой вышел я и слышу – стонет кто-то за оградой.*

Примеры из произведений современных авторов и из периодической печати: *Думать мне пришлось недолго – дверь распахнулась, и я увидел Чапаева (Пелев.); В дом попасть никто не мог – двери и окна были закрыты (газ.); Доски гнулись и ходили ходуном под его ботинками – он был тяжёлым, а пол старым (Уст.); Мы ее Барбариска звали – она вечно всех детей карамелью угощала... (Улиц.).* То же при глаголах, требующих пояснения: *Вскинул голову – у порога стоит Мария (Шукш.); А помню – в сугробах тонули дворы (Сн.); Казалось мне – с любовью строгой она глядит из-под бровей (Лис.); Она испуганно осмотрелась – никого (Расп.); Ольга посмотрела вперед – ничего особенного... (Уст.).*

Комментарий к соответствующим местам в текстах Тотального диктанта получается, наверное, тоже самым объемным, он занимает почти страницу печатного текста. Приведем здесь объяснение выбора знаков препинания для одного только предложения из 2-й части Тотального диктанта 2017 г.: *Если ребенком вы жили в городе на большой реке, вам повезло: суть жизни вы понимаете лучше, чем те, кто был лишен этого счастья* (Л. А. Юзефович «Город на реке. Часть вторая. Пермь. Кама». ТД 2017 г.):

Между частями бессоюзного сложного предложения ставится двоеточие, так как вторая часть поясняет содержание первой [ПАС. Пунктуация. § 129 в разделе «Знаки препинания в бессоюзном сложном предложении»]. От первой части ко второй можно задать вопрос: в чем именно состоит везенье? Что подразумевается под везеньем? Почему вам повезло?

В соответствии с Примечанием 2 к этому правилу, допускается постановка тире вместо двоеточия при отношениях пояснения, причины, обос-

нования, изъяснения (особенно в художественной литературе и в публицистике) [ПАС. Пунктуация. § 129. Примечание 2 в разделе «Знаки препинания в бессоюзном сложном предложении»]. **Постановка тире в данном случае ошибкой не является, но не рекомендуется. Эталонным знаком для выражения отношений пояснения является двоеточие.**

Возможна интерпретация отношений между частями как перечислительных, поэтому возможна постановка запятой [ПАС. Пунктуация. § 127 в разделе «Знаки препинания в бессоюзном сложном предложении»]. **Постановка запятой не является в данном случае ошибкой, но не рекомендуется, так как не отражает отношений между частями.**

Поскольку обе части бессоюзного сложного предложения значительно распространены и внутри них имеются запятые – показатели их внутреннего членения, допустима постановка точки с запятой [ПАС. Пунктуация. § 128 в разделе «Знаки препинания в бессоюзном сложном предложении»]. **Точка с запятой в этом случае формально не считается ошибкой, но использовать ее не рекомендуется, так как этот знак предназначен для расчленения предложения на две самостоятельные части, однако между ними существует тесная взаимосвязь, неправомерно разрушать ее, используя сильный знак, маркирующий самостоятельность смысловых блоков.**

Жирным шрифтом здесь выделены фрагменты, показывающие, что в данном случае мы не считаем постановку тире, а тем более запятой или точки с запятой равноценной заменой двоеточия, однако вынуждены принимать такие варианты, так как соответствующие допущения сделаны в авторитетном источнике – Полном академическом справочнике. Любой участник Тотального диктанта имеет право оспорить решение комиссии, посчитавшей постановку тире ошибочной, апеллируя к данному Примечанию. Филологам хочется большей строгости и однозначности при проверке диктанта, а справочник в этом отношении находится на стороне пишущих, открывая им возможность более широких интерпретаций смыслов, которые они могут распознать в тексте.

По количеству приведенных примеров объем этого примечания сопоставим с объемом основного правила. И такие богатые иллюстрации позволяют увидеть тонкости, которые пока еще в тексте основного правила не эксплицированы, но на основе анализа примеров позволяют, на наш взгляд, это правило уточнить.

В качестве примеров отступления от общего правила в примечании приводятся примеры из произведений К. Паустовского. Хочется отметить, что произведения этого писателя являются источником безукоризненных иллюстраций ко многим правилам, в них демонстрируется тонкое разграничение смысловых нюансов и оттенков. Поэтому наличие как будто ненормативного знака препинания в них является сигна-

лом к тому, чтобы задуматься, почему автор (и / или редактор), тонко различающий оттенки смысла, ставит здесь не двоеточие, а тире?

Прокомментируем некоторые из этих примеров и попробуем объяснить, почему в этих случаях постановка тире оправданна и, более того, является единственно возможной.

1. Предложения, аналогичные сложноподчиненным предложениям с обратным подчинением

Начнем с примера *Подснежники, наверное, уже проросли в земле – их слабый травянистый запах просачивался сквозь снег* (К. Паустовский. Дым отечества), который должен как будто служить иллюстрацией возможности свободной замены двоеточия на тире в предложениях с отношениями причины.

Воспользуемся простой трансформацией, которую мы успешно применили выше для предложений с собственно причинными отношениями. Если в бессоюзном сложном предложении передаются отношения причины, то между частями можно вставить подчинительный союз: *Подснежники, наверное, уже проросли в земле [потому что] их слабый травянистый запах просачивался сквозь снег*.

Очевидно, что в данном случае такая трансформация не корректна, так как вопрос от «главной» части к «зависимой» высвечивает всю нелепость такой замены: *Почему подснежники уже проросли в земле? – Потому что их слабый травянистый запах просачивался сквозь снег*.

По специфике отношений между частями это предложение аналогично сложноподчиненным предложениям с обратным подчинением, ср.: *В нижнем этаже, под балконом, окна, вероятно, были открыты, **потому что** отчетливо слышались женские голоса и смех. Повидимому, там была вечеринка* (А. П. Чехов. Черный монах). Задать логически причинный вопрос от главной части к зависимой также невозможно: *Почему окна были открыты? – Потому что отчетливо слышались женские голоса и смех*.

В «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 г. такие предложения относятся к несобственно причинным с отношениями логического обоснования: *главная часть называет предполагаемое явление, которое представляется как вывод, умозаключение говорящего, в зависимой сообщается о реальном основании для вывода, которое одновременно является следствием события в главной части* [Грамматика 1970: 712–713].

Обратим внимание на наличие в формально главной части вводного слова *вероятно*, указывающего на гипотетичность. Подобное вводное слово *наверное* есть и в бессоюзном сложном предложении, которое мы рассматриваем. Возможны и любые другие вводные слова со значением неуверенности, предположения типа *возможно*, *может быть* и др. Они представляют собой экспликацию отсутствующего модусного звена, ср.: *Подснежники, наверное, уже проросли в земле [я делаю этот вывод на основании того, что] их слабый травянистый запах просачивался сквозь снег.*

И сложноподчиненные, и бессоюзные сложные предложения представляют собой сходные асимметричные конструкции, устроенные по принципу 2 : 3 [Колосова 2008]: формально в предложении имеются две части, но подразумевается еще одно невыраженное смысловое звено, так как модусные смыслы вообще часто не вербализуются, хотя содержание второй части соотносится именно с этим невербализованным модусным компонентом. Таким образом, в плане выражения представлены две единицы, а в плане содержания – три.

Такие сложноподчиненные предложения были впервые отмечены А. М. Пешковским, который назвал союзы в их составе инверсивными, «переворачивающими факты» [Пешковский 2001: 436]. Впоследствии обратное подчинение было подробно описано А. Н. Суровцевым [Суровцев 1956, 1963], А. К. Федоровым [Федоров 1974, 1982], упоминается и в работах, связанных с общими принципами классификации сложных предложений [Ломов, Гусман Тирадо 2008]. «По смыслу главное предложение зависит от придаточного, поясняет его, а грамматически придаточное зависит от главного, что выражается наличием в составе придаточного подчинительного союза или союзного слова» [Федоров 1982: 14]. А. К. Федоров определил сложноподчиненные предложения с прямым подчинением как собственно причинные, а с обратным подчинением – как несобственно причинные, с придаточными, «содержащими основание для вывода» [Там же: 25].

Вернемся к предложению из текста Л. А. Юзефовича: *Если ребенком вы жили в городе на большой реке, вам повезло: суть жизни вы понимаете лучше, чем те, кто был лишен этого счастья.* Оно допускает двоякую интерпретацию. Формально от главной части к зависимой можно задать вопрос «Почему вам повезло?». Но по смыслу понимание сути жизни обусловлено тем, что вы жили в городе на большой реке. Эта обратная проекция и позволяет поставить в данном предложении тире: *Вам повезло жить на большой реке, ПОЭТОМУ вы понимаете смысл жизни лучше.*

Таким образом, постановка тире в подобных предложениях символизирует пропуск модусного звена и должна быть рекомендована как единственно возможный вариант для предложений с отношениями логического вывода, основания, которые не тождественны по своей семантике предложениям с прямыми причинными отношениями. Тире как знак, указывающий на отсутствие какого-то компонента, подходит для выражения этих отношений как нельзя лучше, так как символизирует отсутствие подразумеваемого модусного звена.

2. Предложения со значением причинного обоснования, аналогичные сложноподчиненным предложениям со скрепой *ведь*

Следующий блок примеров в примечании – это предложения, аналогичные сложноподчиненным предложениям со скрепой *ведь*, которые в «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 г. также относятся к несобственно причинным.

Приведем широкие контексты для предложений из ПАС.

а) Лобачев угостил человека в ватнике папиросой. Тот осторожно взял ее, поблагодарил.

– Движение народов! – сказал он, вздыхая.

– А вы куда едете? – спросил Лобачев.

– Я-то? – переспросил человек в ватнике. – В Смоленск. Там сейчас немец. Мне охота нырнуть в леса, к мужичкам, которые с автоматами. Сам я тамошний. Работал плотником в Тюмени. В армию меня не берут. Сердце, говорят, дует, как дырявое. Однако мне сердца хватит. А по военной своей специальности я сапер. Понимаете, как я нашим мужичкам с автоматами могу пригодиться. Только вот везут долго. А вы куда?

– В Сибирь, – ответил Лобачев. – На Алтай. А оттуда – тоже к мужичкам с автоматами. Только к крымским. **В армию меня тоже не берут – сердце заштопанное** (К. Паустовский. Дым отечества).

Простая подстановка причинного союза типа *так как* или *потому что* между частями этого предложения возможна, но с определенными потерями смысла. В контексте очевидна параллель с предыдущим фрагментом – высказыванием собеседника: *В армию меня не берут. Сердце, говорят, дует, как дырявое.* Наиболее близким по смыслу эквивалентом последнего предложения было бы предложение с союзом-частицей *ведь*: *В армию меня тоже не берут, у меня **ведь тоже** сердце заштопанное.*

В зависимой части предложений причинного обоснования содержится поясняющий, обосновывающий, подтверждающий коммента-

рий. Здесь также есть невербализованный модусный компонент смысла: Лобачев не просто указывает причину, почему его не берут в армию, а устанавливает тождество причин, почему не берут в армию и его самого, и его собеседника. Можно восстановить модусное звено типа *имейте в виду, знайте, обратите внимание, вот что я хочу вам сказать*.

Семантика подобных предложений полностью согласуется с семантикой сложноподчиненных предложений со скрепой *ведь* и отличается от собственно причинных отношений: «В случае употребления союза *потому что* говорящий сразу маркирует тип смысловых отношений, если же автор высказывания использует *ведь*, то от собеседника требуется несколько большая вовлеченность в ситуацию, учитывается способность слушателя делать выводы на основании контекста, необходимы какие-либо фоновые знания» [Викульцева 2004: 64].

б) Утром Маша достала лом, обколола лед со ступенек. Полина Петровна вышла из своей квартиры помочь Маше – стала сметать лед веником.

Дверь квартиры она оставила открытой. Маша видела красные бархатные портьеры, портреты Глинки и Моцарта в золотых рамах, рояль, покрытый рваным клетчатым одеялом, как попоной, а над роялем – ржавую трубу от печки-временки.

Полина Петровна, хрипло кашляя, спрашивала Машу:

– Ну что, все нет писем от мамы?

– Нету, – отвечала Маша.

– Ничего, – говорила Полина Петровна. – Ничего, милая. Привыкай. Закаляйся. Только руки береги, не простуживай. В руках теперь все твое счастье.

Камни на ее черепаховом гребне поблескивали. От шали пахло дымом. Маша старательно колола лед.

Ей хотелось заплакать – лом даже через варежки леденил руки. Хотелось горячего чаю или хотя бы кипятку, но Вермель ушел в разбомбленный дом за щепками и до сих пор не возвращался.

От Татьяны Андреевны не было ни одного письма. Вермель уверял Машу, что на Эзеле еще наши, но с ними нет связи (К. Паустовский. Дым отечества).

В данном контексте тот факт, что лом даже через варежки леденил руки, является не единственной и не основной причиной Машиных слез. Более вескими причинами является неизвестность, отсутствие сведений о судьбе близких людей, чувство голода, а необходимость колоть ломом лед лишь усугубляет состояние героини. Постановка тире актуализирует все эти фоновые смыслы, указывает на комплекс сложно переплетенных причин, вызывающих желание заплакать.

в) Рядом с Пахомовым шел смуглый маленький капитан-танкист с забинтованной головой, очень похожий на Лермонтова. Он попросился на грузовик к Пахому перед самым мостом.

Пахомов крепко держал капитана за локоть – капитан был еще слаб после ранения. У него кружилась голова. Он стыдился этой слабости и посмеивался над ней. Из-за ранения капитан отстал от своей части. Его хотели положить в лазарет, но он удрал и теперь разыскивал свой танковый полк, торопился, пересаживался в пути с машины на машину (К. Паустовский. Дым отчества).

Попробуем подставить причинный союз: *Пахомов крепко держал капитана за локоть* [потому что / ведь] *капитан был еще слаб после ранения*.

На наш взгляд, при подстановке союза *потому что* утрачивается важный для данного фрагмента смысл, связанный с отношением Пахомова к капитану. Постановка тире актуализирует это субъективное отношение, сопровождающее основное значение причины.

Аналогичную трансформацию можно сделать и для предложения *Татьяна Андреевна вздрагивала от сырости*, [потому что / ведь] *после теплой каюты на палубе было свежо*, для которого в произведении К. Паустовского нет столь яркого контекста, но явно восстанавливается модусный компонент типа *надо понимать, надо иметь в виду очевидный факт, озноб на холодной палубе после теплой каюты является естественным, предсказуемым, ожидаемым*.

Таким образом, подобные предложения являются бессоюзными аналогами сложноподчиненных предложений со скрепой *ведь* и обладают теми же отличительными признаками, которые отмечаются в многочисленных исследованиях дискурсивного слова *ведь* и сложных предложений с этим словом в роли подчинительной скрепы: они являются средством выражения не причинно-следственных, а причинно-аргументирующих отношений, во второй части приводится пояснение, разъяснение, мотивация сказанного в первой части. В таких предложениях дается рациональная оценка сложившейся ситуации, предполагается наличие собеседника (как в диалоге, так и в монологе), мнение которого может совпадать или не совпадать с точкой зрения автора, подразумевается стремление повлиять на его позицию. Говорящий сообщает, напоминает о каком-либо значимом факте, который собеседник, возможно, не учел и в результате может сделать неверный вывод, а при помощи слова *ведь* активизируются имеющиеся знания. Поскольку в семантике этого слова заложено значение очевидности, достоверности сообщаемого для говорящего, оно обслуживает область

мнения, а не знания; соответственно, важнейшее значение приобретают контекст и интерпретация [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993; Синько 1997; Викульцева 2004: 66–80; и др.].

В работе М. В. Ляпон отмечается, что значение *ведь* формируется как синтез двух компонентов: достоверности, неопровержимости, самоочевидности (*в самом деле, действительно*) и необходимости принять во внимание (*не следует забывать, что; хорошо известно, что; обращаю ваше внимание на то, что*) [Ляпон 1986: 183].

Весь этот сложный комплекс значений обусловлен тем, что слово *ведь* исторически родственно глаголу *ведать* ‘знать’ и является средством компактного выражения модусных смыслов.

Рассматриваемые нами бессоюзные сложные предложения по классификации Грамматики 1970 г. должны рассматриваться в группе бессоюзных сложных предложений нетипизированной структуры, объяснительных, с отношениями мотивирующего пояснения, вторая часть которых содержит обоснование. В качестве примеров в этой группе приводятся бессоюзные аналоги сложноподчиненных предложений с собственно причинными и, возможно, несобственно причинными отношениями. Во всех трех примерах из этой группы между частями поставлено двоеточие, например: *Я не ответил: не хотелось спорить; Все спят, да и не мудрено: еще рано; Ты меня не провожай: я дорогу знаю* [Грамматика 1970: 739]. Представляется, что двоеточие является здесь не единственно возможным знаком, а замена его на тире позволяет активизировать фоновые модусные смыслы и разные контексты, ср.:

Ты меня не провожай: я дорогу знаю > *Ты меня не провожай* [потому что] *я дорогу знаю* [Я не заблужусь].

Ты меня не провожай – я дорогу знаю > *Ты меня не провожай* [ведь] *я дорогу знаю* [Разве ты забыл, что я не раз ходил этой дорогой?]

Таким образом, тире в примерах ПАС не является простой синонимической заменой двоеточия. Тире – это многозначный знак, актуализирующий комплекс причинно-следственных и модусных отношений, основных и сопровождающих, побочных, в отличие от однозначного двоеточия, которое прямо указывает на единственную причину.

3. Знаковые отношения между частями бессоюзного сложного предложения

Рассмотрим следующую группу примеров: *Изредка в небе светилось голубоватое пятно – за тучками пробивалась луна, но тотчас*

гасла; Слой облаков был очень тонок – сквозь него просвечивало солнце; На молу погасили огни – теплоход ушел.

Перечисленные предложения являются функциональными аналогами бессоюзных сложных предложений, которые Е. Н. Ширяев назвал *знаковыми* [Ширяев 1986]. Во второй части таких предложений представлены компоненты типа *это значит; это знак того, что; это; то*. В классификации В. А. Белошапковой они относятся к бессоюзным сложным предложениям типизированной структуры с анафорическим элементом во второй части, они передают распространительные отношения, при этом на вмещающее значение накладывается значение мотивирующего пояснения [Грамматика 1970: 737], например: *Белели надерганные и объединенные утками стебли: **значит**, сюда они прилетали на вечерний жор* (Ю. Нагибин); *По краю вода была темной, сумрачной: **то** отражался плотный строй кряжистых елей, обступивших озеро* (Ю. Нагибин); *Широкая радуга стояла за лесами: **там**, где-то за озером, шел большой дождь* (К. Паустовский).

Приведем контексты для предложений из ПАС.

Метель гудела всю ночь над Михайловским, Тригорским, над Соротью. Столетние ели в пушкинском парке гнулись в свинцовом дыму. Морозная пыль летела из волчьих полей. **Изредка в небе светилось голубоватое пятно – за тучами пробивалась луна**, но тотчас гасла – с заунывным свистом на нее неслась темнота (К. Паустовский. Дым отечества).

Возможна подстановка во вторую часть этого предложения указательного местоимения *то* или *это*: *Изредка в небе светилось голубоватое пятно [– **это**] за тучами пробивалась луна*. Тире в таком предложении полностью соответствует правилу, так как вторая часть начинается словом *это*, отсутствие этого слова только усиливает необходимость выбора именно тире: во-первых, как легитимного знака для данного типа предложений, во-вторых, как знака, символизирующего пропуск одного из структурно необходимых компонентов предложения. Предложение подобного типа можно рассматривать как контекстуально неполное: в нем отсутствует конструктивно необходимый элемент – указательное местоимение в начале второй части.

Выбор тире в следующем предложении можно объяснить двояко.

Они прошли в сквер на конце набережной. Там было темно. Свет фонарей не проникал сквозь заросли акаций.

Они сели на скамью и долго сидели молча. Набегал прибор. **На молу погасили огни – теплоход ушел**. Маяк на конце мола загорался красным огнем, потом потухал. Далеко в море, во мраке, где тускло светили одни только звезды, монотонно стучал мотор.

Во-первых, тут также можно усмотреть контекстуальную неполноту: тире ставится на месте отсутствующего «знакового» компонента *это означает, что: На молу погасили огни – это означает, что теплоход ушел*. Во-вторых, на наш взгляд, тут возможна трансформация в сложноподчиненное предложение с союзом *ведь: На молу погасили огни, ведь теплоход ушел* (и пристань освещать не надо. Всем известно, что после ухода теплохода необходимость в освещении отпадает).

4. Предложения изъяснительного типа

В первой части таких предложений имеется лексема оперирования информацией (слова со значением речи, мысли, чувства, восприятия), в них принято ставить двоеточие, так как подобные предложения считаются аналогами сложноподчиненных изъяснительных предложений, в Грамматике 1970 г. они называются бессоюзными сложными предложениями типизированной структуры с незамещенной синтаксической позицией, ср.: *Водитель обернулся и увидел: по шоссе приближалась странная процессия* (М. Анчаров. Прыгай, старик, прыгай!) > *Водитель обернулся и увидел, ЧТО по шоссе приближалась странная процессия*.

Рассмотрим контекст для предложения *Однажды зимой вышел я и слышу – стонет кто-то за оградой* из Примечания к § 129, в котором вместо двоеточия стоит тире.

Бывало, ночью слышались выстрелы, крики. Лежишь в темноте, до утра глаз не закроешь и ругаешь себя последним подлецом.

В комнате у меня было тепло, сверчок кричал, и так это не вязалось с убийствами, что даже не верилось. Иногда вставал и ночью выходил осторожно во двор и слушал, – ничего, только звезды полыхают над бухтой.

Но однажды зимой вышел я и слышу – стонет кто-то за оградой. Я пошел на стон. Тихо зову: «Товарищ!» Он смолк. Я выждал. Знаете, как охотники выжидают, чтобы закричал перепел. Слышу – опять стонет. Я быстро подошел, нагнулся – вижу, человек! (К. Паустовский. Мать).

Постановка тире оправданна и в этом предложении, так как в контексте прослеживается несоответствие между предшествующей тишиной и спокойствием вокруг и неожиданным обнаружением раненого человека. Тире символизирует неожиданность события, его оценку как необычного, непредсказуемого.

В списке предложений из произведений К. Паустовского, приведенных в Примечании к § 129, осталось одно предложение, попавшее сюда, возможно, по ошибке.

Черное озеро было налито вровень с берегами. Казалось, стоит подуть ветру или усилиться дождю, и вода затопит мшары и нас вместе с палаткой и мы никогда не выйдем из этих низких, угрюмых пустошей.

Всю ночь мшары дышали запахом мокрого мха, коры, черных коряг. К утру дождь прошел. Серое небо низко провисало над головой. От того, что облака почти касались верхушек берез, на земле было тихо и тепло. **Слой облаков был очень тонок – сквозь него просвечивало солнце.** (К. Паустовский. Мещорская сторона. Мшары)

Постановка тире обусловлена здесь отношениями следствия во второй части и подчиняется основному правилу: *Слой облаков был очень тонок, и поэтому сквозь него просвечивало солнце.* Можно, конечно, додумать контекст: говорящий не может объективно измерить толщину облачного слоя, он делает вывод об этом на основе косвенных данных, того, что сквозь облака просвечивает солнце. В этом случае данное предложение вполне вписывается в ряд всех рассмотренных выше примеров, так как тире символизирует не выраженное вербально модусное звено.

Остальные примеры из произведений публицистической или современной литературы, приведенные в Примечании к § 129, также в целом соответствуют выделенным нами типам.

Таким образом, в Примечании к данному параграфу собраны примеры, существенным образом отличающиеся от стандартной ситуации, регламентированной основным правилом, в соответствии с которым в предложениях со отношениями причины, пояснения и изъяснения ставится двоеточие. Перечисленные примеры не являются тождественными по семантике эталонным причинным, пояснительным и изъяснительным высказываниям, они содержат дополнительные смысловые компоненты, прежде всего модусного характера, которые не выражаются, так как отсутствие эксплицитного выражения является для модуса нормой, он легко редуцируется. Поэтому постановка тире в таких случаях не является простым вариантом двоеточия, выбираемым свободно на основании субъективных предпочтений пишущего, это знак, выполняющий свою основную функцию – указывать на отсутствующий компонент, хотя и не структурный, но имплицитный, семантический.

Надо отдать должное составителям Полного академического справочника. Несмотря на то, что филологи негодуют по поводу необоснованной, на первый взгляд, вариативности, данный параграф демонстрирует тщательность научного исследования. Наличие специфических типов предложений не ускользнуло от внимания исследователей, и хотя правило для них в явном виде сформулировать сразу не удалось, однако само явление зафиксировано, остается только уточнить формулировку правила с учетом особенностей семантики подобных предложений.

Список литературы

Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993. 207 с.

Викульцева Н. Семантические, синтаксические и прагматические особенности лексемы *ведь*: Дис. ... magister atrium по русскому языку. Тарту, 2004. 150 с.

[URL: http://www.murmix.narod.ru/uch/rus/Semantika_lexemy_VED.pdf]

Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970.

Колосова Т. А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 2008. 211 с.

Ломов А. М., Гусман Тирандо Р. Русское сложноподчиненное предложение и проблема его содержательной интерпретации // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 54–65.

Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения: К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.

ПАС – Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2013.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 8-е. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Синько Л. А. Конструкции со словом *ведь* в союзной функции в современном русском литературном языке: Дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 1997. 198 с.

Суровцев А. Н. К вопросу об «относительных» придаточных предложениях // Уч. записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1956. Т. XV. Вып. 4. С. 71–89.

Суровцев А. Н. О сложноподчиненных конструкциях с союзом *так как* в придаточном причины // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. 248. Л., 1963. С. 145–154.

Федоров А. К. Обратное подчинение в современном русском языке // Научные труды Курского государственного педагогического института. Т. 32 (125). Орел, 1974. С. 3–61.

Федоров А. К. Спорные вопросы теории сложноподчиненного предложения. Курск: Изд-во Курского педагогического ин-та, 1982.

Ширяев Е. Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М.: Наука, 1986.

N. B. Koshkareva

CAUSE vs CONSEQUENCE: What is in between?

The choice of a colon or a dash in the asyndetic complex sentences with causal, consequential and explanatory relationships is somewhat complicated, since, on the one hand, these relationships are not clearly differentiated in the absence of conjunctions, and also due to the ambiguous wording of the rules in the handbooks, where the use of colons and dashes is allowed in the same types of structures.

The examples in which it is possible to use a dash instead of a colon are shown not to be causal in the strict sense of the word, they contain either an implicit *modus link*, or they convey a logical or causal justification relationship. Some sentences of that type are the equivalents of compound sentences with reverse subordination.

Complex relationships between parts of a sentence justify the use of a dash instead of a colon.

Certain rectifications that can be introduced into the corresponding rule for the use of punctuation marks in an asyndetic complex sentence are formulated on the basis of a finer differentiation in the relations between its parts.

Keywords: punctuation, dash, colon, asyndetic complex sentence, cause-effect relations.

Ю. А. Сафонова

Справочно-информационный портал «Грамота.ру», Москва
Радиостанция «Спутник» (МИА «Россия сегодня»)

ОСТОРОЖНАЯ ПУНКТУАЦИЯ

Анализируются знаки препинания внутри предложений (надписей) типа *Осторожно* [?] *мошенники*; *Осторожно* [?] *злая собака*; *Осторожно* [?] *гололед*. Обосновывается правомерность постановки запятой. Иные знаки (двоеточие, тире) рассматриваются как избыточные, что обусловлено речевым актом, коммуникативной ситуацией «предостережение» и соответствующей им пунктуационной ситуацией.

Ключевые слова: вариативная пунктуация; надписи; пунктуационная ситуация; речевой акт; предостережение; бессоюзные сложные предложения.

Осторожно, ректор! Однажды, будучи в Астане на конференции, в выступлении уважаемого профессора, сообщавшего о том, как надо бороться за чистоту языка, услышала возмущенное:

– Захожу в университете, а там надпись с запятой «Осторожно, мошенники!». Что вы пишете? Это вы ректора мошенником называете? К нему (ректору!) обращаетесь как к мошеннику?! Ведь надо ставить двоеточие!

– Почему двоеточие? – робко спросила я.

– Потому что это бессоюзное сложное предложение, вторая часть которого объясняет, почему надо проявлять осторожность: осторожно, потому что здесь могут быть мошенники.

Ответ был категоричным по-преподавательски: сказал как отрезал. Однако закрались сомнения: всплыла знакомая с детства, *обычная*, как о ней писал Д. Гранин в романе «Искатели», надпись «Осторожно, злая собака!»; не содержащая обращения, но стереотипная надпись «Осторожно, двери закрываются!»; вспомнились и только что прочитанные путевые очерки Ильфа и Петрова «Осторожно, овечья веками!»¹. К тому же в категорической рекомендации профессора были, как казалось, логические нестыковки:

¹ Ильф И. и Петров Е. Осторожно, овечья веками! Очерки, отрывки, фельетоны. Ташкент: Гослитиздат Уз ССР, 1963.

– эта надпись (предложение /текст) обращена не к тем, кто в ней назван (*мошенники*); профессор и сам сказал, что текст предупреждающий (о предупреждении см. далее);

– из предыдущего следует, что надпись *Осторожно, мошенники!* не содержит обращения, не адресована нарушителям закона, см.: «Основная функция обращения – называние того, к кому направлена речь...» [Русская грамматика 1980: 163, 164];

– если же понимать надпись *Осторожно, мошенники!* как обращение к мошенникам, как адресованную им, то смысл кардинально меняется. Эта надпись (текст) становится: а) либо угрозой, адресат которой – мошенники, а адресант, угрожающая сторона – тот / те, кому причинен вред (= ‘ужо вам, мошенники!’); б) либо адресат и адресант – оба мошенники (= ‘будьте осторожны, подельники!’); об угрозе см.: [Баранов 2013; Гловинская 2010];

– запятая – многофункциональный знак препинания, который ставится (выделяя, обособляя, отделяя) не только при обращении, но и, среди прочего, в бессюзных сложных предложениях.

Осторожно [?] Х.

Рекомендации «Справочного бюро» (gramota.ru)

Пользователи не раз задавали «Справке» вопрос о знаках препинания в подобных предложениях: *Осторожно [?] мошенники; Осторожно [?] злая собака; Осторожно [?] грипп; Осторожно [?] дети; Осторожно [?] добрая собака; Осторожно [?] стройка; Осторожно [?] люди; Осторожно [?] поезд; Осторожно [?] гололед; Осторожно [?] мокрый пол.*

Для предложений, в которых вторая часть может быть омонимичной обращению к нейтрально / положительно оцениваемым адресатам (*дети, люди*), «Справка» рекомендовала тире или двоеточие: *возможно тире или двоеточие* – № 21896¹; *согласно общим правилам, ставится тире или двоеточие* – № 238501. Но не исключала постановки запятой: *и в запятой в адресованной водителям фразе Осторожно, дети! мы не видим особого криминала (при всё той же предпочтительности двоеточия)* – № 265950.

Для предложений, в которых вторая часть может быть омонимичной обращению к отрицательно оцениваемым адресатам (*мошенники*), «Справка» рекомендовала двоеточие: *предпочтительно двоеточие* – № 283142.

¹ Здесь и далее после слов указан номер вопроса в «Справочном бюро» (www.gramota.ru); орфография и пунктуация вопросов и ответов сохранены.

Для предложений, в которых вторая часть – именование потенциальной опасности (*злая собака, поезд, стройка, грипп, гололед, машина*), «Справка» давала следующие рекомендации:

– при постановке вопроса о *правомерности* запятой (Правомерна ли постановка запятой в предложении «Осторожно, злая собака!»). Если это предупреждающий знак, то логичнее было бы поставить двоеточие, а не запятую. В БСП второе предложение поясняет смысл первого. Можно заменить «Осторожно, потому что в доме злая собака») «Справка» соглашалась на двоеточие: *Вы правы, здесь лучше поставить двоеточие (вариант с запятой не ошибочен, но менее желателен)* – № 277139;

– двоеточие: как уместный знак – № 273791; *знак [двоеточие] ... ставится между частями бессоюзного сложного предложения... предпочтительна постановка двоеточия – «логического» знака* – № 24445;

– двоеточие как предпочтительный (по сравнению с тире) знак: *Предпочтительно с двоеточием: Осторожно: гололед!* – № 261715; *Корректно: Осторожно: поезд!* – № 213422;

– не исключала «Справка» и запятой: *здесь лучше поставить двоеточие (вариант с запятой не ошибочен, но менее желателен)* – № 277139; *верна ли пунктуация "ОСТОРОЖНО, МОКРЫЙ ПОЛ"* – Ответ: *Да, все верно* – № 225053; *Осторожно, машина!* – в примерах в ответе на № 249961;

– кроме того, было рекомендовано разбиение на два предложения: *возможно также: Осторожно! Гололед!* – № 261715; *Корректно: Осторожно! Поезд!* – № 213422.

Основные аргументы для постановки двоеточия как «Справки», так и пользователей (например, № 278454) – 1) ссылка на § 129 «Правил русской орфографии и пунктуации» (ПАС: 173-174): предложение *Осторожно ? X* – бессоюзное сложное предложение, где вторая часть поясняет смысл первой, поэтому предпочтительно двоеточие; 2) разграничение нежелательной омонимии (обращение / обоснование грозящей опасности).

Осторожно [?] X. Конференция Тотального диктанта

Участникам V Международной научно-практической конференции Тотального диктанта «Динамические процессы в современном русском языке» (Новосибирск, 1–5 февраля 2017 г.) было предложено расставить знаки препинания в подобных текстах в гипотетической

ситуации (вам, как филологу, позвонили и попросили расставить знаки препинания в надписях). Было предложено три текста, три надписи, которые, с одной стороны, обычные, частотны, с другой – пунктуационно спорные, на что, например, указывают вопросы-ответы «Справки».

*Осторожно [?] мошенники*¹

Осторожно [?] гололед

Осторожно [?] злая собака

Конечно, участники были настороже (доклад назывался «Осторожная пунктуация»), ждали если не подвоха, то какой-то премудрости. Были получены ответы 44 участников.

Текст	Один знак препинания				Вариативные знаки			
	,	:	-	!	!/:	,/:	:/-	!/-
<i>О [?] мошенники</i>	8	17	5	9	2	1	2	0
<i>О [?] гололед</i>	10	15	6	9	3	1	0	0
<i>О [?] злая собака</i>	8	12	7	12	3	1	0	1

Запятая явно не преобладала, а двоеточие показалось корректным в большей части случаев. В комментарии одного участника рядом с двоеточием (*Осторожно: мошенники*) было указано: «Только для того, чтобы не путать с обращением».

Девять участников предложили для всех текстов одинаковые (один из трех) знаки препинания, то есть оценили три надписи как текст, типичный для одной коммуникативной ситуации и, следовательно, для одной пунктуационной ситуации, которую Б. С. Шварцкопф определил так: «Под пунктуационной ситуацией ... понимается такая типовая совокупность определенных свойств структуры и / или содержания (контекста, которая обуславливает или стимулирует использование определенных пунктуационных средств, закрепленных правилами и **массовой практикой** за оформлением в письменном тексте определенных синтаксических конструкций и / или смысловых – или семантико-синтаксических – отношений» [Шварцкопф 1988: 13; выделено нами. – Ю. С.].

¹ Далее вместо *Осторожно* – *О*.

Осторожно [?] Х. Речевая практика

Анализ собранного материала и примеров, выбранных из НКРЯ, показал, что в интересующей нас конструкции встречаются и запятая, и двоеточие, и тире только в том случае, если вторая часть – имена лиц. Тогда как надпись / тексты *Осторожно [?] злая собака* встречается только с запятой или восклицательным знаком после *Осторожно*. Вот несколько примеров:

Осторожно [?] мошенники

1. Осторожно, мошенники

Осторожно, мошенники! [заставка телепередачи ТВЦ]

Осторожно, мошенники! [заголовок обращения к посетителям сайта www.doctorliza.ru]

А на медицинских форумах он все больше фигурирует в темах типа «осторожно, мошенники!» [Александра КРЫЛОВА. Москвичам обещают поднять либидо через Wi-Fi // Комсомольская правда, 2013.11.07. НКРЯ].

Центральный каталог кредитных историй Центробанка—ckki.www.cbr.ru ОСТОРОЖНО, МОШЕННИКИ! [Евгений БЕЛЯКОВ. Каждый шестой россиянин больше не сможет взять кредит в банке // Комсомольская правда, 2013.02.05. НКРЯ].

ОСТОРОЖНО, МОШЕННИКИ Под маской кредиторов часто работают мошенники [Евгений БЕЛЯКОВ. Кредиты до получки – быстро, но переплата 700 % // Комсомольская правда, 2011.10.04. НКРЯ].

МВД по УР совместно с Общественным советом проводят акцию «Осторожно, мошенники», рассказывающую жителям о том, как защитить себя от преступлений [Елена ПУШИНА. Ижевские мошенники отобрали у старушки 300 тысяч рублей // Комсомольская правда, 2011.04.26. НКРЯ].

Осторожно, мошенники! [заголовок на счете за электроэнергию Мосэнергосбыта]

2. Осторожно: мошенники

Осторожно: мошенники [надпись-обращение на сайте online.sberbank.ru]

Осторожно: мошенники! [заголовок обращения на сайте издательства «Детская литература»]

ОСТОРОЖНО: МОШЕННИКИ Евгения решила подработать. Она позвонила по объявлению о работе [ДЕНЕЖКА НА БУЛАВКИ // Труд-7, 2008.10.09. НКРЯ].

3. *Осторожно – мошенники*

Осторожно – мошенники! [заголовок заметки, http://pikabu.ru/story/_4818340]

Осторожно [?] гололед

1. *Осторожно, гололед*

Лев ОСИПОВ [Imosipov8148@nettaxi.com] *Осторожно, гололед. Почти месяц мы наблюдаем погодные капризы – такого частого и резкого перепада температур не было давно* [Россия тут ни при чем. Reader@izvestia.ru (2002) // «Известия», 2002.02.20. НКРЯ].

2. *Осторожно: гололед*

ОСТОРОЖНО: ГОЛОЛЕД. Чему еще не учат в автошколах и, по всей вероятности, не будут учить... [Хлыстун Виктор. ПРАВО НА ПРАВА // Труд-7, 2008.11.27. НКРЯ]

Осторожно [?] злая собака

1. *Осторожно, злая собака*

На воротах всех домов, где мы побывали, таблички с грозным предупреждением: «Осторожно, злая собака!» [Валерия Иршенкова. Ландшафтные зарисовки (2002) // «Ландшафтный дизайн», 2002.09.15. НКРЯ].

На большой скорости она [девушка] подруливает к очередному газону и выставляет на нем аккуратные таблички: «По газонам не ходить!», «Осторожно, злая собака!», «Высокое напряжение!», «Трава под током!» и другие [Александр Абдулов, Александр Миллер. Говорит и показывает Москва (1997) // «Столица», 1997.09.02. НКРЯ].

Над воротами висел плакат: «Осторожно, злая собака» [Анатолий Шиманский. Австралия глазами русского, или Почему верблюды там не плюются // «Звезда», 2002. НКРЯ].

На калитке висела обычная надпись: «Осторожно, злая собака!» [Даниил Гранин. Искатели (1954). НКРЯ].

А можно купить новый звонок с собачьим лаем и повесить надпись на дверь: «Осторожно, злая собака!» [Анна СОЛОВЬЕВА, Руслан ВАРЕНИК. Вернуться из отпуска и сэкономить деньги! // Комсомольская правда, 2008.05.20. НКРЯ].

С лета на заборе яркая киношная табличка: «Осторожно, злая собака» [Светлана ХРУСТАЛЕВА. Кому Сергей Безруков сдал дежурство по «Участку»? // Комсомольская правда, 2004.01.28. НКРЯ].

Актер Вин Дизель забыл написать на двери своего дома «Осторожно, злая собака!» [Семен ШАПКИН. Вин Дизель заплатит \$8 миллионов за травмированный «прибор» своего сценариста // Комсомольская правда, 2003.12.05. НКРЯ].

2. Осторожно! Злая собака!

Почтальон... Видишь: подъезжает на велосипеде к калитке, на калитке надпись: «Осторожно! Злая собака!» – но он знает, что здесь давно уже нет никакой собаки [Мария Головановская. Почтальон (1990–2000). НКРЯ].

Таким образом, речевая практика так же, как и ответы участников конференции ТД, демонстрирует вариативную пунктуацию в подобных конструкциях.

В некоторых случаях в пределах одного текста встречаются два варианта. Так, в газете Metro (22.09.2017) была опубликовано заметка под заголовком *«Осторожно: двери! В новых поездах метро поселился слонёнок»*, сообщалось об электронных табло в новых поездах, на которых под надписью *Осторожно, двери закрываются* хобот слонёнка застревает в закрывающихся дверях (вместо прежнего схематичного изображения человека, которого несколько раз прижимало с обеих сторон). Тем самым надпись на картинке и надпись заголовка содержали разные знаки препинания.

Почему в одной и той же ситуации ставятся разные знаки? Каковы смысловые отношения частей подобных конструкций?

Осторожно [?] X. Что такое X?

Выбранные из НКРЯ и собранные нами материалы представляют достаточно разнообразную картину лиц, предметов, о действиях или воздействиях которых предупреждают в X (во второй части или во втором предложении):

1) имена лиц или групп лиц: а) оцениваемые нейтрально или положительно (*дети, детки, ребята, люди, человечество, пешеходы, женщины*); б) оцениваемые отрицательно (в том числе в контексте): *продажные женщины, дагестанец, голые люди, квартиранты, нарцисс, альфонс; аноним, мошенники, воры, террористы, злые уши, пьяный водитель, злые соседи, ловцы покемонов; секта, ЛДПР*;

2) животные: а) не представляющие опасности для адресата, требующего от адресата внимания при контакте с ними: а) *фазаны, лоси*; б) представляющие опасность для адресата: *собака / злая собака, клещи, обезьяны, акула, хищник*;

3) окружающий мир, явления природы: *листопад, гололёд, сосульки, вода, яма, дождь, камнепад, ягоды-убийцы, цветы, тропики, солнце*;

4) предметы окружающей обстановки: *ступеньки, потолок, пол, двери, лифт, калькулятор, стекло*;

5) действия, осуществляемые в том или ином месте: *высокое напряжение, поезд, объезд, перекресток, машина; земляные работы, окрашено, огнеопасно, мины; радиация*;

6) результаты интеллектуальной деятельности (в том числе речевой) человека, оцениваемые отрицательно: *фальшивка, ложь; стразы* (= 'речевые перлы'), *речевой афоризм, риторика, инструкции, мат*;

7) продукты человеческой деятельности: *подделка; яд; детская косметика; алкоголь*;

8) эмоциональные состояния: *любовь, стресс*;

9) иное: *история, религия, антисемитизм, сионизм, миграция, киотский протокол; скидки, таймшер*.

Осторожно [?] X. «Русская грамматика»

Предложения *Осторожно [?] X* относятся к бессоюзным сложным сочетаниям со значением обоснования, эти сочетания характеризуются односторонним отношением частей, из которых первая является независимой; в таких сочетаниях выражаются отношения причины, дово-

да, основания [Русская грамматика 1980: 636, 649]. Обратим внимание на то, что в приведенных примерах (разумеется, при одинаковых смысловых отношениях частей!!!) – разные знаки препинания, в том числе запятые [Там же: 649, 650]:

Подите прочь: вы человек опасный (Пушк.);

Ах, обмануть меня не трудно: я сам обманываться рад (Пушк.);

И оденься потеплее – ветер пронзительный (Л. Толст.);

Вообще пищи почаше, в деревне осенью без писем скука одолеет

(А. Остр., переписка);

Я не хочу говорить с вами – вы грубы (Горьк.);

Пейте скорее, мне здесь убирать надо (Горьк.);

Макара слегка пошатывало – не выспался (Шукш.);

Иван Африканович забеспокоился, место было чужое (Белов);

Иван Марьи не слушается: сам приказывать горазд (пословица).

Таким образом, запятая в подобных предложениях не только возможна, но и не нарушает смысловые отношения между частями (вторая часть – обосновывает, указывает причину того, о чем говорится в первой), запятая не мешает правильному пониманию смысла. Тогда как в ПАС запятая предусмотрена только при перечислении (§ 127) [ПАС: 173], несмотря на то, что в Примечании к § 128 указано: «В бессоюзном сложном предложении части могут быть связаны по-разному: **близкие по смыслу части разделяются запятой**, более самостоятельные – точкой с запятой» [Там же, выделено нами. – Ю. С.]. Заметим, что пунктуация в БСП в «Правилах русской орфографии и пунктуации» построена по принципу «почему НЕ запятая». Именно этот принцип и ограничивает описание наиболее частотных случаев постановки запятой в БСП.

Представляется, что в предложениях *Осторожно* [?] *Х* именно близкие, если не сказать, спаянные отношения частей; именно такие предложения типичны для речевого акта, для коммуникативной ситуации «предупреждение».

Осторожно [?] Х. Предупреждение

Предикатив *Осторожно* в лексикографических источниках описан как фразеологизированный маркер «предостережения»:

– «*Осторожно!* (возглас предостережения, предупреждения: будь внимателен!)» (см. словарную статью *осторожный* в: [Большой толковый словарь... 1998: 734]);

– «*Осторожно! Осторожнее!* Возглас предостережения, предупреждения» (см. словарную статью *осторожно* в: [Большой академический словарь... 2010: 268]);

– «*Осторожно!* – употр. в знач. «Будьте внимательны, вы можете попасть в опасную, неприятную ситуацию (восклицание, с помощью к-рого предупреждают об угрожающей ситуации). *Осторожно, здесь очень скользко, не упадите! Осторожно! Злая собака!* (Надпись на воротах частного дома, где держат опасных сторожевых собак) (см. словарную статью *осторожно* в: [Морковкин, Богачёва, Луцкая 2017: 707]).

В словарной статье «сообщать» М. Я. Гловинская пишет о глаголе *предупреждать*: «Обычно предупреждают о том, незнание чего может повредить адресату в дальнейшем... Большинство употреблений **предупреждать** отражают ориентированность сообщения на будущее, даже если речь идет об уже существующем положении дел: будучи **предупрежденным**, адресат в своих будущих действиях сможет руководствоваться полученной информацией... **предупреждать**... можно только о том, что имеет какое-то отношение к адресату и должно им учитываться» [Гловинская 1997: 402].

В конструкциях *Осторожно* [?] *X* адресата предупреждают о том, с чем / кем он должен быть внимательным или бережным, о возможной опасности, исходящей от чего-кого-либо; предупреждают с целью соотнести действия адресата. Очевидно, что речевой акт, коммуникативная ситуация «предупреждение» предполагает если не дружественные, то по крайней мере нейтральные отношения между адресантом и адресатом, заинтересованность адресанта в определенном поведении, действиях адресата; «предупреждение» как речевой акт соответствует интересам адресата [Гловинская 2010: 401] ¹.

Осторожно! как самостоятельное предложение не обладает смысловой достаточностью: вторая характеризующая часть обязательна. Без второй части либо без следующего предложения *Осторожно* не обладает смысловой достаточностью. Поэтому двоеточие избыточно: собственно семантика *осторожно* содержит указание на то, что до или далее сообщается, конкретизируется, с чем-кем следует проявлять осмоторительность, заботу, чего-кого следует опасаться. Именно эта информация и является важной для адресата.

¹ Такую же функцию выполняют и предупреждающие знаки в «Правилах дорожного движения»: эти знаки информируют водителей о приближении к опасному участку дороги, движение по которому требует принятия мер, соответствующих обстановке.

Таким образом, речевой акт «предупреждение», соответствующие ему коммуникативная и пунктуационная ситуации обуславливают запятую в конструкциях типа *Осторожно* [?] *Х*. Именно запятая в полной мере соответствует функционально-семиотической адекватности языка (об этом см. [Горбунова 2017]) и выработанной годами массовой практике письменной речи.

Список литературы

Баранов А. Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19): В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 72–82.

Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Герд. Т. 14. М.; СПб.: «Наука», 2010. 655 с.

Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 1998. 1536 с.

Гловинская М. Я. Лексикографические типы: речевые акты и травмы // Проспект активного словаря русского языка / Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 397–463.

Гловинская М. Я. Сообщать // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 400–406.

Горбунова Л. И. Кодификация пунктуационной нормы и экология языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 1. С. 11–24.

Морковкин В. В., Богачёва Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка. М.: Словари XXI века, 2017. 1456 с.

ПАС – Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М: АСТ, 2009. 432 с.

Русская грамматика. Т. II. М.: Наука, 1980. 710 с.

Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. 192 с.

Y. A. Safonova

Careful Punctuation

In the following article, we analyze punctuation marks used in sentences (sign inscriptions) such as *Beware [?] of swindlers*; *Beware [?] of dog*; *Beware [?] of ice* and evaluate the correctness of their usage. Other punctuation marks (colon, dash) are considered superfluous for reasons stemming from speech acts, communicative situations of “caution”, and related punctuation situation.

Keywords: variable punctuation; sign inscriptions; punctuation situation; speech act; caution; asyndetic complex sentences.

М. В. Шпильман

*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск*

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОЧЕТАНИЯ И ДА В ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

В статье рассматривается сочетание *и да* в современной письменной речи. Отмечается, что *и да* может представлять собой контактное сочетание союза *и* с частицей *да* или выполнять союзную функцию. Особое внимание уделяется *и да* в значении союзной скрепы. Скрепя *и да* может выступать в роли, во-первых, присоединительного союза, вводящего дополнительную информацию, или, во-вторых, гибридного в структурном и в семантическом плане союзного средства, совмещающая собственно присоединительную функцию с функцией диалогизации.

Ключевые слова: контактное сочетание, союзная скрепа, присоединительный союз, функция диалогизации.

Активные динамические процессы в области релятивов, или союзных скреп, идут и в XXI в. М. И. Черемисина и Т. А. Колосова отмечают в своих работах о типологии союзных скреп, что «множество скреп находится в процессе перестройки, формирования не только новых скреп, но и новых типов скреп. В результате на поверхности языка часто оказываются такие единицы, которые находятся на пути перехода из одного разряда в другой» [Черемисина, Колосова 1987: 124].

Поэтому нет ничего удивительного в том, что релятив *и да*, появившийся относительно недавно, в настоящее время активно используется не только в текстах непосредственного общения в Интернете на форумах, в блогах и соцсетях, но и в публицистических, художественных текстах, а также в разговорной речи, ср.: *Поэтому я попрошу фасфсех держать себя в руках... не проявлять больших эмоций... как это бы сказать... без нервов, да. Прошу постараться играть без грубости, такое же внушение я сделаю и нашим игрокам. <...>. И да, еще одно, и тоже главное: сефодня на трибунах будут высокие чины немецкого командования, поэтому мы просим вас прифетствовать соперников и публику, как это делают все подданные Великая Германия* (С. Самсонов. Одиннадцать); *Два раза в год – после завершения весенней и осенней сессий – очень милые корпоративы: вчера отлично поси-*

дела с коллегами, что характерно – на свои, скидывались аж по 2000 рублей. **И да**, у меня есть корыстная мотивация: хочется-таки создать “фракцию нормальных людей”» (Русский репортер. № 4. 2010); *И подавал / и принимал / да... / **и да**...* Это ключевой игрок (комментарий к волейбольному матчу).

При этом следует сказать, что примеры демонстрируют употребление *и да* не только в значении союзной скрепы. Так, все встретившиеся нам примеры можно разделить на три группы.

1. Контактное сочетание соединительного союза *и* и формообразующей частицы *да* в сочетании с глаголом в форме 3-го л. для выражения повелительного наклонения, например: *Ученики побили учителя, как русские шведов под Полтавой. Заканчивайте роман сами, **и да благословит** вас бог* (В. Катаев. Алмазный мой венец); *Перед нами, правда, задача помасштабней – подвести итог последним 26 векам науки и изобретательства в самом общем смысле. **И да поможет** нам в этом вольномыслящий физик-изобретатель* (Знание-сила. 2014).

Как отмечают А. Е. Орлова и М. И. Черемисина, подобного рода сочетания не являются целостными союзными функциями, они относятся к контактным сочетаниям свободного типа, при котором каждый компонент сохраняет свою грамматическую и лексико-семантическую функции [Орлова, Черемисина 1980: 214]. Как правило, подобное сочетание свидетельствует о высоком стиле и используется в таких речевых жанрах, как поздравление, проповедь, а также в поэтических текстах и лозунгах.

2. Сочетание повторяющегося соединительного союза *и* и утвердительной частицы *да*, например: *Но можно ли считать утопией сценарий, построенный на основе первых промышленных технологий? **И да, и нет*** (Геоинформатика. 2002).

В данном случае повторяющийся союз *и* свидетельствует о возможности одновременного положительного и отрицательного ответа на поставленный вопрос.

3. *И да* в значении союзной скрепы между частями сложного предложения или предложениями в тексте, например: *Хатико ждал хозяина 9 лет, а такси «Сатурн» приезжает в течение 10 минут. Вызов такси по телефону: ***** . **И да**, мы приезжаем даже в пробки* (аудиореклама); *Будет весьма приятно, если в своем новом измерении кино сохранит эту возможность плавно скользить по ней так далеко, как позволит одаренность режиссера и зрителя. Ну, **и да**, напомним, что премия за лучшую драматическую женскую роль досталась Сандре Буллок, сыгравшей в «Невидимой стороне»* (Однако. 2010); *Способна зачать и выносить полк или как минимум взвод. Что же де-*

лать? Да поменьше об этом думать. **И – да!** – вот ещё что... Супруга обследовать. Нынешнее бесплодие, знаете ли, становится всё более и более... кхм... мужественным (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений»).

В данных примерах при элиминации релятива предложение или текст в целом может быть понят иначе. Кроме того, в семантическом плане данные примеры существенно отличаются от двух рассмотренных выше групп, и это свидетельствует о специфическом значении новой союзной скрепы: *и да* выполняет связующую функцию и выступает в роли присоединительного союза, сигнализируя о появлении добавочного суждения, которое носит, как правило, ассоциативный характер. Как отмечает Е. Г. Сидорова, «при присоединении постпозитивный (реже – интерпозитивный) элемент возникает в сознании говорящего непосредственно в процессе высказывания, поэтому основная часть фразы всегда автосемантична, а присоединяемый компонент представляет собой дополнительное суждение, конкретизирующее, расширяющее или характеризующее информацию базовой части [Сидорова 2012: 61].

Чаще всего скрепа *и да* выполняет функцию присоединения суждения, которое говорящий словно забыл, но в последний момент вспомнил. Стимулом к этому может быть реплика собеседника, например: ***kotoklen***: *То ли отстать и оставить как есть, то ли наоборот водить на кружки и стараться по максимуму адаптировать, пока есть время. simplymommy*: *В кружках, если без давления, по-моему, ничего нет плохого. Пробовать можно, может, так она и найдет свое место под солнцем :) Но она еще очень маленькая, и да, я бы просто запаслась терпением и дала бы ей время немножко «дозреть»* (Коллективный форум).

Представляется, что в подобного рода примерах скрепа *и да* выполняет еще и прагматическую функцию снижения категоричности собственной позиции: оформляя свою точку зрения в виде дополнительной информации, говорящий автоматически переводит ее в разряд второстепенной. При этом нет опасности, что позиция его не будет совсем не замечена собеседником, поскольку *и да*, как и любой присоединительный союз, сопровождается, как отмечает Е. Г. Сидорова, специфической присоединительной интонацией, предполагающей значительное понижение тона перед присоединением, а также «предупредительной» паузой и отдельным фразовым ударением на присоединяемом члене [Сидорова 2012: 61], то есть всеми теми средствами, которые призваны привлечь внимание. Кроме того, иногда говорящие привлекают дополнительное внимание к присоединяемому суждению при

помощи нестандартного пунктуационного оформления скрепы, например: *Принцип у них (духов – держателей кармы), такой чтобы отзеркаливать ситуации. А на подготовку соответствующих условий по этому принципу уходит много времени. И – да! Воздаяние часто приходится на другие воплощения. Но держателям кармы это по барабану – они не сомневаются, что личность всегда одна и та же, и поэтому все получается строго справедливо. :)* (Коллективный форум).

В данном случае работает еще и прием парцелляции, с помощью которого привлекается дополнительное внимание к присоединяемому фрагменту высказывания.

Интересно, что по выполняемым функциям скрепа *и да* принципиально отличается от других присоединительных союзов тем, что способна одновременно присоединять дополнительное суждение и служить средством диалогизации: следующая за скрепой часть высказывания является как бы ответом на предполагаемый, предвосхищенный говорящим вопрос собеседника, например: *Что до минусов, так их в топковом Sportage, по-моему, не так много. Отклик на педаль газа мог бы быть четче. Разгоняться с низов машина могла бы повеселей <...>. И да, пусть даже при динамичной езде, но средний показатель в четырнадцать литров на сотню – это какой-то прямо бензиновый жор* (Русский репортер. 2015); *Я разве где-то писала, что не лечу ребенка?* Тут тема была исключительно про температуру *и да, я ее сбиваю иногда ровно для того, чтобы было возможно лечение* (коллективный форум); *«Я люблю жизнь, – как-то сказал Шарон, – я люблю в ней все, и да, поест я тоже очень люблю»* (Русский репортер. 2014).

В данных примерах скрепа *и да* демонстрирует свой гибридный характер: она выполняет функцию присоединения дополнительного суждения, при этом выражая отношение говорящего к обсуждаемой проблеме или предугаданному вопросу. Так, в первом примере таким вопросом, по-видимому, является *Сколько бензина потребляет автомобиль?*, во втором – *Сбиваете ли вы температуру?*, а в третьем – *А как насчет поесть?*

Подобное совмещение функций не является единичным или случайным в языковой системе. Так, Н. П. Перфильева, говоря о гибридном характере таких слов, как *врочем, к тому же, между прочим* и др., справедливо отмечает: «Если исходить из полевой модели союзных скреп и из того, что множество союзных скреп – это открытая динамичная система, то в зону отдаленной периферии, помимо союзных слов, частиц-союзов (*ведь, тем не менее, все-таки, все же* и др.), входят языковые единицы, способные в ряде случаев одновременно выполнять функции связи (союзную) и вводного слова, а следовательно, и

синкретичные в семантическом плане» [Перфильева 2015: 94]. Об этом же свидетельствует языковой материал, в котором скрепа *и да* выступает в роли свернутого метапоказателя-скрепы (термин Н. П. Перфильевой) и аналогична метатекстовому показателю *кстати*, например: 1) *Вам нужно организовывать «социальные ситуации», с малым количеством детей или один-на-один, желательно ненавязчиво. На природе дети себя свободнее чувствуют. Социальные навыки нарабатываются. И да, от родителя-интроверта родителю-интроверту: инициация общения с другими детьми и их родителями зачастую требует немало душевных усилий с нашей стороны (коллективный форум); 2) <...> разговор получается короткий: сами свяжемся с вашим дорогим бестелесным существом, незначим вам присутствовать, у госпожи своя метода, результаты пришлем по электронной почте, и да, а есть ли у вас «Яндекс-кошелек»? (Е. Пищикова. Пушкин на том свете // «Русская жизнь». 2012).* В этих контекстах допустима синонимичная замена на *кстати*. Скрепа *и да* здесь лишена диалогичности, она выполняет лишь основную функцию присоединения высказывания, которое несколько отступает от основной темы.

Таким образом, материал показывает, что в современной письменной речи сформировалась новая союзная скрепа *и да*, которая может выступать в роли присоединительного союза, вводящего информацию либо дополняющую основную, либо связанную с ней ассоциативно. В других случаях союзная скрепа *и да* имеет гибридный характер и в структурном, и в семантическом плане, поскольку совмещает собственно присоединительную функцию с функцией диалогизации.

Список литературы

Орлова Е. А., Черемисина М. И. Контактные сочетания союзов и частиц в русском языке (к постановке проблемы) // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база (на материале сибирских и европейских языков). Новосибирск: Наука, 1980. С. 208–223.

Перфильева Н. П. О динамических процессах в области скреп: грамматический и пунктуационный аспекты // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 9: Филология. С. 91–101.

Сидорова Е. Г. Присоединительные конструкции в системе современного русского языка // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2012. № 2.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987.

M. V. Shpilman

**On the Use of the *И да* Word Combination
in Russian Written Speech**

The article presents the analysis of the *и да* expression in modern written speech. We note that *и да* can be the contact combination of the conjunction *и* ('and') with the particle *да* ('yes') or it can function as a conjunction. *И да* as a conjunctive bond is given a particular attention. According to our analysis, *и да* may possess the following functions: 1) joining conjunction introducing additional information, or 2) structurally and semantically hybrid conjunction combining the joining function with that of dialogization.

Keywords: contact combination, conjunctive bond, joining conjunction, function of dialogization.

Ю. В. Яковлева

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

**ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОЙ
АГРЕССИИ В ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЙ ПОЛЕМИКЕ
1917–1932 гг.**

Рассматривается использование разнообразных графических средств речевой агрессии в полемических статьях журналов «Пролетарская культура», «ЛЕФ», «Новый ЛЕФ», «На посту», «Звезда», «Печать и революция» как способ повышения эффективности полемических приемов в письменном тексте в период «литературных» дискуссий первых послереволюционных десятилетий.

Ключевые слова: полемика; речевая агрессия; графические средства; отрицательная оценка; ирония.

Феномен речевой агрессии трактуется современными лингвистами довольно широко: от использования стилистически маркированных языковых средств до целенаправленного подавления речевой деятельности оппонента [Агрессия в языке и речи... 2004; Воронцова 2006; Петрова, Рацибурская 2017; Щербинина 2011]. Для средств массовой информации, которые по своей природе призваны оказывать активное влияние на общественное мнение, речевая агрессия характерна в высокой степени и особенно – в периоды социальных потрясений. Так, примеры проявления речевой агрессии можно найти в полемических материалах советской прессы 1917–1932 гг., поворотного периода в истории российской журналистики, русской литературы и русского языка. Среди проблем, вызывавших бурные дискуссии, – отношение к буржуазному наследию, роль искусства в общественной жизни, приоритет вдохновения или социального заказа. Речевая агрессия в журналах проявляется на лексическом, синтаксическом, дискурсивном уровнях. Поскольку тексты полемических статей, опубликованных в газетах и журналах 1917–1932 гг., существуют в письменном виде, особую значимость приобретают полемические приемы именно письменной формы речи, в том числе графические средства оформления фрагментов текста, содержащих отрицательную оценочную информацию.

Участники полемики широко используют в качестве средства негативной оценки **кавычки**. Данный знак может служить эквивалентом словосочетания *так называемые*, например: *бессмысленность вывертов футуристов, непонятных и самим «творцам»* [Пролетарская культура 1919: 41]; [Есенин] *к тому времени, стал и случайным соучастником в «творчестве» имажинистов интеллигентской богемы, увидевшей в революции лишь свободу хулиганить* [Звезда 1926: 231]. Кавычки вокруг слов *творчество* и *творцы* дают читателю возможность понять, сколь низкого мнения авторы этих статей о произведениях представителей футуризма и имажинизма. Также кавычки могут способствовать выражению иронии за счет несовпадения семантической и прагматической составляющей фразы, служить для читателя сигналом того, что сказанное о противнике следует понимать в обратном смысле, как, к примеру, фразу в журнале «На посту» о стихотворении футуриста В. Каменского «Жонглер»: *Удивительный образец «полезной и целесообразной вещи»* [На посту 1923: 44].

Полемические скобки – (!?) или (!?) – при цитировании позволяют за счет экономии лексических средств достичь предельной концентрации в выражении негативных эмоций, вызванных словами оппонента, указать читателю на представляющуюся автору нелепость этих слов. В скобки также может заключаться комментарий, как правило иронический, к сказанному противником. Образцы выражения речевой агрессии с помощью скобок можно найти, например, в журнале «ЛЕФ»: *Футуризм ... представляет собою продукт окончательного разложения, гниения буржуазного строя, его империалистической (!?) стадии, а следовательно (хорошая диалектика!) является для всех империалистических стран буржуазным движением в искусстве* [ЛЕФ 1923: 15].

Интересно, что один из авторов журнала «Звезда» и сам заключает ироничный комментарий в скобки, и указывает на агрессивность такого приема, называя скобки оппонента *язвительными*: *Не совсем понятно только, почему ... т. Осинский, выступая против «квасных патриотов» пролетарской культуры и сопливеньких всякого рода (какова изысканность выражений!), ставит в язвительных скобках: «среди которых встречаются и бывшие меньшевики и декаденские стихотворцы»* [Звезда 1925: 290].

Мощным средством выражения речевой агрессии служит **многоточие**, которое дает возможность вовлечь в полемику читателя. Так, автор «ЛЕФа» использует многоточие на месте альтернативного определения: *А покрикивать на Маяковского и Винокура,*

истолковывая их отказ от избитой фразеологии, как отказ от самих понятий – или элементарная безграмотность, или же просто... [ЛЕФ 1923: 4], предлагая читателю самому подобрать нужное и, как он надеется, единственно верное определение моральных качеств своего оппонента. Так же поступает автор статьи в журнале «Печать и революция», предоставивший читателю возможность описать нелепое и смешное положение, в котором, как он считает, оказался его противник: В. Я. [Брюсов] метнулся от одного сиденья к другому, – и в результате... [Печать и революция 1923: 79].

Коллективный автор лефовской статьи «Полесмесь» «подталкивает» читателя к тому, чтобы тот представил на месте многоточия явно грубое, а возможно и нецензурное выражение: *Убирайтесь-ка вы ЛЕФЫ со своими теориями к...* [ЛЕФ 1923: 38]. Агрессивность данного приема усилена еще и тем, что эти слова вложены автором в уста оппонента.

Многоточие в полемике может не заменять собой слов, выражающих негативную оценку, а отделять их, создавая эффект неожиданности, например: *Как пышно, как богато выступает... пыль!* (Выше автор называет фамилии тех, кого он считает «пылью»: тов. Авербах, тов. Эфрос, тов. Вятч и др.) [Новый ЛЕФ 1927: 36].

Для выделения отдельных слов и фрагментов текста, содержащих речевую агрессию, полемисты используют **разные шрифты** и другие средства графического выделения. Так, для авторов журнала «На посту» характерно **подчеркивание**. Подчеркнутыми могут быть целые абзацы, например: Мы считаем своим долгом бороться не только с явно белогвардейскими и окончательно дискредитировавшими себя в глазах масс литературными течениями, но и с писательскими группировками, которые выступают под ложной маской революционности, а по существу являются реакционными и контрреволюционными [На посту 1923: 8].

Также используется подчеркивание выделенных жирным шрифтом подзаголовков статьи, часто содержащих негативные оценочные лексемы, например:

а) Рвотная порнография [На посту 1923: 19]

а) Лаконичная пошлятина [На посту 1923: 23]

III. Госпожа истерика [На посту 1923: 135]

Иногда выделенные слова складываются в самостоятельную фразу, выявляя таким образом негативную оценочность в концентрированном виде: *На ряду с разрывом социальных связей характерна для Маяковского какая-то особая чувствительность нервной системы. Не здоровый, хотя бы яростный гнев, не свирепая злоба, а какая-то*

издерганность, неврастения, истеричность [На посту 1923: 135] – не гнев, а истеричность. Тот же прием встречается в «ЛЕФ»: ***Футуристам отвечали цензурными усеками, запрещением выступлений, лаем и воем всей прессы*** [ЛЕФ 1923: 3] – футуристам отвечали лаем и воем.

На основе приведенных примеров можно сделать вывод о том, что часть графических средств обладает самостоятельной агрессивностью. Так, кавычки способны изменять смысл заключенного в них слова на полностью противоположный, выражая таким образом иронию и отрицательную оценку. Полемические скобки дают возможность автору сообщить читателю о своем несогласии с цитируемыми им словами оппонента, указать на их неискренность, абсурдность и прочие отрицательные качества, не прибегая ни к лексическим, ни к синтаксическим средствам негативной оценочности. Многоточие в том случае, когда оно заменяет собой агрессивное определение, позволяет автору не выходить за рамки вежливого диалога, а предоставить эту неблагодарную роль читателю.

Другая группа графических средств, таких как отделяющее негативизм многоточие, шрифтовые выделения и подчеркивания текста, способствует усилению агрессивности оформленных с их помощью фрагментов текста, уже содержащих агрессивные лексические элементы, то есть играет второстепенную роль. Однако наличие в тексте указанных графических элементов заставляет читателя акцентировать внимание на оформленной таким образом негативной информации, причем как при внимательном чтении полемики статьи, так и при беглом ее просмотре. Графические полемики средства – и обладающие собственной агрессивностью, и вспомогательные – способны активно транслировать читателю отрицательные смыслы, а потому их значение для повышения агрессивности полемики текста не следует недооценивать.

Список литературы

- Агрессия в языке и речи.* М.: РГГУ, 2004. 281 с.
- Воронцова Т. А.* Речевая агрессия: Вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет», 2006. 126 с.
- Зайцева С. Ю.* Цитата как сигнал полемики текста // Значение и смысл слова: художественная речь, публицистика / Под ред. Д. Э. Розенталя. М.: Изд. Моск. ун-та, 1987. 195 с.

Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак, 2009. 229 с.

Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие. 5-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 160 с.

Рао С. Оценка с помощью кавычек // Русская речь. 1996. №3. С. 50–52.

Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. М.: URSS: ЛКИ, 2008. 355 с.

Список источников

Пролетарская культура. 1919. № 7–8.

ЛЕФ. 1923. № 1, № 3.

Новый ЛЕФ. 1927. № 2, № 3.

На посту. 1923. № 1.

Звезда. 1925. № 1, 1926. № 1

Печать и революция. 1923. № 6.

Y. V. Yakovleva

Graphic Means of Expressing Verbal Aggression in Media Polemic in 1917–1932

The article considers various graphic means of expressing verbal aggression in polemic articles of the magazines *Proletarskaya Kultura*, *LEF*, *Novy LEF*, *Na postu*, *Zvezda*, *Pechat i revolyutziya* as a mean of increasing efficiency of polemic devices in written text during ‘literary’ discussions of the first decades after the October revolution of 1917.

Keywords: polemic; verbal aggression; graphic means; negative assessment; irony.

Вопросы преподавания русского языка

УДК 811.161.1 + 372.46

С. М. Евграфова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

К ПРОБЛЕМЕ КОГНИТИВНОЙ АДЕКВАТНОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА

Обсуждаются коммуникативные и когнитивные трудности обучения русскому языку. Вводится понятие когнитивной адекватности изложения учебного материала, которое применительно к изучению родного языка предполагает необходимость учитывать специфику его естественного освоения и обеспечивать отсутствие конфликта между представлениями о родном языке, вводимыми в школе, и индивидуальной языковой системой ученика. Сообщаются необходимые теоретические сведения; разбираются примеры когнитивно неадекватного подхода к изучению отдельных тем.

Ключевые слова: индивидуальная языковая система; когнитивная адекватность; когнитивная функция языка; коммуникативная функция языка; методика преподавания русского языка; освоение родного языка; педагогическая коммуникация; русский язык; эффективность обучения.

О понятии когнитивной адекватности

*...Педагог должен развивать, образовывать
и упражнять способности учащихся: наука
его тогда имеет свою цену, когда
прилична тем лицам, коим преподается.*

Ф. И. Буслаев ¹

Система обучения опирается на аксиому, согласно которой преподаватель может с помощью слов изменить картину мира ученика так, чтобы она совпала с его собственной. Поскольку проверить степень совпадения трудно, мы вынуждены опираться на еще одну аксиому, согласно которой способность ученика воспроизвести близко к тексту сказанное учителем или написанное в учебниках свидетельствует об успешном освоении новой модели мира.

¹ [Буслаев 1992: 27].

В реальности вербальные методы обучения обладают низкой эффективностью (см. об этом [Евграфова 2015 б; Евграфова 2016 в; Евграфова 2017 б]). Пытаясь повысить эффективность обучения, преподаватели стремятся предлагать для обсуждения актуальные темы, придумывать игровые методы, алгоритмы, рисовать диаграммы, схемы и даже комиксы, снимать фильмы. Несомненно, занятия становятся от этого ярче и интереснее, на положительном эмоциональном фоне материал лучше запоминается, но все-таки главная задача – сделать его понятным¹ для ученика – с помощью преобразования одной лишь *формы* не решается.

Понимание опирается на имеющуюся у воспринимающего картину мира. Основной принцип познания нового – это осмысление неизвестного с опорой на известное. Но в поисках опоры для следующего шага преподаватель должен понимать, что бытовые аналогии, выразительные картинки и тем более игровые приемы никак не заменяют базовых знаний.

Так, анализ популярной лекции известного физика Дмитрия Казакова о бозоне Хиггса² показывает, что – несмотря на удивительно «домашнюю» манеру речи – в определениях кварков и лептонов ученый опирается на такие базовые понятия, как элементарная частица, атомное ядро, электроны, протоны, нейтроны и типы взаимодействия между элементарными частицами. Если человек не имеет представления об этих понятиях, он в принципе не сможет понять выступление ученого.

Почему-то вопрос о базовых знаниях обсуждают только математики да физики, среди русистов это не принято, хотя в нашей науке действуют те же законы познания, что и в точных науках. Между тем в преподавании родного языка, который все ученики осваивают естественным способом, едва ли не львиную долю базовых сведений о предмете составляют умения и навыки (причем не всегда осознаваемые учеником и учителем), и поэтому проблема установления списка базовых понятий, на которые можно опираться, решается еще труднее, чем в точных науках.

Игнорировать проблему неопределенности базовых представлений, необходимых для полноценного и эффективного изучения родного языка, было бы странно. Поэтому введем понятие **когнитивной адек-**

¹ Упомянутые Г. Ч. Гусейновым «жадные грамотные» среди преподавателей практически не встречаются
[URL: <https://lenta.ru/columns/2010/02/15/letter/>].

² «ПостНаука» [URL: <https://www.youtube.com/watch?v=S7dTzbppz-k/>].
Дата обращения 03.01.2018].

ватности: изложение материала (а также методический прием, методика, урок, курс и обучение предмету в целом) является когнитивно адекватным, если не содержит отсылок к неизвестному, неопределенному. Иными словами, в объяснениях и определениях преподаватель может опираться на непосредственно наблюдаемое, на личный опыт учеников, а также на то, что всем им заведомо известно. Опора на то, что ученики должны были бы знать по программе, на то, что они могли бы вывести самостоятельно, на то, что противоречит их жизненному опыту и проч., делает изложение **когнитивно неадекватным** и с большой степенью вероятности может привести учеников к неверным выводам.

К сожалению, в школьном курсе русского есть немало тем, изложенных когнитивно неадекватно (о проблемах представления темы словообразования в школьном курсе русского языка см. [Евграфова 2017 а]). Рассмотрим еще несколько примеров.

Парадоксы освоения русского языка в школе

Парадокс 1. Ошибки в заданиях на употребление деепричастного оборота. Любой учитель, проверявший ЕГЭ, знает, что правильно выполненное задание на употребление деепричастного оборота не исключает появления таких же ошибок в тексте эссе. Это – результат когнитивно неадекватного обучения.

Дело в том, что деепричастный оборот – это конструкция, практически не употребляемая в разговорной речи, хотя в письменной речи она встречается часто и потому пассивно знакома школьникам. Деепричастные обороты начинают изучать в седьмом классе, причем вначале вводят теоретическое определение этой формы глагола (или особой части речи).

При выполнении заданий на определение деепричастий в тексте ученики, даже старшекласники, нередко называют их причастиями (смешивают термины *причастие* и *деепричастие*¹) или глаголами (осознается способность деепричастия называть действие). Иными словами, идея того, что деепричастие, будучи обстоятельством, является «признаком действия», осваивается очень плохо: в сознании носителя языка деепричастие – это второстепенное действие, которое семантически, а не формально соотносится с главным действующим

¹ Кстати, практически никто не пытается ставить запятые вокруг деепричастных оборотов, руководствуясь правилами обособления причастных, то есть пишущие ориентируются не на знание терминов, а на сущностные признаки слов.

лицом (ср.: «подлежащее основного глагола должно совпадать с субъектом действия, выраженного деепричастием»).

Здесь структура правила, очевидно, вступает в противоречие с методами естественного анализа языкового материала: мы легко можем отслеживать либо формальные, либо семантические связи объектов, но нам трудно неосознанно делать обе операции одновременно, особенно если параллельно выполняются иные задачи – например, пишется сочинение.

Очень важно вначале ввести деепричастные обороты в речь: надо целенаправленно предъявлять ученикам языковой материал, позволяющий увидеть в этих оборотах способ сокращения длинных синтаксических конструкций; деепричастие должно восприниматься как возможная замена придаточного времени, которая позволяет бессоюзно передать предшествующее или одновременное действие:

Когда он вышел из дома, он вспомнил, что... → Выйдя из дома, он вспомнил, что...

Когда он шёл по улице, он встретил школьного друга → Идя по улице, он встретил школьного друга.

Деепричастный оборот начинают изучать через много лет после того, как ученики стали сталкиваться с этими конструкциями в текстах, причем далеко не всегда они употреблены там правильно. В результате ребенок сам выводит правило, которое, как впоследствии оказывается, противоречит норме. Когда приходит время учить правила из учебника, они вступают в конфликт с тем, что сложилось в процессе естественного освоения хаотичного языкового материала.

Мы видим, что методика преподавания должна учитывать процессы естественного освоения языка, – в противном случае возникает **когнитивный конфликт между индивидуальной языковой системой ученика и нормативной грамматикой**, из-за чего эффективность обучения снижается.

Парадокс 2. Ошибки в заданиях на обособление причастного оборота. Когнитивный конфликт между индивидуальной языковой системой ученика и «внешней грамматикой» – не единственная форма неадекватности преподавания родного языка.

Учителя прекрасно знают о том, что в одном и том же классе ученики примерно одного уровня часто допускают *разные* ошибки на одно и то же правило. Учителя обычно склонны считать, что ученики просто учили правило невнимательно.

Рассмотрим несколько потенциально возможных ошибок в заданиях на оформление причастного оборота (все они встречались в моей практике).

а) Мы увидели красивый **дом**◦ стоящий на берегу пруда◦ и направились к нему.

б) Мы увидели красивый **дом**, стоящий на берегу пруда◦ и направились к нему.

в) Мы увидели, стоящий на берегу пруда, красивый **дом** и направились к нему.

г) Я с грустью смотрел на этот, уплывающий от нас, **остров** и вспоминал **всё**, пережитое здесь.

д) Мы залюбовались красивым **домом**, стоящим на берегу пруда, и захотели рассмотреть его вблизи.

е) Я с грустью смотрел на **остров**, уплывающий от нас, навсегда.

Напомним: причастия малоупотребительны в разговорной речи и потому знакомы ученикам пассивно. Поэтому, чтобы освоить правило обособления причастного оборота, ученик должен знать и уметь следующее.

1. Уверенно узнавать причастия в тексте и уметь отличать их от прилагательных (это полезно для освоения некоторых орфографических правил) и деепричастий (правила обособления причастных и деепричастных оборотов различны).

2. Уметь видеть все слова, зависящие от причастия (они входят в состав причастного оборота).

3. Понимать признаковую природу причастия и его родство с прилагательным, поскольку с этим связано умение искать определяемое слово.

4. Знать, что причастный оборот выделяется запятыми (а не отделяется запятой от определяемого слова).

5. Знать правило выделения / невыделения причастного оборота в зависимости от его позиции по отношению к определяемому слову и от морфологических характеристик определяемого слова.

Заметим, что знание правила (пункт 5) бесполезно, если ученик не освоил первые четыре пункта. Кроме того, все необходимые знания и умения должны стать отработанным навыком, то есть их нужно полностью автоматизировать, иначе пишущий, решающий другие задачи (например, думающий о содержании написанного) может забыть о необходимости применять соответствующие знания и умения.

Известно, что далеко не все узнают причастия и деепричастия в тексте. При этом ученики легче всего опознают причастия с суффиксами *-ущ-* / *-ющ-* и *-ащ-* / *-ящ-*, хуже всего – причастия с суффиксом *-т-* типа *сшитый*, а причастия с суффиксом *-нн-* часто смешивают с прилагательными (то есть ведущим признаком является формальный –

наличие определенного суффикса, а не семантический – признак по действию).

При неверном определении формы причастия чаще называют прилагательными, то есть осознается их признаковая природа. В наших примерах представлены самые легкоопределимые формы причастий, то есть с пунктом 1 трудностей не возникает. Попробуем интерпретировать типы ошибок.

В примере (а) мы наблюдаем либо сознательное пренебрежение пунктуацией как таковой (очень часто встречается у современных студентов, привыкших к гаджетам), либо полное неумение узнавать в тексте пунктуационно значимую конструкцию (пункты 2 и 3 встречаются редко).

В примере (б) пишущий отреагировал на пунктуационно значимую конструкцию, но у него, скорее всего, не выработан рефлекс закрывать конструкцию с парными запятыми (пункт 4; иногда учителя не акцентируют внимание учеников на том, что в русской пунктуации выделяющие знаки – парные, и этим они принципиально отличаются от разделяющих). Гораздо менее вероятно, что пишущий не знает правила (если спросить, почему стоит запятая после слова *дом*, вы почти наверняка услышите, что здесь причастный оборот после определяемого слова). Впрочем, не исключено также, что у пишущего не выработана привычка автоматически отслеживать синтаксические связи в предложении (пункт 2).

Пунктуация, представленная в примере (в), демонстрирует, что пишущий научился узнавать и выделять пунктуационно значимую структуру, но не освоил основное правило (пункт 5), а пунктуация в примере (г) свидетельствует о том, что учитель не уделит должного внимания частностям и тонкостям, которые имеются в полной версии правила (пункты 3 и 5).

Пунктуацию из примера (д) пишущие обычно объясняют пресловутым уточнением, ссылаясь на которое свидетельствует о том, что человек не обучен различать семантические и синтаксические связи между словами в предложении (пункт 2).

В примере (е) пишущий не понимает природу синтаксических связей между словами в предложении (пункт 2).

Таким образом, мы видим, что «недоученность правила» в собственном смысле слова – далеко не единственная причина ошибок. Иногда учитель игнорирует при проработке материала кажущиеся ему не существенными детали, но чаще не корректирует методику преподавания, даже если замечает, что ученики не чувствуют синтаксических связей между словами в предложении.

Непонимание природы семантических и синтаксических связей между словами в тексте создает в процессе обучения трудновосполнимый **«когнитивный пробел»** (сопоставим с незнанием таблицы умножения в математике). Если он не будет восполнен, освоение русской пунктуационной системы становится для ученика практически невозможным.

Чтобы этого не случилось, учитель должен с первого класса ненавязчиво, задолго до того, как программа потребует умения разбирать предложение по членам, приучать учеников задавать вопросы к словам, искать иерархические и иные связи между ними.

Невнимание к синтаксису в начальной школе – это яркий пример общей **когнитивной неадекватности обучения русскому языку**. Уделяя большое внимание чтению, учителя учат орфографии и пунктуации, не придавая значения тому, что каждое прочитанное предложение (будь то недопонятое стихотворение Пастернака или скверно написанный текст из учебника по окружающему миру) автоматически становится языковым материалом и обрабатывается механизмами естественного освоения родного языка. Рассмотрим этот важнейший процесс более подробно.

Теоретические аспекты проблемы

Вопросами естественного освоения родного языка занимается онтолингвистика, в которую внесли значительный вклад и психологи (Ж. Пиаже, Л. С. Выготский, Н. И. Жинкин, А. А. Залевская и др.), и лингвисты, сфера интересов которых лежит в области психолингвистики и изучения детской речи (Р. Якобсон, А. Н. Гвоздев, Н. И. Лепская, С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеева и мн. др.). Наиболее исследованными являются особенности речевой деятельности и процесс формирования языковой системы дошкольников, однако психолог Б. Г. Ананьев показал, что активное развитие речи продолжается как минимум до 40–45 лет [Ананьев 1968]. Поэтому большой интерес представляет изучение особенностей речи подростков (см. [Седов 2016; Береснева и др. 1995; Овчинникова и др. 2000]) и взрослых (см. частные аспекты проблемы в [Евграфова 2010; Евграфова 2015 б; Евграфова 2016 в; Евграфова 2017 б]).

Естественное освоение языка. Этот важнейший процесс начинается с первых дней жизни; об основных этапах становления речевой коммуникации см. [Лепская 2013]. Для нас очень важно следующее.

1. Необходимым условием для речевого развития является желание ребенка общаться с окружающими (фатический аспект коммуни-

кации). Положительные эмоции стимулируют это желание, отрицательные – гасят (эмоциональный аспект коммуникации).

2. Ребенок осваивает язык в диалоге; поощрение речевой активности со стороны взрослых становится для него стимулом к дальнейшему речевому развитию.

3. То, что ребенок слышит от окружающих (*языковой материал* – термин Л. В. Щербы, см. [Щерба 1974: 25]; в онтолингвистике также *инпут*), становится для него источником информации о том, как можно реализовать свое желание потребовать что-то от окружающих, сообщить им нечто или задать им вопрос. При освоении письменной формы речи языковым материалом становится также все, что человек читает: художественная литература, учебники, переписка с друзьями в чатах и проч.

4. Перерабатывая эту информацию, ребенок начинает строить сообщения; при переработке он может предпочитать коммуникативно ориентированную (имитирующую) или когнитивно ориентированную (аналитическую, классифицирующую) стратегию или чередовать и совмещать их (см. [Доброва 2012; Евграфова 2016 б: 263]). Имитация облегчает процесс порождения речи, а анализ обеспечивает понимание (см. [Елисеева 2015; Бровко 2013]).

5. Огромную роль в освоении языковой системы играет так называемая языковая рефлексия – способность осмысливать процессы коммуникации и наблюдаемый языковой материал; при этом прямые указания окружающих на неправильность грамматических форм или норм речевого поведения ребенок может игнорировать, потому что остро ощущает отличие «своей» (понятной) языковой системы от «чужой» (непонятной) – см. [Евграфова 2016 б: 258].

6. Постепенно в результате запоминания и переработки языкового материала у ребенка складывается собственный лексикон и собственные представления о правилах речевого поведения и правилах построения высказываний. Лексикон и представления о нормах речевого поведения зависят преимущественно от социального окружения, а адекватность усвоения грамматики – от когнитивных способностей личности.

7. Ребенок осваивает языковую систему родного языка постепенно: к пяти годам – практически всю фонетическую систему, к моменту поступления в школу – всю морфологию и словообразование (начав с регулярных форм, они переходят к нерегулярным, преодолевают этап использования ошибочных форм и словообразовательных инноваций, см. [Цейтлин 2013]). Сейчас, в условиях виртуализации процесса освоения языка, даже у старшекласников наблюдается не-

полное освоение морфологии и словообразования – см. примеры в [Евграфова 2014].

8. Лексикон пополняется практически всю жизнь, до тех пор пока человек продолжает познавать окружающий мир. Любой человек (а тем более ребенок) не всегда понимает значение всех слов, которые он использует в речи: он может просто имитировать услышанное. Ассоциативные связи у лексемы в сознании ребенка беднее, чем в сознании взрослого, и не всегда корректны (то же наблюдается у взрослых, которые начинают изучать язык новой специальности).

9. Освоение синтаксиса начинается с того, что ребенок переходит от голофразы (словоподобный звуковой комплекс, выступающий в качестве ситуативно обусловленного имени ситуации; см. [Лепская 2013: 36]) к расчлененному высказыванию, в котором обозначаются действующее лицо и его действие / состояние / качество; несколько позже появляются объект действия, место, инструмент. Это, несомненно, речевое отражение когнитивного процесса: ребенок познает отношения между реальными объектами. В русском языке обозначение этих отношений при описании несложных ситуаций обеспечивает морфология и предлоги (*Мама готовит обед-□ на кухне; Мамина шуба красивая; Папа забил-□ гвоздь-□ молотком* и т. п.). Эти простейшие схемы предложений могут осваиваться даже через имитацию.

10. Более сложным является освоение искусства связывать между собой предложения. Первый толчок к этому дает диалог (*Вкусные котлеты? – Вкусные. – Скажи бабушке спасибо, что она такие вкусные котлеты приготовила* и проч.); следующий – первичное приобщение к литературе (сказкам, рассказам о животных и проч.): ведь синтаксис диалога и разговорного монолога существенно отличается от наших представлений о нормативно построенном предложении (ср. *Петь, тебе с макаронами? Я сварила. Или салат будешь?* и *Мама спросила Петю, с чем он будет есть котлеты, – с макаронами или с салатом*). Для активизации новых синтаксических конструкций необходимо обсуждать и пересказывать прочитанное, стимулируя речевую активность ребенка.

11. В процессе освоения сложных синтаксических конструкций важную роль играют развитие логического мышления и умение пользоваться связующими элементами – коннекторами, причем, как показывают наблюдения, постижение семантики отношений обычно отстает от внешних форм (вводные слова, частотные союзы появляются в речи раньше полноценного представления о выражаемом ими смысле). Но все-таки к первому классу ребенок активно и осмысленно использует придаточные с наиболее распространенными союзами и союзна-

ми словами (определительные с *который*, временные с *когда* и даже причинные с *потому что*), хотя при этом может смешивать причины, условия и цели (например, на вопрос *Почему ты ударил Васю?* может ответить *Чтобы он с Димой не играл!*).

12. Способность логически и композиционно выстраивать монологическую речь не формируется автоматически; ей надо целенаправленно обучать.

Итак, в процессе естественного освоения языка у ребенка развивается и способность мыслить, и способность выражать свои мысли, причем развитие языка и мышления идет разными темпами: вначале мышление опережает язык, затем, когда ребенок обретает способность воспринимать через речь то, чего не воспринимает органами чувств, речь начинает влиять на развитие мышления.

Взрослые часто полагают, что речь адекватно отражает уровень развития мышления, но это не так: имитируя, воспроизводя речь взрослых и прочитанные тексты, ребенок может сказать то, чего сам не понимает; и наоборот, иногда он не может выразить свои наблюдения и гипотезы (это существенно затрудняет контроль освоения материала). Поэтому важно понимать, как именно язык выполняет две свои основные функции – когнитивную и коммуникативную.

Коммуникативная и когнитивная функции языка. Мы будем исходить из того, что **коммуникативная** функция языка ориентирована на *взаимопонимание* участников общения, а **когнитивная** необходима для того, чтобы человек мог осознанно *обозначить* противопоставляемыми друг другу языковыми средствами *те объекты, которые он научился различать*.

Коммуникация предполагает наличие совместимых представлений об окружающем мире (о предметах, явлениях, человеческих взаимоотношениях и стандартах поведения) и в простейших случаях может осуществляться без вербальной составляющей (о невербальной коммуникации см. [Крейдлин 2004]); однако в более сложных видах совместной деятельности обязательно наличие ситуативно необходимого общего базового словаря, а это означает, что без когнитивной основы полноценная коммуникация невозможна.

Хотя из двух основных функций языка, коммуникативной и когнитивной, гораздо чаще обсуждается коммуникативная, известный психолог Т. В. Черниговская, комментируя сборник своих работ, описавших наиболее весомые исследования языка и сознания, которыми она занималась в течение сорока лет, сочла важным заметить: «Возможно, стоит еще раз прислушаться к Хомскому, считающему, что язык для коммуникации не так уж хорошо приспособлен, а сформиро-

вался главным образом для структурирования мышления, то есть для процессов “внутренних”; коммуникативная функция в этом случае является как бы побочным продуктом» [Черниговская 2017: 13].

Ведущую роль в реализации когнитивной функции родного языка играет способность присваивать имена любым объектам, их признакам, отношениям между ними и проч. Это свойство дополняет базовую интеллектуальную способность человека к распознаванию образов: сопоставляя сходные объекты и выявляя их сходства и различия, человек стремится эти сходства и различия обозначить. Иными словами, когнитивная функция языка заключается в том, что он фиксирует некую модель картины мира. Наблюдение, сопоставление, выявление сходств и различий, называние – так появляются и научные термины, и удачные писательские словесные «изобретения», и точно так же придумывает свой собственный язык маленький ребенок, только начинающий осваивать язык своих родителей (см. об этом [Евграфова 2015 а; Евграфова 2016 б]).

Более глубокое познание предмета заставляет ученого изобретать новые термины (ср. *слово* – *словоформа* – *лексема* и проч.). Осмысливая свое представление о гениальном писателе, Людмила Улицкая сформулировала его так: «Нечто, бывшее в языке невыразимым, гений переводит в область выразимого – и человеческое сознание расширяется, пройденное гением расстояние становится доступным для людей посредственных»¹. Далеко не каждое «изобретение» имеет шанс на выживание, поскольку любое наименование как вербализованный результат познания обретает социальный смысл только в коммуникации, где регулирующую функцию играет возможность взаимного понимания [Гавранек 1967: 339].

Из поколения в поколение накапливаются и шлифуются кусочки словесной мозаики, формируя причудливое панно национального лексикона, который – благодаря тому, что все, единожды сказанное, может быть сообщено другому, – через речь передается по наследству потомкам. Параллельно с лексикой мы неосознанно осваиваем и способности понятного окружающим, а значит, правильного соединения слов. Впрочем, не следует забывать и о том, что в коммуникации принято выделять три основных аспекта – предметно-содержательный, «который принято называть сообщением», фатический и эмоциональный; ведущую роль играет предметно-содержательный (см. [Лепская 2013: 18]). Для полноценного взаимопонимания нужно учитывать не только имеющий под собой когнитивную основу предметно-содержательный

¹ Л. Улицкая. Священный мусор. М.: Астрель, 2012. С. 34.

аспект, но и два других – фатический (сигнализирует о желании / нежелании общаться) и эмоциональный.

В процессе обучения и, шире, социализации в рамках определенного языкового сообщества люди оценивают эффективность мышления друг друга не только по поступкам, но и по умению вербализовать свои мысли: незнание общепринятых слов, неумение их корректно употреблять становится показателем незнания, неумения думать и рассуждать, даже необучаемости¹. Психологи, занимающиеся измерением интеллекта, среди семи базовых интеллектуальных способностей человека выделяют две, связанные с речью: одна из них – способность мысленно представлять описываемые словами реальные события, а другая – способность бегло подбирать слова, описывающие мысленный образ [Холодная 2002: 17].

Итак, язык является *естественным* инструментом познания и описания мира. Познание начинается с распознавания и сопоставления; в психологии есть понятие *готовность понятийной категории*: оно означает, что человек научился распознавать некий объект по внешним признакам, отличает его от других, в чем-то сходных (общепринятого названия при этом он может не знать, и если вдруг узнаёт его, то испытывает облегчение, подобно пушкинской Татьяне: «Ужели слово найдено?»).

Однако в современной виртуальной цивилизации слово как звучащий (а в школе еще и как имеющий определенную графическую форму) элемент появляется в сознании ребенка намного раньше, чем для него подготовлена понятийная категория, причем такие «слова без значения» могут быть достаточно частотными в инпуте. Незнакомые слова нередко привлекают своей звучностью, модой на их употребление в значимой для человека социальной группе; они начинают использоваться в коммуникации (см. примеры в [Евграфова 2014; Евграфова 2015 г]), но не могут выполнять необходимые когнитивные функции. В индивидуальном лексиконе такие «слова без значения» включаются в когнитивную систему ассоциативно, иногда через случайные ассоциации, они не встраиваются в нужные фреймы, что приводит к существенным отклонениям индивидуального лексикона от идеального (который мыслится нами как часть языковой системы), затрудняет когнитивное развитие личности и нередко приводит к явным и недиагностируемым коммуникативным неудачам (см. [Евграфова 2015 б]).

¹ Изначально тестирование интеллекта, в котором важную роль играет умение оперировать лексическими единицами, было задумано как средство отсеять тех, кто не сможет учиться в школе.

Добавим, что языковая система устроена асимметрично: в процессах понимания ведущую роль играют мышление (знание реальных объектов и понимание отношений между ними) и знание способов номинации этих объектов и отношений (то есть богатство лексикона, причем особо следует отметить освоенность предикативной лексики), а в процессах порождения высказывания на первый план выходит сформированность навыка использования синтаксических шаблонов, без которых возможности выражения мысли, суждения крайне ограничены.

Методологические проблемы обучения родному языку. Существующие методики обучения русскому языку как родному стремятся сообщить ученикам сведения об устройстве русского языка и правилах правописания, но не учитывают, что русский язык является для его носителя (1) средством естественной коммуникации, реализующим свою коммуникативную функцию; (2) инструментом, с помощью которого человек познает окружающий мир, в том числе и сам язык (при этом реализуется когнитивная функция), и только в последнюю очередь – (3) объектом научного изучения и нормативного описания (когнитивная функция реализуется через коммуникативную).

В процессе обучения сосуществуют два вида деятельности: (1) деятельность педагога, основная цель которого является объективно-прагматической (зачем знание будет нужно ученику в его будущем социальном бытии), и (2) деятельность ученика, основная цель которого является субъективно-прагматической (зачем это нужно лично ему в его сиюминутной или хотя бы осознаваемой им реальности). Составители учебников исходят из требований образовательного стандарта, который ориентирован только на объективную прагматику и научные представления о предмете. Ученик же, особенно ребенок, воспринимает лишь то, что пробуждает его природную любознательность, или повышает его самооценку, или способствует его признанию в той социальной среде, которая для него важна.

Стремясь достичь своих субъективно-прагматических целей, человек всегда использует родной язык, но, оказавшись в школе, ребенок сталкивается с новой социальной, языковой и познавательной средой, в которой его опыт оказывается недостаточным, что неизбежно вызывает стресс и требует действенной помощи со стороны взрослых – родителей и педагогов.

Помимо социально-психологической адаптации, ребенок нуждается в речевой адаптации. Ему приходится осваивать новые модели речевого и неречевого поведения (социально-коммуникативный аспект адаптации), новую форму коммуникации – письмо, новые речевые

жанры (коммуникативный аспект адаптации; об освоении речевых жанров в школе см. [Седов 2016]); на него обрушивается огромное количество новых слов (когнитивный аспект адаптации). Ввиду необходимости речевой адаптации обучение родному языку должно играть в начальной школе ведущую роль, однако уроки русского языка и риторики (такой предмет представлен, например, в программе Бунеевых) ориентированы не на речевую адаптацию, а на сообщение новой информации и новых непонятных слов, что лишь усиливает стресс.

Таким образом, мы видим, что при изучении родного языка в школе ребенок неизбежно сталкивается с когнитивными и коммуникативными трудностями.

Основная **когнитивная трудность обучения** заключается в том, что ученику *извне* навязывается необходимость различения объектов, которые он сам различать не научился и даже не видит в этом необходимости; это касается, в частности, терминологии. Знакомство с понятием в этом случае начинается со знакомства со словами, а не с тем, что эти слова обозначают. Этот путь намного сложнее; в естественном освоении языка мы сталкиваемся с ним, знакомясь с абстрактными понятиями (см. [Успенский 1979]). При некорректном введении грамматической терминологии она превращается в упоминавшиеся выше «слова без значения», что существенно снижает эффективность обучения русскому языку как предмету.

Коммуникативные трудности обучения связаны, во-первых, с несоблюдением режима речевой адаптации (взрослый не всегда осознает все аспекты своего речевого поведения, и ему трудно перестать использовать непонятные для ребенка слова; к тому же учитель вынужден опираться на тексты учебников, в которых непонятных слов еще больше), а во-вторых, с вынужденным характером самой педагогической коммуникации (ср. взаимоотношения учителя и ученика в школе и пп. 1 и 2 в перечне особенностей процесса естественного освоения языка).

При этом за преодоление всех этих трудностей отвечает только учитель: в учебниках принцип понятности изложения реализуется не всегда удовлетворительно, а ученики не обладают достаточным опытом общения, чтобы осознанно регулировать собственное речевое поведение и тем более просить учителя о помощи. Сами учителя тоже не всегда понимают, когда нужно и как можно скорректировать учебный материал и способы его подачи.

Цели обучения русскому языку и трудности обеспечения режима речевой адаптации. На уроках русского языка традиционно смешиваются принципиально различные цели: (1) научить нормированной письменной форме речи, а в частности – орфографии и пунктуации,

(2) подготовить ученика к будущей общественно полезной деятельности, для которой ему необходимо освоить небытовые сферы употребления родного языка, (3) продемонстрировать богатство русского языка как части национальной культуры, (4) дать теоретические сведения о русском языке как предмете научного изучения.

Совершенно очевидно, что совместить на одном уроке все четыре аспекта практически невозможно. Поэтому второй аспект отдан на откуп учителям-предметникам, третьим (если удастся) занимаются на уроках литературы, которые чаще, увы, посвящены обсуждению историко-литературных вопросов, а не языка литературных произведений. Первым аспектом учителя занимаются постоянно, чередуя его с четвертым. Теория при этом, разумеется, нуждается в речевой адаптации, и здесь возникает множество сложностей, которые авторы учебников и учителя пытаются разрешить в ущерб когнитивной адекватности изложения.

Яркий пример – изучение фонетики в начальной школе. Оно начинается в первом классе на фоне освоения орфографии. Не будем подробно разбирать, как решается эта проблема в различных учебниках (это потребовало бы слишком много времени), – отметим лишь несколько принципиальных деталей.

К первому классу ребенок с нормальным развитием речи полностью овладевает фонетической системой родного языка: он умеет всё произносить и осознает системные противопоставления звуков (способен, например, осознать шутку «Коль, тебе кол!»). Если с ним стоит говорить о фонетике, то лишь ради того, чтобы научить его слушать (позже орфография заслонит и вытеснит звуковой облик слова; мне постоянно приходится заново учить первокурсников слышать мягкое [с'] в слове *стена*).

Орфографии первоклассник еще не знает, но многие знакомые слова уже радостно пишет: в старшей группе детского сада пятилетние дети хвастаются друг перед другом умением что-нибудь написать – свое имя, слова *мама, папа, море* и проч. Но слово для них – иероглиф, в котором они хорошо запоминают начальные буквы (девочка Вероника подписывает открытку «Вераинка»).

У первоклассников не созрела понятийная категория, которая могла бы им освоить идею сильных и слабых позиций фонемы, и большой вопрос – надо ли им о них узнавать именно в первом классе. Еще менее ясно, зачем им нужно мучиться и запоминать не только орфографическую форму слова, но и искаженную транскрипционную запись (мой сын задавал мне в первом классе вопрос: «Так как же все-таки пишется слово *вода* – через *о* или через *а*, как в транскрипции?»). И совсем дико выглядит идея разрешать писать слова с пропусками на

месте фоном в слабой позиции, поскольку при этом разрушается зрительный образ слова.

Однако учебники, а вслед за ними учителя вводят огромное количество ненужных терминов, смешивают графический и фонетический образы слова (выражения *звук А, звук О, слог БА* постоянно встречаются в учебниках, иначе их просто не запишешь, и у детей на всю жизнь остается скверная привычка смешивать звуки и буквы).

Попытка соединить теоретически обоснованный подход и практические цели обучения всегда порождает вопрос о том, как добиться когнитивной адекватности изложения материала, но общество пока не осознало того, что это системная задача, требующая серьезного комплексного исследования.

Общественная значимость проблемы

Систему школьного обучения вообще и русскому языку в частности критикуют давно и обоснованно, а потому примем за аксиому утверждение, что эффективность обучения русскому языку сейчас существенно ниже, чем в советские времена. Основное, чему всегда учат в школе, – это правописание, но даже с этим она сейчас не справляется. Если среднестатистический выпускник школы 1970–80-х гг. писал сочинение в 600 слов с двумя-тремя орфографическими, двумя-тремя пунктуационными и тремя-четырьмя речевыми ошибками, а отличник вполне мог работать корректором, то сейчас работать корректором под силу не каждому дипломированному филологу, а упомянутое выше количество ошибок нынешний среднестатистический абитуриент делает в эссе на 150 слов. Умение четко и ясно выражать свои мысли тоже деградировало, и это осознают даже сами пишущие (см. [Евграфова 2015 г]).

Основные **причины снижения эффективности обучения русскому языку** – это цивилизационно-социальные изменения (см. [Евграфова 2015 в]) и неудачные реформы образования, первая из которых, направленная на интенсификацию обучения, началась еще в конце 1960-х гг., а вторая, направленная на его технологизацию и на стандартизацию контроля, продолжается до сих пор.

1. **Цивилизационный фактор.** Современная коммуникация сделала процесс освоения лексики более виртуальным: слова звучат по радио, по телевидению, а не в реальной речи, сопровождающей совместную деятельность. В результате этого слово запоминается в синтаксическом и – в лучшем случае – визуальном контексте, но не стано-

вится «живым поликодовым гипертекстом» (термин А. А. Залевской – [Залевская 2013]).

Кроме того, в СМИ, которые раньше были образцом устной формы литературной речи, сейчас преобладает спонтанная (или плохо подготовленная) устная речь, которая отличается принципиально иным синтаксическим строением и пополняет языковой материал, воспринимаемый носителем языка, не эталонными, а ошибочными формами. Огромное количество языкового материала, некорректного с точки зрения норм литературного языка, носители языка получают в интернет-пространстве, и это отрицательно влияет на освоение письменной речи, которая прежде формировалась в школе и в процессе чтения художественной литературы. Классическая литература далеко не всегда понятна современному школьнику (это снижает ее популярность), а современные писатели находятся в поиске своего «я» и далеко не всегда стремятся к соблюдению языковых норм.

Диалоги в интернет-среде активизируют любые – модные и случайные – некорректные формы. Общение через средства мобильной связи, требующие еще и лаконичности, вводят в активную речевую практику большое количество не соответствующих стандарту приемов (отсутствие знаков препинания, произвольные сокращения и проч.). В этих условиях учить русскому литературному языку стало намного труднее, тем более что и учитель сам подвержен влиянию всех названных цивилизационных факторов.

2. Социальный фактор. В современных цивилизационных условиях только школа (и иногда семья – если родители владеют литературной речью и стремятся научить ей своего ребенка) остается основным фактором, поддерживающим авторитет литературного языка. Более того, уважение к учителю, готовность следовать его советам являются очень важными условиями для освоения любого учебного материала, поскольку сама педагогическая коммуникация требует преодоления естественного сопротивления ребенка (см. ниже).

Однако безусловное превосходство детей в освоении технологий порождает у них пренебрежение к советам и опыту старших и разрушает традиционные культурные ценности (это явление известно антропологам, которые исследовали процессы, происходившие при столкновении различных культур аборигенов с европейцами [Мид 1988]). К тому же культ богатства и процветания, свойственный современному обществу, способствует тому, что учитель стереотипно воспринимается (не только детьми, но и их родителями) как неудачник, и было бы странно, если бы дети стали выбирать в качестве образца для подражания именно учителя, даже самого лучшего.

3. Влияние образовательных реформ на процесс освоения родного языка. Реформа конца 1960-х гг. была направлена на то, чтобы ввести в школьную программу огромное количество новых, более современных знаний, и тогда было решено отказаться от традиции вырабатывать «скучные» навыки, поскольку они якобы могут сформироваться сами по себе.

Выработка любого навыка – будь то навык узнавания облика знакомого слова, или освоение рукописного начертания буквы, или запоминание написания словарного слова – требует определенного времени и сохраняется только при регулярном употреблении. А если базовый навык не выработан, то дальнейшее когнитивное развитие невозможно.

Как нельзя быстро упростить сложное алгебраическое выражение, не зная таблицы умножения и формул сокращенного умножения, так же нельзя прочитать сложный текст или понять университетскую лекцию, не научившись контролировать полноту понимания простенькой детской сказки (а скорость чтения текста, которую любят отслеживать методисты, о понимании не говорит ничего). Без приобретения определенных навыков становится невозможным само вербальное обучение; при этом предварительные исследования (см. [Евграфова 2015 б; Евграфова 2016 в; Евграфова 2017 б]) показывают, что выпускники современной школы плохо владеют техниками работы с текстом и обнаруживают настолько низкий уровень понимания учебно-научного текста, что эффективность вузовского обучения вызывает большие сомнения.

Обсуждая инновации в обучении русскому языку, Л. В. Занков критиковал методистов старого толка и, в частности, предлагал отказаться от традиционных изложений и сочинений ради устного обсуждения актуальных событий [Занков 1970: 8]; по сути дела, он не видел необходимости ни в том, чтобы специально учить детей выражению чужих мыслей собственными словами, ни в том, чтобы целенаправленно учить их выражению собственных мыслей, используя письменную форму литературного языка. Такой подход к обучению родному языку когнитивно неадекватен: активизация речевой активности необходима, но не может быть поставлена в один ряд с формированием важнейшего навыка пересказа, формирующего у ребенка контроль за пониманием услышанного.

Что касается современных реформ, то они изначально были ориентированы на то, чтобы приблизить отечественную модель образования к европейской, – в результате появилась тестовая форма экзамена, которая заслуживает особого разговора. Использование модных компью-

терных технологий, само по себе открывающее для преподавателя дополнительные возможности, не улучшает содержания учебного материала, а лишь способствует закреплению тестовой формы, причем в первую очередь – его самой вредной разновидности, предполагающей выбор правильного ответа. К тому же из-за применения компьютера в педагогической коммуникации снижается роль живого общения, а это плохо влияет на развитие речи ученика.

Таким образом, все осуществленные в последние 50 лет образовательные реформы не были направлены на преодоление отрицательного воздействия цивилизационных факторов, а лишь нарушили существовавший раньше баланс между естественными познавательными процессами и педагогическими технологиями.

Итак, мы видим, что сейчас внешние условия для освоения родного языка намного менее благоприятны, чем были раньше. Поэтому роль правильной организации когнитивных процессов ученика – в особенности на уроках русского языка – возрастает многократно. А следовательно, учитель-русист должен хорошо представлять себе, что ученик усваивает в процессе естественной коммуникации, а что он должен получить на школьных уроках родного языка. Незнакомство с этой сферой научных исследований порождает когнитивные ошибки в построении отдельных уроков и учебных пособий.

Таким образом, проблема когнитивной адекватности изложения материала должна стать как предметом научного изучения, так и обязательным учебным предметом, который должны осваивать будущие педагоги.

Список литературы

Ананьев Б. Г. Онтогенетическая эволюция психофизиологических функций человека // *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. С. 133–154.

Береснева Н. И., Дубровская Л. А., Овчинникова И. Г. Ассоциации детей от шести до десяти лет: ассоциативное значение слова в онтогенезе. Пермь: Изд. ПермГУ, 1995. 254 с.

Бровко Е. Л. Ваня и Лиза: два пути в синтаксис // Санкт-Петербургская школа онтолингвистики. СПб.: Изд. РПГУ им. Герцена, 2013. С. 8–17.

Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка. М.: Просвещение, 1992. 511 с.

Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 338–377.

Доброва Г. Р. Креативность языковой личности в аспекте вариативности речевого онтогенеза // Лингвистика креатива-2: Коллективная монография / Под общей редакцией Т. А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2012. С. 33–48. [URL: <http://www.ontolingva.ru/sotr/dobr.htm>. Дата обращения: 03.01.2018].

Евграфова С. М. Речевые погрешности в мемуарах и речевое развитие личности // Международная конференция «Маргиналии-2010: границы культуры и текста», Каргополь (Архангельская обл. России), 25–26 сентября 2010. Тезисы докладов. М.: НИВЦ МГУ, 2010. С. 61–66 [URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/conf/marginalii-2010/thesis.htm>. Дата обращения: 03.01.2018].

Евграфова С. М. Феномен естественной письменной речи и его влияние на языковую систему // Acta Slavica Estonica V. Труды по русской и славянской филологии XVI. Антропоцентризм в языке и речи. Тарту: Изд-во ТУ, 2014. С. 248–260.

Евграфова С. М. Мышление, коммуникация, речь: начало начал // Проблемы онтолингвистики: механизмы усвоения языка и становление речевой компетенции – 2015. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 18–20 мая 2015. Электронная публикация ИЛИ РАН, 2015a. С. 59–65 [http://iling.spb.ru/conf/ontoling2015_abstracts.pdf]

Евграфова С. М. Проблема недиагностируемых коммуникативных неудач в учебно-научном дискурсе // Маргиналии: границы культуры и текста. Материалы международной научной конференции. Полоцк (Республика Беларусь), 27–30 августа 2015б [URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/conf/marginalii-2015/thesis.htm>. Дата обращения 03.01.2018].

Евграфова С. М. Проблемы освоения и преподавания родного языка в информационном обществе // Материалы научно-теоретической конференции «Модернизация языка: вызовы времени». 29–30 мая 2015 г. Алматы: КазНУ им. Аль-Фараби, 2015 в. С. 11–15.

Евграфова С. М. Хорошая речь в оценках современного студента // Хвала и хула в языке и коммуникации. М.: РГГУ, 2015 г. С. 260–283.

Евграфова С. М. Категория СВОЙ / ЧУЖОЙ в языке и коммуникации: индивидуальная языковая система и стратегии обработки языкового материала // Acta Slavica Estonica VIII. Труды по русской и славянской филологии XVII. *Свое – чужое* в языке и речи. Тарту: Изд-во ТУ, 2016 б. С. 255–267.

Евграфова С. М. Освоение родного языка и эффективность вербального обучения // Проблемы онтолингвистики – 2016: Материалы

ежегодной международной научной конференции. 23–26 марта 2016, Санкт-Петербург. Иваново: ЛИСТОС, 2016 в. С. 188–196.

Евграфова С. М. О трудностях изучения словообразования в школе // Преподавание русского языка и литературы: вызовы времени: сборник методических материалов по результатам круглого стола. Иваново: ЛИСТОС, 2017 а. С. 41–52.

Евграфова С. М. Освоение метаязыка науки и языка обучения: вопросы, ответы и коммуникативные неудачи // Проблемы онтолингвистики – 2017: Материалы ежегодной международной научной конференции. 26–28 июня 2017, Санкт-Петербург. Иваново: ЛИСТОС, 2017 б. С. 175–180.

Елисеева М. Б. Становление индивидуальной языковой системы ребенка. Ранние этапы. М.: Языки славянской культуры, 2015. 342 с.

Залевская А. А. «Живой поликодовый гипертекст» как «внутренний контекст» процессов познания и общения // Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика: Материалы X Международного конгресса Международного общества по прикладной психолингвистике. М.: РУДН, 2013. С. 59.

Занков Л. В. Беседы с учителями (Вопросы обучения в начальных классах). М.: Просвещение, 1970. 200 с.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: НЛО, 2004. 584 с.

Лепская Н. И. Язык ребенка: онтогенез речевой коммуникации. М.: РГГУ, 2013. 314 с.

Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 429 с.

Овчинникова И. Г., Береснева Н. И., Дубровская Л. А., Пенягина Е. Б. Лексикон младшего школьника. Пермь: Изд. ПермГУ, 2000. 312 с.

Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2016. 438 с.

Успенский В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика, № 11. М.: ВИНТИ, 1979. С. 142–148.

Холодная М. А. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2002. 264 с.

Цейтлин С. Н. Индивидуальная языковая система ребенка: некоторые штрихи к портрету // Проблемы онтолингвистики – 2013. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 26–28 июня 2013 г. Санкт-Петербург: Изд-во РПГУ им А.И. Герцена, 2013. С. 24–27.

Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2017. 447 с.

Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.

S. M. Evgrafova

On the Issue of Cognitive Adequacy in Native Language Teaching

In our article, we discuss the communicative and cognitive problems of teaching Russian. We introduce the concept of cognitive adequacy in the presentation of teaching materials in relation to native language teaching, which suggests that it is necessary to consider the specificity of natural language learning and to avoid conflicts between the understanding of native language offered in school and the students' individual language systems. We offer the necessary theoretical information and analyze the cases of cognitive inadequacy in studying of specific topics.

Keywords: individual language system; cognitive adequacy; cognitive function of language; communicative function of language; methods of Russian language teaching; native language learning; pedagogical communication; Russian language; effective teaching.

А. А. Шмаков

*Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Барнаул*

РИТОРИЗАЦИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДДЕРЖКИ КУРСОВ ПОДГОТОВКИ К ТОТАЛЬНОМУ ДИКТАНТУ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Рассматриваются особенности организации коммуникативного пространства онлайн-курсов подготовки к Тотальному диктанту. Автор рассматривает проект «Русский по средам», который создан и реализуется в Барнауле на базе Открытого образовательного портала Алтайского государственного университета при поддержке других вузов города. На основе категории «текстовая личность Номо Loquens» предлагаются понятия «Тотфилолог» и «Тотслушатель» как субъекты речекоммуникативного взаимодействия в рамках образовательного процесса, направленного на изучение родного (русского) языка в электронном формате; рассмотрены возможности риторизации данного процесса для повышения уровня удовлетворенности коммуникантов.

Ключевые слова: риторизация; Номо Loquens; Тотфилолог; Тотслушатель; СДО «Moodle»; онлайн-курсы подготовки.

С каждым годом Тотальный диктант (далее – ТД) становится все более популярным не только в России и мире, но и в виртуальном пространстве – на просторах сети Интернет. Штаб Тотального диктанта осуществляет всестороннюю информационно-коммуникативную поддержку акции, главным образом посредством официального сайта (totaldict.ru). Как отмечает директор Фонда «Тотальный диктант» О. А. Ребковец, «Тотальный диктант задал новый продуктивный социальный формат – образовательные, популяризирующие научное знание и патриотизм сетевые массовые мероприятия национального и всемирного масштаба» [Ребковец 2016: 9].

Акция проверки грамотности разрослась не только пространственно, но и во временном масштабе, поскольку на регулярной основе свою работу осуществляют подготовительные курсы, например, «Русский по пятницам» в Новосибирском государственном университете, или же созданные по их подобию курсы «Русский по средам» в Алтайском государственном университете. Можно приводить множество

примеров подобных курсов по всей «карте проведения» Тотального диктанта, поскольку, по замечанию О. А. Ребковец, «в рамках акции проводятся бесплатные курсы русского языка для всех желающих, в 2016 г. курсы прошли в 237 городах, где прошли обучение свыше 33 000 человек, еще 71 000 человек стали слушателями онлайн-курсов на сайте проекта <http://totaldict.ru/education/online>» [Ребковец 2016: 9].

В рамках данной статьи мы остановим свое внимание на феномене «электронной поддержки» курсов подготовки к Тотальному диктанту. Для начала обозначим тот факт, что очные подготовительные курсы, как правило, вне зависимости от города проведения проходят с февраля по апрель и состоят из 7–8 занятий.

Конечно, у слушателей курсов подготовки к ТД есть возможность заниматься на уже упомянутых онлайн-курсах от Штаба ТД на официальном сайте акции, однако, по мнению автора статьи, для жителей провинциальных городов (имеются в виду все города кроме Новосибирска – столицы Тотального диктанта), наибольшую ценность и интерес представляют материалы, разработанные местными филологическими сообществами.

Один из таких проектов – «Русский по средам» – создан и реализуется в Барнауле на базе Открытого образовательного портала Алтайского государственного университета (АлтГУ). Функциональную сторону проекта обеспечивает система дистанционного обучения (далее – СДО) «Moodle».

Цель проекта – осуществление электронной поддержки и расширение образовательных возможностей слушателей очных подготовительных курсов «Русский по средам», которые реализуются силами трех вузов Барнаула: Алтайского государственного университета (Т. В. Чернышова, Ю. В. Трубникова, Е. В. Лукашевич, О. А. Ковалев), Алтайского государственного педагогического университета (Т. И. Киркинская), Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (А. А. Шмаков).

Электронная платформа курсов «Русский по средам» позволяет слушателям:

- узнать о времени и месте проведения занятий;
- получить информацию о преподавателях;
- скачать материалы по русскому языку, которые помогут подготовиться к написанию Тотального диктанта;
- пройти тестирование и проверить свои знания по некоторым разделам русского языка;
- задать вопросы преподавателям.

Анализ статистических данных посещаемости курсов показывает, что при очной посещаемости занятий в 30–40 человек электронную платформу посещают около 25–30 человек в неделю.

Чтобы улучшить электронную поддержку курсов подготовки к ТД, по мнению автора статьи, необходимо провести процесс **риторизации** электронной коммуникативной среды платформы. Остановимся подробнее на рассмотрении особенностей данного процесса.

Считается, что термин *риторизация* введен С. А. Минеевой как обозначение взаимодействия риторики с образовательным и воспитательным процессом в современной отечественной школе; отмечается по крайней мере три наполнения понятия «риторизация»:

- риторизация как использование в образовательной деятельности риторических жанров;
- риторизация (по правилам создания, использования и рефлексии риторического текста-диалога) образовательного процесса в целом и, в частности, учебного предмета;
- риторизация учебной и внеучебной деятельности [Семячко 2001: 24].

В рамках нашей статьи мы используем второе понимание термина *риторизация*, поскольку речь идет не столько об использовании риторических жанров, сколько о создании особой диалогической среды для общения преподавателя и слушающего.

Данная мысль созвучна общему развитию филологического знания в начале XXI в. Специалист по прикладной филологии и риторике, проф. А. А. Чувакин отмечает, что «если в первой половине XX века в центре, например, лингвистики находился язык как система, а в центре литературоведения – художественная литература как область искусства, то к концу века в центр той и другой науки становится категория Номо Лоquens» [Чувакин 2004: 89] – «человек говорящий», проявляющаяся в двуединстве фигур Говорящего и Слушающего.

Исследователь отмечает, что «развитие социальной реальности и соответственно коммуникативной деятельности посредством языка обуславливает появление все новых и новых реализаций этих обобщенных функций, а также модификации функций традиционных: “Журналист – Читатель”, “Рекламист – Рекламопотребитель”, “Специалист по связям с общественностью – Общественность” и др.» [Чувакин 2004: 89]. В свою очередь, мы можем продлить этот ряд парой «Тотфилолог – Тотслушатель», которая и осуществляет взаимодействие в рамках процесса освоения тонкостей родного (русского) языка.

Рассмотрим возможности риторизации в рамках курса подготовки к ТД, организованного на базе СДО «Moodle».

Использование электронных дистанционных ресурсов при подготовке к Тотальному диктанту находится в тренде развития современного образования, поскольку на сегодняшний день в России наблюдается рост интереса к электронным формам обучения и получения информации через сеть Интернет. В то же время ряд педагогов, общественных и политических деятелей, в частности О. Н. Смолин, отмечают, что «спрос на электронное обучение в России значительно выше предложения»¹. Таким образом, задача организаторов курсов подготовки к Тотальному диктанту в настоящее время видится автору данной статьи в налаживании системы эффективных коммуникаций в парадигме «преподаватель – слушатель», где оба субъекта образовательных отношений стремятся к достижению единой, общей цели – умножению знаний как главного капитала информационного общества.

Дистанционные курсы онлайн-подготовки подразумевают получение образовательных услуг в новом формате. Однако главный вопрос лежит, на наш взгляд, не столько в технологической плоскости обеспечения высокой скоростью доступа к сети Интернет, современными веб-инструментами, а в сфере готовности филологов-преподавателей создавать оригинальный контент для наполнения курса, который был бы интересен широкой целевой аудитории.

Автор статьи, имея филологическое образование и используя риторико-коммуникативный подход к проблемам коммуникации и взаимодействия, предлагает риторическую трактовку обозначенной выше проблемы эффективности взаимодействия.

Понятие «эффективность» в современных риторических концепциях определяется по-разному:

1) «сочетание новизны, правильности и уместности – основа эффективности речи и действия» [Рождественский 1997: 153];

2) «современная риторика – это теория и мастерство эффективной (**целесообразной, воздействующей, гармонизирующей**) речи (разрядка автора; полужирный шрифт наш. – А. Ш.)» [Михальская 1996: 34];

3) *«эффективное речевое воздействие – это такое, которое позволяет говорящему достичь поставленной цели и сохранить баланс отношений с собеседником (коммуникативное равновесие) (курсив автора. – А. Ш.), то есть остаться с ним в нормальных отношениях, не поссориться»* [Стернин 2001: 66–68].

¹ Смолин О. Н. Электронное обучение: борьба с государством за государственные интересы? [URL: <http://www.kspu.ru/upload/documents/2014/12/18/73e77edc1d300d65622fdab931fadff7/smolinelektronnnoe-obuchenie.pdf>. Дата обращения: 15.07.2017].

При всех различиях в данных определениях общим является понимание эффективного взаимодействия как гармоничного, правильного и уместного при достижении участниками общения своих коммуникативных целей.

При анализе коммуникативных процессов, происходящих в рамках онлайн-курсов подготовки, мы опираемся на модель, предложенную авторами в монографии [Бытие текста в коммуникации 2016], которая учитывает возможности сетевого взаимодействия коммуникантов и обязательность обратной связи, когда преподаватель и слушатель регулярно меняются ролями Говорящего и Слушающего. В рамках традиционной устно-письменной коммуникации преподаватель привык быть источником знаний, а студент – получателем таковых. Отсюда в рамках электронной коммуникации возникает дискомфорт, который испытывают оба участника, «примеривая» на себя новые, непривычные им роли. Однако эффективная коммуникация в электронной среде без обратной связи невозможна.

Теоретик коммуникации М. Маклюэн высказал идею о том, что «средство коммуникации есть сообщение» [Маклюэн 2007: 9–26], следовательно, СДО «Moodle» оказывает существенное влияние на процесс учебной коммуникации в системе «преподаватель – студент». Критерием эффективности в коммуникации подобного рода выступает эффект, оказанный на адресата: он должен быть приемлемо равен цели адресанта. Однако ввиду новизны канала и среды общения существенно возрастает риск возникновения коммуникативных ошибок и коммуникативных неудач, к чему оба участника коммуникативного процесса должны быть готовы.

Автору статьи видятся следующие пути повышения эффективности коммуникации:

- 1) риторический – через речевое поведение участников коммуникации;
- 2) технологический – через включение элементов обратной связи в интерфейс СДО;
- 3) риторико-технологический (комплексный) – учет особенностей электронной среды СДО и характера языковых личностей студентов.

На наш взгляд, наиболее рациональным путем повышения эффективности коммуникации между студентом и преподавателем в условиях СДО является именно третий подход, который предполагает стратегию комплексного воздействия и на речевую, и на технологическую среду.

Для гармонизации речевой среды курса и создания понятного, легко читаемого и воспринимаемого контента автор курса должен

обладать элитарной речевой культурой, что подразумевает грамотное владение родным языком и всем стилистическим богатством русской речи.

При рассмотрении риторических компетенций участников электронного взаимодействия целесообразно оттолкнуться от исследования, проведенного И. А. Иванчук, которая применительно к носителям элитарной речевой культуры выделила три проявления риторических компетенций: «1) достижение оптимальности общения путем установления гармонизирующего контакта с адресатом при соблюдении культурной рамки; 2) проявление экспрессии и эстетических качеств речи, содействующих раскрытию когнитивных основ личности и усиливающих выразительность Д (дискурса. – *А. Ш.*); 3) реализация культурного потенциала и творческих способностей говорящего» [Иванчук 2005: 16–17].

Соглашаясь с И. А. Иванчук в принципе, тем не менее заметим следующее. Чтобы речекоммуникативный акт имел статус коммуникативно-риторического, приведенными компетенциями должны владеть и студенты. Это положение значимо прежде всего в той ситуации, когда преподаватель риторическими компетенциями не владеет и, следовательно, «остаётся» в своей первоначальной функции – говорящего. Приведенные компетенции существенны для студентов и в ситуации стремления к гармонизирующему контакту обоих коммуникантов: и преподавателя, и студента.

Риторические компетенции, приведенные И. А. Иванчук, по нашему мнению, не равноценны по своему статусу. Доминирующую роль в ряду компетенций играет компетенция первая. Что касается двух следующих, то они в известной степени играют служебную роль по отношению к первой: они содержат в себе некоторые условия установления гармонизирующего контакта. Наконец именно владение первой компетенцией обеспечивает контроль действий преподавателя и студента по достижению оптимальности общения.

По нашему мнению, реализация риторического подхода в курсах онлайн-подготовки в СДО «Moodle» возможна посредством ориентации преподавателя на качества хорошей речи (ясность и простота речи, ее логичность и лаконичность, точность и т. д.) при формулировке заданий; прозрачную композиционную организацию курса (наличие вводных и завершающих элементов); следование принципу конкретности – включение иллюстративного материала и должный уровень визуализации.

Использование стратегий риторического подхода будет не столь заметным и ощутимым, если они не будут поддержаны стратегиями технологического подхода, которые включают в себя:

1) релевантное использование интерактивных элементов курса СДО – «Задание», «Семинар» и т. д.;

2) включение в курс специализированных элементов для обратной связи («Опрос», «Анкетный опрос», «Форум», «Чат» и т. д.).

Также крайне важно использование элементов обратной связи в образовательном процессе самим преподавателем, то есть простого наличия в курсе интерактивных элементов недостаточно, необходимо использовать их для поддержания связи со студентами, если не в он-лайн-режиме, то, по крайней мере, на регулярной основе.

Итак, для того чтобы обучение протекало интересно и эффективно, наряду с «официальными» материалами для подготовки к Тотальному диктанту необходимо использовать различные формы дистанционного взаимодействия местных «филологических сообществ» со слушателями, в том числе и электронную поддержку курсов в рамках возможностей, предлагаемых СДО «Moodle».

Преимущества использования риторизованной электронной поддержки курсов подготовки к Тотальному диктанту заключаются в вариативности выбора тем для освещения, возможности сформировать тематику курсов в соответствии с запросами местного контингента слушателей, исходя из анализа их ошибок, допущенных в диктанте прошлого года, реализовав тем самым риторический принцип «близости адресату». Более тесное знакомство с преподавателями очных подготовительных курсов возможно через размещение информации о деятельности и заслугах тех или иных лекторов из различных вузов на едином ресурсе. Организация обратной связи через интерактивные элементы позволят повысить степень субъектной вовлеченности участников образовательного процесса: «Тотфилолога» и «Тотслушателя», что в целом повысит степень удовлетворенности процессом коммуникации и плодотворно скажется на усвоении дидактического материала.

Список литературы

Бытие текста в коммуникации: коллективная монография / Под ред. А. А. Чувакина, А. А. Шмакова. Барнаул: АлтГУ, 2016.

Иванчук И. А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. 65 с.

Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., 2007. 464 с.

Михальская А. К. Основы риторики. Мысль и слово. М., 1996. 416 с.

Ребковец О. А. #ТОТДИКТАНТ: о глобальности, небанальности и эмоциональности в Тотальном диктанте // #ТОТСБОРНИК: Сборник научных трудов по материалам Тотального диктанта / Отв. ред. Н. Б. Кошкарева. Новосибирск, 2016. Вып. 1. С. 4–9.

Рождественский Ю. В. Теория риторики. М., 1997. 597 с.

Семячко Л. Н. История возникновения и варианты толкования термина «риторизация» // Риторика и развивающее обучение в становлении научно-гуманистической системы образования: проблемы исследования и преподавания. Пермь, 2001. С. 23–27.

Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 227 с.

Чувакин А. А. Теория текста: объект и предмет исследования // Критика и семиотика. Вып. 7, 2004. С. 88–97.

Список источников

Русский по средам

[URL: <http://public.edu.asu.ru/course/view.php?id=2>.

Дата обращения: 15.07.2017]

A. A. Shmakov

Rethorization of the Electronic Support of the Preparatory Courses for the Total Dictation: Formulating the Problem

In this article we analyze organizational features of the communicative space within online training courses for the Total Dictation. We review the project «Russian on Wednesdays», created and functioning in Barnaul on the base of the Open Educational Portal of the Altai State University with support from other city universities. Within the category «Homo Loquens as a text personality», the concepts *Тотфилолог* ('Thatphilologist') and *Тотслушатель* ('Thatlistener') are proposed as subjects of speech-communication interaction in the framework of the educational process aimed at studying native (Russian) language in digital format; the possibilities of rhetorization of this process for improving the level of satisfaction among communicators are examined.

Keywords: rhetorization; Homo Loquens; Thatphilologist; Thatlistener; e-LMS «Moodle»; online preparatory courses.

Л. С. Патрушева

Удмуртский государственный университет, Ижевск

**#ТОТАЛЬНЫЙДИКТАНТ: КОММУНИКАТИВНЫЕ
ВОЗМОЖНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ХЕШТЕГА
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АКЦИИ**

Рассматриваются хештеги, которые были использованы организаторами «Тотального диктанта» в 2017 году; описывается понятие «хештега». В центре внимания автора статьи находится хештег #тотальныйдиктант. Данный хештег регулярно появляется на личных страницах пользователей социальной сети «ВКонтакте». На материале публикаций пользователей рассматриваются коммуникативные возможности хештега #тотальныйдиктант.

Ключевые слова: хештег; Тотальный диктант; интернет-коммуникация; социальная сеть; функции хештегов; интернет-дискурс; Интернет.

В 2017 г. Всероссийская образовательная акция «Тотальный диктант» прошла под знаком «хештег». Все рекламные материалы акции и официальные публикации в социальных сетях сопровождались хештегами.

Хештег (или хэштег), появившийся в 2007 г. в социальной сети «Твиттер», представляет собой слово(а) или фразу(ы), которым предшествует символ # (решетка), позволяющий пользователям группировать публикации по тематике и задавать поиск определенных публикаций» [Насртдинова 2016: 125]. Хештег может состоять из эмотиконов, слов, фраз, иногда даже из целых предложений, без пробелов, перед которым ставится знак решетки. Хештеги пишут как на кириллице (#8апреля2017), так и на латинице (#totaldict). Пользователь ставит 3–4 хештега, чтобы привлечь внимание к своей публикации, увеличив охват аудитории. Как правило, хештег используется:

- как средство общения;
- для реализации творческого потенциала виртуальной языковой личности;
- для придания актуальности публикуемому сообщению;
- в качестве самопрезентации;
- для налаживания социальных контактов и др.

На официальных страницах организаторов Тотального диктанта в Интернете в 2017 г. были использованы следующие хештеги: #тоталь-

ныйдиктант, #тотальныйдиктант2017, #тд2017, #8апреля2017, #все-мдиктант, #totaldict, #td2017. Данные хештеги регулярно сопровождали публикации организаторов Тотального диктанта на страницах в социальных сетях. Их цель – молниеносное распространение информации. Интернет-пользователи могут прочитать абсолютно все публикации, задав в поиске любой из выше перечисленных хештегов. Время от времени к данному списку добавлялся еще ряд хештегов, отличающихся актуальностью публикуемой информации. Например: #тилитестосто (сообщение о поиске жениха и невесты, желающих на своей свадьбе написать ТД), #почему_я_буду_писать_ТД, #леонид_юозефович, #тотальный_диктант_в_цифрах, #9словтотального, #антиправило и др. Кроме того, можно добавить еще несколько хештегов, используемых в рекламе или в официальной переписке: #тотсборник, #тотфилолог. Также отметим, что организаторы ТД в разных регионах добавляли к данному списку свои хештеги. Например, #тотальныйдиктант #ижевск #izhevsk. Таким образом, на официальных страницах организаторов ТД было использовано около 20 хештегов.

Центральный хештег данного мероприятия #тотальныйдиктант используется не только организаторами акции, но и рядовыми участниками. Причем последние расширяют коммуникативные возможности анализируемого хештега, дополняя свою публикацию другими хештегами, фотографиями, ссылками и т. п. Рассмотрим, какие функции выполняет хештег #тотальныйдиктант в сообщениях пользователей социальной сети «ВКонтакте» на личных страницах.

Первая функция использования данного хештега – прямая – это отсылка к самому мероприятию. Например:

Низкий поклон бабушкам за возможность учиться на их примере. 🙏 #ТотальныйДиктант #БурановскиеБабушки #Ижевск #Удмуртия¹.

Мчу! Сегодня конференция, посвящённая десятилетию фонда “Русский мир”. На панельной дискуссии будем говорить о текстах Русского мира. Я, конечно, о текстах Тотального диктанта #всемдиктант #тотальныйдиктант.

Снабжая свои сообщения хештегом #тотальныйдиктант, пользователи, с одной стороны, стремятся дать отсылку к мероприятию, о котором идёт речь, не раскрывая его сущности. Предполагается, что, перейдя по гиперссылке, участники коммуникации получают всю необходимую информацию. С другой стороны, хештег #тотальныйдиктант не

¹ Здесь и далее все сообщения со страниц социальной сети «ВКонтакте» публикуются в соответствии с авторским написанием.

нуждается в рекламе: пользователи ставят его для привлечения внимания к своей публикации или быстрого распространения информации.

Вторая функция хештега – это функция отсылки к тексту «Тотального диктанта». Каждый год текст диктанта – это самое ожидаемое и интригующее событие образовательной акции. Поэтому неудивительно, что после диктанта самые трудные слова или яркие фразы еще долго остаются в речи участников ТД. Публикации в социальных сетях не исключение. Например:

Вот это памятник Ленину, это я понимаю! Это вам не “круглится голова вождя” в Улан-Удэ 😂 <...> #ленин #ленинжилленинжвивленинбудетжить #тотальныйдиктант #елабуга.

В данном случае речь идет о последней части текста Леонида Юзефовича «Город на реке. Часть 3. Улан-Удэ. Селенга» [Юзефович, 2017]. Текст сообщения сопровождает фотографию памятника Ленину в Елабуге.

Кроме того, встречаются публикации с выражением собственного отношения к тексту. Например:

#Тотальныйдиктант 📝 #Питер #длятехктоумеетписать #8апреля2017 Писала впервые, в онлайн, текст читала Марина Кравец, читала четко, громко, текст Юзефовича – сложный про #Улан-Удэ #Селенга достался мне 😞 А вот рез-т ? пока неизвестен, как и у многих других, кто писал онлайн 😞😞 📝.

Отметим, что в данном случае автор ставит хештеги в тексте собственного сообщения только на слова Улан-Удэ и Селенга. Данные хештеги отсылают нас, в первую очередь, к публикациям фотографий и видеоматериалов города и реки. Автор расширяет смысловое ядро данных понятий. Теперь под хештегом #Селенга можно встретить публикации фотографий, видео и текстов размышлений, связанных с рекой, отдыхом на реке, красотой мест, сплавом по Селенге, пикниками у реки и... с Тотальным диктантом.

В-третьих, авторы сообщений в социальных сетях используют центральный хештег акции в своих публикациях, так как являются непосредственными участниками ТД. Например:

Именно в 920 школе я тоже принимала участие в проекте #тотальныйдиктант молодцы #молодежнаяпалатаперово.

Цель включения хештега #тотальныйдиктант в данное сообщение – социализация. Пользователи хотят показать, что являются частью масштабного события. Также мы можем найти комментарии или сообщения «диктаторов», которые не являются организаторами, но тем не менее вносят большой вклад в проведение диктанта:

Кто вчера писал #тотальныйдиктант? Я была одним из четырёх бортпроводников Авиакомпании Сибирь зачитывающих диктант. Для меня это был не забываемый опыт. Спасибо. #creviser - #avgeek.

Помимо диктующих и пишущих, в Сети можно встретить большое количество сообщений с хештегом #тотальныйдиктант волонтеров акции:

Тотальный диктант запомнится на долго, это точно. Было много чего, а в последние деньки хотелось просто уже все бросить, но все же дошла до конца. Благодарю, за опыт! Рада была по работать с Вами, а также надеюсь, на дальнейшее сотрудничество) #тотальныйдиктант2017 #Тотальныйдиктант #Волонтер #Нияз Шарафиев.

Сообщения волонтеров направлены как на популяризацию ТД, так и на пропаганду волонтерской деятельности. В таких публикациях хештег #тотальныйдиктант и хештег #волонтеры являются равнозначными:

Наша муза Натали спасибо тебе за чудесный подарок! Это был настоящий сюрприз! У нас вчера, благодаря тебе, была очень "сладкая" встреча! 🍰🍰🍰🍰🍰 Теперь жди от нас ответа 🎉 #тотальноеспасибо #спасибо #волонтеры#тотальныйдиктант #люди доброй воли.

Еще одной функцией использования центрального хештега акции является функция самопрезентации участников ТД. Например:

Теперь можно с чистой совестью доставать окружающих за ошибки в словах 😂😂😂 а че, я ж типа грамотная 🙌🙌🙌 #totaldict #тотальныйдиктант #отличница.

Диктант написала на #четверку #тотальныйдиктант #8апреля #кзму#уланудэселенга Моя четверка #дайкапохваляюсь.

Интересным оказывается тот факт, что довольно часто сообщения об оценке, полученной за ТД, не содержат саму оценку:

Такое чувство, что получила Оскара))) не терпится скорей закончить все дела и залечь с этой замечательной книжкой - моим подарком за успешное написание #тотальныйдиктант.

Приятно быть грамотным - и подарки дарят, и фотографируют как приличного человека, и тортами (тортами!) угощают. Сплошные плюсы #тотальныйдиктант.

Горжусь своим мужем) Сегодня прошло вручение сертификата отличника тотального диктанта.

Информацию об оценке в таких сообщениях можно считать из хештегов (#отличница) или догадаться по контексту («Такое чувство, что получила Оскара»).

И, наконец, нельзя не отметить, что центральный хештег акции используется в рекламных целях как организациями, причастными к данному событию, так и посторонними сервисами. Например:

Грамоте учиться – всегда пригодится! Друзья, в «Надежде» второй год подряд проходит свой #тотальныйдиктант. В этот раз желающих так много, что пришлось растянуть мероприятие на три дня <...> Зачем нам это надо? Просто в каждом нашем сотруднике заложен “сидром отличника”...

В данном случае цель использования хештега #тотальныйдиктант оправдана тем, что площадка для написания диктанта участвует в акции и рекламирует свои услуги. Но встречаются и такие публикации, которые к ТД отношения не имеют. Хештег #тотальныйдиктант может сопровождать рекламу одежды, напитков, ресурсов и др.:

#Сказка#Louna#парень#Тотальныйдиктант#tomhardy#одуванчик (реклама косметической маски).

Цель использования хештега #тотальныйдиктант в данной рекламе – это расширение целевой аудитории, поиск новых клиентов.

Таким образом, хештег #тотальныйдиктант – это не только отсылка к всероссийской образовательной акции. Данный хештег имеет большие коммуникативные возможности. Он используется участниками ТД, организаторами, волонтерами, разными организациями с разными целями. Смысловое поле данного хештега расширяется, как и его функции. Хештег используется как минимум в пяти функциях: это не только ссылки на данное мероприятие и на официальные страницы, но и отсылка к тексту диктанта, средство самопрезентации, объединение участников, социализация виртуальных личностей и даже реклама товаров или организаций, (не)причастных к образовательной акции.

Список литературы

Насртдинова В. М. Медийное и (квази)религиозное: духовный поиск или #пашаонлайн? // Научные ведомости. Казань, 2016. № 21 (242). С. 125–129.

Юзефович Л. Город на реке [URL: <https://totaldict.ru/dictants/gorod-na-reke/>. Дата обращения: 10.07.2017].

L. S. Patrusheva

**#ТОТАЛЬНЫЙДИКТАНТ (#TotalDictation):
Communicative Possibilities of the Central Hashtag
of the Total Dictation Educational Event**

The article discusses hashtags used by the *Total dictation* team in 2017; the concept of hashtag is described. The authors focus on the #ТОТАЛЬНЫЙДИКТАНТ (#TotalDictation) hashtag. It appears regularly on personal pages of users in the social network “VKontakte”. The communicative possibilities of the hashtag #ТОТАЛЬНЫЙДИКТАНТ (#TotalDictation) are considered on the material in various users’ publications.

Keywords: hashtag; Total dictation; Internet communication; social network; hashtag functions; Internet discourse; Internet.

Т. В. Савельева

Челябинский государственный университет, Миасс

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА СОВРЕМЕННОГО ПОДРОСТКА: ОСКУДЕНИЕ ИЛИ ПЕРЕЗАГРУЗКА?

Статья представляет собой размышление автора по поводу языковой картины мира современного подростка. Оскудение, деградация языка или нормальные динамические процессы, показывающие жизнеспособность языковой системы? Орфографическая, пунктуационная и речевая грамотность носителя языка во многих случаях напрямую зависит от его лексического запаса. Изучение языковой картины мира современного молодого носителя языка может быть полезным не только для анализа трансформации русского менталитета, но и для методики преподавания языка.

Ключевые слова: языковая картина мира; грамотность; активный и пассивный лексический запас; массовое языковое сознание.

*Орфографические ошибки в письме –
как клоп на белой блузке.*

Фаина Раневская

*Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.*

А. С. Пушкин

Каждый год проведение Тотального диктанта, ЕГЭ по русскому языку и литературе вызывает в филологической среде много животрепещущих вопросов. Насколько грамотность конкретного носителя языка зависит от экстралингвистических факторов: возраста, принадлежности к тем или иным социальным стратам, культурного развития? Не станет ли классический литературный русский язык в скором времени мертвым языком, с которого на современный русский нелингвисту будет необходим перевод? Сужение языковой картины мира мы наблюдаем сегодня среди молодого поколения или перезагрузку? Ка-

кие слова важнее различать современному человеку: *овин* и *амбар* или *смартфон* и *айфон*?

Реконструкция языковой картины мира составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики. Однако, на наш взгляд, языковая компетенция индивида, то есть его владение языком, в том числе и грамотность, также зависит от широты его языковой картины мира. Термин «языковая картина мира» сегодня используется не только при анализе межкультурной коммуникации, но и в аспекте гендера, различных социальных стратов [Глазкова 2016]. Поэтому мы сочли возможным его применение при рассмотрении языковых компетенций современного подростка. Эмпирической базой исследования послужили пробные сочинения Единого государственного экзамена по русскому языку и итоговые сочинения по литературе, материалы Тotalного диктанта в городе Миассе 2015–2017 гг., опросы в соцсети «ВКонтакте».

При исследовании проблемы отражения картины мира в человеческом языке обычно рассматривают взаимосвязь трех элементов: окружающей действительности, отражение ее в мышлении и результаты этого отражения в языке. В отечественной лингвистике развивается направление, целью которого является воссоздание русской языковой картины мира на основании комплексного анализа лингвоспецифических концептов русского языка (работы Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, А. Зализняк, И. Б. Левонтиной, Е. С. Яковлевой и др.). О. А. Корнилов в своей работе, посвященной изучению языковых картин мира, отмечает: «Любой национальный язык выполняет несколько основных функций: функцию общения (коммуникативную), функцию сообщения (информативную), функцию воздействия (эмотивную) и, что для нас особенно важно, функцию фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений данного языкового общества о мире» [Корнилов 2000: 26].

Человек владеет языком в такой степени, в какой он знает мир. Языковая картина мира отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными, национальными и возрастными ценностями [Маслова 2007].

В научной и публицистической печати уже не раз говорилось о том, что социокультурный багаж школьника начала XXI в. сузился. Докажем примерами некоторые из подобных тезисов.

Во-первых, подростки перестали читать, не знают классической литературы.

Требование задания 25 ЕГЭ по русскому языку привести два примера-аргумента из литературы оборачивается во многих работах

смешными казусами (из разряда: было бы смешно, когда бы не было так грустно).

Роман А. С. Пушкина «Мастер и Маргарита».

Евгений Онегин много работал над собой, и только это помогло ему пережить страдания, которые принесла Великая Отечественная война.

У Андрея Соколова из повести Шолохова «Судьба человека» немцы убили семью, а он взял и назвал их перехитрил судьбу, усыновив бездомного мальчика.

Во-вторых, старшеклассники не понимают значения многих слов, с которыми встречаются на школьных уроках, в других ситуациях и, что самое грустное, не пытаются узнать их значения. В методике преподавания иностранного языка есть прием контекстной семантизации, когда значение незнакомого слова мы не ищем в словаре, а догадываемся о нем по контексту. Однако перенос этого приема на родной язык, на наш взгляд, неприемлем, так как мешает глубокому овладению всеми богатствами языка.

Так, например, в тексте Тотального диктанта 2016 г. затруднение вызывали не только собственные имена и названия народов, в которых встретились ошибки, несмотря на предварительное объяснение, показ слов на слайде и т. п.: *Тигр, Евфрат, Месопотамия, шумеры, финикийцы, эллины*, но и слова *иероглифы, междуречье, клинопись*. Не опознали школьники и иронию: *юноши подбивали клинья под девушек*.

В тексте Тотального диктанта 2017 г. непонятными для значительной части молодых людей оказались слова: *вереница, стерлядь, испятнанный, осклизлый, зыбкость, перевозданный*. Нет необходимости подчеркивать, что активный лексический запас оказывается еще более скромным. Отметим, что затруднения у старшеклассников вызывает также опознание, а следовательно, и понимание синтаксических конструкций. Зафиксированы ошибки в словосочетаниях: *с его синеющими до горизонта лесами, дальнее сходится с горным*. Рекордное количество неправильных написаний вызвала фраза: *Первые до революции назывались по стоявшим на них храмам*. Самый частый вариант ошибки: *первые назывались ПОСТОЯВШИМ на них ХРАМОМ*. Язык, таким образом, даже в диктанте служит отражением мира, культуры, кругозора своего носителя.

Отсутствие навыков письменного изложения своих мыслей в связи с повсеместным переходом на тестирование приводят к стилистическим ошибкам в сочинениях из-за того, что пишущий не знает книжного варианта необходимой по смыслу конструкции.

В-третьих, современная молодежь разговаривает на смеси сленга, плохого английского и разговорного русского. Некоторые исследователи склонны сопоставлять современное состояние русского языка с диглоссией, при которой «на определённой территории или в обществе сосуществуют два языка или две формы одного языка, применяемые их носителями в различных функциональных сферах» [Успенский 1976]. Как жители Древней Руси свободно переходили с русского на старославянский в зависимости от ситуации, так современная молодежь в школе и дома с родителями пользуется якобы одним языком, между собой, в социальных сетях, чатах – другим. Однако беда как раз в том, что равной степени владения и тем и другим пластом языка не наблюдается. Б. А. Успенский считает, что члены языкового коллектива воспринимают два языка как один – в его «правильном» книжном, высоком виде и «неправильном» обиходном. Он утверждает также, что элементы «высокой» системы проникают в «низкую», но не наоборот [Там же]. Сегодня мы наблюдаем как раз обратную картину: проникновение «низкой» нормы в «высокую».

Есть еще один экстралингвистический фактор, ведущий к сужению сфер использования русского языка. Язык современной науки перестает быть родным, ведь публикации в иностранных научных журналах по какому-то необъяснимому капризу создателей эффективных контрактов имеют больший вес, чем в отечественных. И в этом отношении современному старшекласснику и студенту, собирающемуся заниматься наукой, полезнее знать английский язык, чем собственный.

Воинствующий пуризм, весьма распространенный среди филологов и педагогов XXI в., предлагает бороться с иноязычными заимствованиями, с сокращенными словами, эмоционально-экспрессивной коннотативностью и иными динамическими процессами в языке. Однако попробуем абстрагироваться от нашей любви к родному языку и спросить себя, какие слова актуальнее для современного школьника: *айфон*, *фреймворк*, *облачный сервис*, *блокчейн* или, к примеру, *удаль*, *задушевность*, *неприкаянность* – лингвоспецифичные концепты традиционной русской языковой картины мира, плохо переводимые на другие языки? Возникает и еще один вопрос. Почему при изучении иностранного языка лингвисты, авторы учебников и методических пособий одной из главных задач считают адекватность языковых выражений, лексики, грамматических конструкций, текстов современным реалиям, а при изучении русского языка и литературы такая задача вообще не ставится? Актуализации преподносимых знаний не происходит, и родной язык с литературой остаются в лучшем случае в пассивном запасе, как учебные предметы, но не как живое явление.

Возьмем, к примеру, тему итоговой работы по литературе за седьмой класс общеобразовательной школы: Какие из поднимаемых русскими писателями проблем актуальны сегодня? (на примере изученных за год произведений). Что же может выбрать ученик из программного списка? «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкина, карело-финский эпос «Калевала», былину «Садко», рассказ И. С. Тургенева «Бирюк»? Нимало не желая снизить значимость классики и признавая «вечность» нравственных вопросов, рассматриваемых на страницах книг русских писателей XIX в., вряд ли мы можем назвать их актуальными для подростка века XXI.

Отвлекаясь от темы трансформации языковой картины мира современного подростка, нельзя не упомянуть уже не раз поднимавшуюся в педагогике проблему соответствия литературного материала возрасту учащихся. Что может понять, а главное – прочувствовать, ученик 7 класса в строчках Б. Пастернака: *И опять кольнут донья / Неотпущенной виной, / И окно по крестовине / Сдавит голод дровяной. / Но нежданно по портьеру / Пробежит сомненья дрожь, – / Тишину шагами меря. / Ты, как будущность, войдешь?*

Но не только недостатки школьных программ и учебников затрудняют овладение всем богатством русского языка.

Процессы демократизации общества и культуры вызвали привлечение нестандартной лексики с периферии языковой системы в другие области национального языка, более близкие литературному стандарту. Англицизмы, сленг, жаргонизмы, арг, просторечия стали проникать во многие сферы общественной жизни, а отдельные примеры их употребления стали фиксироваться в словарях.

Так, может быть, ничего страшного в том, что орфографические и пунктуационные нормы все более и более размываются?¹ Однако, судя по принимаемым законам и постановлениям, вопросы грамотности имеют стратегический характер. Неслучайно с 1966 г. по рекомендации Всемирной конференции министров образования проводится Международный день грамотности. В 2009 г. опубликованы результаты международного тестирования по чтению. Имеется в виду не техника чтения, а понимание прочитанного. Наши школьники (из 213 образовательных учреждений 45 субъектов РФ) показали результат ниже среднего мирового уровня, они отстали от учащихся из Финляндии, Кореи, Гонконга, Сингапура. Старшеклассники смогли расшифровать только верхний слой сообщения, заложенного в тексте, а подтексто-

¹ В качестве примера можно отметить смешение противоположных по смыслу пунктуационных знаков: тире и двоеточия.

вую информацию нет, тогда как ребята из Турции, Чили и других стран успешно справились с этим заданием. Из 65 стран-участниц Россия показала 43-й результат ¹. Неудивительно, что отечественные филологи страдают от ностальгии по самой читающей стране в мире.

Сегодняшние выпускники средней школы показывают низкий уровень функциональной грамотности. Главную трудность для них представляют умения анализировать текст, раскрывать смысловые связи, следить за логикой изложения, способами доказательства. По собственному многолетнему опыту подготовки учащихся к сочинению по русскому языку (задание 25 ЕГЭ) могу утверждать, что главные затруднения возникают с логикой изложения. Трое из пяти затрудняются протянуть цепочку: тезис – аргумент – пример.

Возвращаясь к языковой картине мира современного подростка, мы наблюдаем, что она меняется стремительнее, чем языковая картина мира этноса в целом, хотя исследования, основанные на анализе корпуса русского языка, и здесь показывают значительные изменения. Значительно снизилась употребительность концептов «душа», «сознание» [Глазкова 2016: 12].

Активно участвует в перестройке русской языковой картины семантическая деривация. С одной стороны, эта картина становится более экспрессивно насыщенной, более демократичной, а с другой стороны, менее «антропоморфной», более интеллектуальной, технократичной ².

Таким образом, языковая картина мира современного школьника претерпевает трансформации, характерные для динамических процессов языка в целом. Можно считать, что наш язык находится в кризисе, на грани вымирания, так как классическая речь вытесняется жаргонизмами, вульгаризмами и иностранными заимствованиями. А можно признать, что динамические процессы в языке являются следствием процесса демократизации, освобождения от цензуры и свободы слова, реакцией на социокультурные изменения жизни. Глупо огорчаться из-за того, что хипстер не говорит на языке Карамзина, Пушкина или даже Бунина. Однако в пассивном запасе этот язык должен быть у каж-

¹ «Учиться, учится и исчо раз учицца», или Грустные размышления о состоянии грамотности в России XXI века (Часть III) [URL: http://russkiy-yazyk.ucoz.ru/publ/uchitsja_uchitsa_i_ischo_raz_uchicca_ili_grustnye_razmyshlenija_o_sostojanii_gramotnostiv_rossii_xxi_veka_chast_iii/1-1-0-10.html. Дата обращения: 17.05.2017].

² Тропина Н. П. Динамические процессы в языковой картине мира русского этноса [URL: http://virtkafedra.ucoz.ua/el_gurnal/pages/vyp2/filosofia/tropina.pdf.html. Дата обращения: 17.05.2017].

дого грамотного человека. К сожалению, грамотность и (было такое слово) начитанность сегодня в обществе как ценность не пропагандируется, они, скорее, выполняют функцию пароля, по которому образованные люди узнают друг друга.

Список литературы

Глазкова С. Н. Русский менталитет сегодня: реалья или фантом? // На пересечении языков и культур. актуальные вопросы гуманитарного знания. Материалы I Международной научно-практической конференции «Русский язык и русская литература в поликультурном пространстве XXI века» (27-29 апреля 2016 г., г. Киров, Россия). Киров: ООО «Научно-редакционная группа “Университет-Плюс”». 2016. № 2–3 (8). С. 7–13.

Корнилов О. А. Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов: дис. ... д-ра культурол. наук. М., 2000. 460 с.

Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2007. 296 с.

Успенский Б. А. К вопросу о семантических взаимоотношениях системно противопоставленных церковнославянских и русских форм в истории русского языка // Wiener slavistisches Jahrbuch, 1976, Bd XXII, S. 93 [URL: <http://cheloveknauka.com/yazykovaya-kartina-mira-v-russkoy-zagadke#ixzz4gJvIDrbEhtml>. Дата обращения: 17.05.2017].

T. V. Saveljeva

The Language Picture of the World of a Modern Teenager: Depletion or Reset?

The article offers a reflection upon the language picture of the world of a modern teenager. Does it show depletion, degradation of language, or normal dynamic processes showing viability of the language system? Spelling, punctuation, and speech literacy of the native speaker in many cases directly depend on the speaker's lexical resources. Analysis of a language picture of the world of a modern young native speaker can be useful not only for the understanding of transformation of the Russian mentality, but also for language teaching.

Keywords: language picture of the world; literacy; active and passive lexicon; mass language consciousness.

Е. А. Бикмаев

*Московский педагогический государственный университет,
Астрахань*

ПРИНЦИПЫ ВЫРАЗИТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ КАК СРЕДСТВО УСПЕШНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья нацелена на поиск принципов выразительного чтения, обеспечивающих наибольшую эффективность устно-письменной коммуникации, при которой адресанту важно наиболее точно передать в устной форме содержание готового письменного текста другого автора, а адресатам – корректно перевести устную речь в письменную форму. Задача статьи – найти приёмы, позволяющие средствами устной речи передать принципиальные параметры текста для их отражения в письменной форме.

Ключевые слова: устно-письменная коммуникация; речевой акт; выразительное чтение; фонетические средства пунктуации; фонетические средства орфографии.

1. Связь фонетики и пунктуации

Корректное восприятие носителями текста Тотального диктанта – залог его полноценного осмысления и, как следствие, грамотного написания. Этот процесс восприятия и осмысления, при котором текст по терминологии современной риторики можно считать речевым событием (а также речевым актом) [Михальская 1996: 45–56] проходит две стадии: 1) текст как речевой акт автора к филологам; 2) текст как речевой акт диктующего к участникам ¹

«Дозаталонный» текст автора на первой стадии подвергается филологической интерпретации двоякого рода: 1) «вычитывание» из него точного эмоционального и семантического наполнения, отражаемого интонацией автора при чтении и авторской пунктуацией при написании – разработка «эталонного» текста с оптимально соответствующей авторскому замыслу и не противоречащей норме пунктуацией; 2) «вчитывание» в текст всех возможных интерпретаций его эмоцио-

¹ Эта стадия сопровождается тем, что участники воспринимают текст и в исполнении автора, и в исполнении диктующего, которые различаются в деталях. Мы не будем придавать большого значения чтению автора, потому что ключевое чтение «под диктант» производит только диктующий.

нального и семантического наполнения, которые могут быть распознаны участниками, воспринимающими текст только на слух и не в исполнении автора («под диктант») – разработка вариантов пунктуации с учётом всех возможных интерпретаций. На первой стадии адресатом речевого акта выступает автор, а адресантами – Экспертный совет Тотального диктанта, не ограниченный формами общения с автором по обсуждению его текста. Успешным результатом этой коммуникации выступает разработка «эталонного» текста и разметки для диктующих и описание в лингвистических комментариях и разметке для проверяющих всех допустимых нормой вариантов пунктуации.

«Эталонный» текст на второй стадии становится основой речевого акта диктующего участникам. При этом текст читается трижды – обычное чтение, чтение «под диктант», обычное чтение. При этом если не считать регулятивные внетекстовые реплики (типа «Предложение закончилось»), то второе чтение лингвистически равно первому и третьему, но со значительными паузами между предложениями. Во всех трёх случаях качество чтения определяет успешность корректного восприятия и осмысления текста участником, то есть успешность коммуникации в целом. От этого зависит точность восприятия авторского замысла и передача эмоционального и семантического наполнения с помощью пунктуации. В конечном счёте качество чтения обуславливает корректность результата участника и формирует его мнение о проекте.

Регулятивные внетекстовые реплики разработаны и воплощены в разметке для диктующих (на практике применялись диктующими филологами и раньше) на глобальном уровне в 2016 г. Далее необходима разработка материалов для занятий подготовки диктующих нефилологов или филологов без практики диктовки текста¹. Основное содержание таких материалов должно быть посвящено принципам выразительного чтения, которые необходимо предварительно установить.

Чтение текста – прежде всего, устный речевой акт, но диктующий читает письменную речь. Предложение как синтаксическая единица соответствует фонетической фразе (иные, более сложные случаи мы в рамках этой работы не рассматриваем). Пунктуация отражает синтаксическую структуру и семантику (в меньшей степени интонацию) предложения, но выразительное чтение также предполагает отражение интонацией структуры (можно сказать, фонетической структуры) и семантики предложения. Задача для филологов состоит в установле-

¹ Подобные материалы разработаны автором этой работы в 2015 г. и включены в рассылку филологам на глобальном уровне в 2017 г., но требуют коллегияльного обсуждения, дополнения и уточнения.

нии таких принципов выразительного чтения, которые наиболее точно соответствовали бы предполагаемой интонации фонетической фразы, особенно в местах, где пауза в фонетической структуре отражает и синтаксическую. Задача для диктующих – в отработке этих принципов на текстах.

Структура фонетической фразы сводится к её делению на более мелкие единицы – фонетические такты (или синтагмы). Такие части, предполагающие короткие паузы, отмечаются знаком /. Они делаются в соответствии не с пунктуацией, а с интонацией, но очень часто сигнализируют и о пунктуации. Паузы в местах, где стоит знак /, должны быть короткими и примерно равными по времени. Сложность заключается в том, что строгих критериев деления фразы на фонетические такты и признаков, сигнализирующих о необходимости короткой паузы, нет. Границы фонетических тактов расставляются для каждого текста индивидуального из общих представлений об интонации. Между тем в соотношении фонетической и синтаксической структур можно выделить пограничные места такого рода:

- 1) граница фонетического такта при отсутствии синтаксических границ (пауза нужна, а знак препинания нет);
- 2) совпадение фонетической и синтаксической границы в структурах (и пауза, и знак нужны);
- 3) граница синтаксической структуры при отсутствии фонетических границ (знак препинания нужен, а пауза нет).

Четвёртый случай (ни знак, ни пауза не нужны) нам не интересен.

На это накладывается факультативность границ фонетических тактов (и факультативность пауз) в ситуациях 1 и 3. Очевидно, дальнейшее, более глубокое изучение этого вопроса должно опираться на такое деление из трех групп. Задача для филологов в этой части сводится к оптимальной расстановке границ фонетических тактов.

Е. И. Диброва приводит такой пример членения фразы на такты с учётом факультативных вариантов: *На другой день * весть о пожаре / разнеслась * по всему околотку* (А. С. Пушкин) [Диброва 2006: 31–32].

Звёздочками выделены факультативные границы фонетических тактов, слешем – обязательная граница. В применении к жанру диктанта очевидно, что от первого факультативного деления нужно отказаться (потому что остра проблема пунктуационного выделения обстоятельств в абсолютном начале), от обязательного деления отказаться нельзя (предложение такого объёма нельзя произнести без деления на такты; место между подлежащим и сказуемым оптимально), второе факультативное деление также лучше не отражать (нет особых оснований), но пауза здесь не так нежелательна, как в первом случае. Как

видим, все три ситуации различны, несмотря на отсутствие знаков препинания в предложении.

Е. И. Диброва приводит примеры, когда фонетическая структура отражает и семантику (как следствие, и синтаксическую структуру): 1) *Надо учиться, / работать / и отдыхать.* – *Надо учиться работать / и отдыхать.* 2) *Как испугали её / слова брата.* – *Как испугали её слова брата.* В первом случае от интонации зависит и пунктуация, во втором – только смысл (не стоит забывать, что отражение пунктуации – следствие задачи диктующего, сама задача – передача авторского замысла, поэтому верная интонация важна и в случаях второго рода).

Паузы между фонетическими тактами должны быть примерно равными по продолжительности. Темп (скорость) чтения также должен быть примерно одинаковым на протяжении всего текста. Но есть места, где 1) паузы должны быть более *заметными* (продолжительными); 2) пауза должна строго отсутствовать; 3) темп чтения должен быть быстрее обычного. Дальнейшего изучения требуют различные фонетические средства, отражение которых в устной речи диктующего способствует корректному распознаванию пишущими авторского замысла и синтаксической структуры текста: такты, паузы, темп, логическое ударение и иные. Важно добавить, что соблюдение принципов деления предложения на такты (и других принципов выразительного чтения) относится не только к прочтению предложения по частям, но и при полном прочтении (первом и повторном) предложения. У нас был такой отзыв от участника, зачеркнувшего свою запятую при вводном слове¹: вы при диктовке его выделяли, а при повторе всё вместе прочитали. Так что чтение должно быть выразительным и в первый, и в третий раз, а во втором – «под диктант» – каждое отдельное прочтение предложения должно быть выразительным.

Ниже приведём лишь те практические рекомендации, которые были даны диктующим в 2017 г., и дополним их примерами из текстов Тотального диктанта.

Темп

1. Весь текст читаем в *обычном* темпе.

2. В *ускоренном* темпе читаем:

1) фрагменты, заключённые в скобки или парные тире:

*Основных причин было две: во-первых, во время баталий солдатам и офицерам некогда было заниматься спортом, а ведь эллины (**так называли себя древние греки**) стремились тренироваться всё время, не занятое упражнениями в философии; во-вторых, воинам хотелось*

¹ Этот случай из текста 2017 г., кстати, был нетривиальным. Вводное слово *правда* может восприниматься и как необособляемая частица.

поскорее вернуться домой, а отпуск на войне не предоставлялся (ТД 2016 г., часть 3);

2) иногда вводные слова, если они могут быть приняты за члены предложения:

Казалось, они ожидают меня впереди так же непреложно, как Селенгу ждет Байкал (ТД 2017 г., часть 3);

Паузы

1. В общем случае паузы между словами не делаются. Вы просто читаете слова раздельно, такие паузы особо не выделяются.

2. В местах со знаком / делаем *короткие* паузы, если на его месте нет знака препинания или стоит запятая.

Названия рек / древнее всех других имен, / нанесенных на карты (ТД 2017 г., часть 3).

3. В местах со знаком / делаем *заметные* паузы, если на его месте стоит двоеточие, тире, точка с запятой или скобка.

Невеста была внучкой ссыльных / и дочью простого железнодорожника из Верхнеудинска / – так прежде назывался Улан-Удэ (ТД 2017 г., часть 3).

Логическое ударение¹

1. В общем случае любая часть предложения между знаками / имеет одно слово с логическим ударением, его вы выделяете интуитивно.

*Я застал этот **город** / почти **таким**, / каким его видел **Пепеляев*** (ТД 2017 г., часть 3);

2. При запятой, расчленяющей составные союзы (*оттого, что; потому, что*), и отсутствии знака / важно сделать логическое ударение на первом слове союза.

Чтобы богатые не побеждали бедных / только оттого, что их спортивный инвентарь лучше, / все атлеты мерились силой и ловкостью обнажёнными (ТД 2016 г., часть 3).

Последний пример прокомментирован автором этой работы членам Экспертной комиссии при описании сложных случаев 2016 г. Продублирую ниже этот комментарий.

«Официально допустимые варианты не предусмотрены ни в субботу, ни в видеоразборе в среду.

У нас был такой вариант: *Чтобы богатые не побеждали бедных, только оттого что их спортивный инвентарь лучше, все атлеты мерились силой и ловкостью обнажёнными*¹.

¹ Если говорить строго научно, то логическое и фразовое (или тактовое) ударение не одно и то же, но в инструкциях для диктующих это не разъяснялось. В примерах логическое ударение подчёркнуто двумя чертами, фразовое – одной.

Здесь играет роль интонация диктующего, но даже сам автор в видеопрочтении сделал примерно равные паузы перед *только* и перед *что* (и эта вторая пауза даже меньше). Многие участники оформляли предложение по второму варианту. Формально (по присланным критериям) это ошибка. Примеры такого оформления аналогичных конструкций есть и в НКРЯ».

При более близком рассмотрении примеров из НКРЯ, правда, обнаружилось только два таких случая из 176 вхождений в 136 документах (на 5.07.2017): 1) *Видимо, это и помогло ему выжить в дороге, – ведь красивые люди всегда обретут помощь и уважение, только оттого что от них глаз не оторвать* [А. Иличевский. Старик // «Урал», 2008]; 2) *Нѣтъ основанія отказываться отъ книжнаго рисунка, только оттого что онъ не превратился въ машинный трафаретъ* [С. К. Маковский. Четверть века русской графики // Временник общества друзей русской книги. К. 1. – Париж: Русское книгоиздательство Я. Поволоцкий и Ко, 1925, 1925]. Примеры на *только потому(,) что* не рассматривались.

2. Связь фонетики и орфографии

Орфография русского языка более унифицирована, чем пунктуация, и в меньшей степени отражается фонетическими средствами. В общем случае орфография зависит от смысла (единообразное написание морфем с общим семантическим наполнением), произношения и традиции написания. Тем не менее и правописание слов в отдельных случаях связано с особенностями произношения, и соблюдение таких особенностей должно стать частью принципов выразительного чтения. Основными фонетическими средствами, отражающими правописание, выступают ударение (словесное) и логическое ударение.

Словесное ударение – выделение одного из слогов в фонетическом слове – в большинстве случаев не представляет сложности для носителей русского языка как родного. В практике Тотального диктанта ударение над всеми словами не ставится. Исключения представляют еди-

¹ *Комментарий от редколлегии сборника.* Продолжаем настаивать на том, что это ошибка. Такое выделение свидетельствует о понимании данной конструкции как вставки. А вставка выделяется при помощи более сильных знаков – скобок или тире. К тому же перед союзом *оттого что* есть усилительная частица *только*, которая требует расчленения союза. Чтобы акцентировать внимание на причинной части, можно было бы оформить ее как вставку: *Чтобы богатые не побеждали бедных (только оттого, что их спортивный инвентарь лучше), все атлеты мерились силой и ловкостью обнажёнными.*

ничные случаи (*лавро́вый, не́ дал, ко́рюшка*). Главная функция словесного ударения применительно к жанру диктанта – соблюдение орфоэпических норм в тексте, воспринимаемом слушателями как образец нормы и эстетики. Следствие главной функции относительно орфографии – выделение гласного звука наибольшей силы, не позволяющее написать его неправильно. В авторских материалах подготовки диктующих нефилологов были приведены следующие рекомендации.

1. Иногда по-разному произносятся наречия и соответствующие сочетания существительных с предлогами:

- 1) *во вре́мя игр – прийти́ во́время*;
- 2) *по моему́ мнению – по-мо́ему*;
- 3) *наде́ть на го́лову – войско разби́то на́голову*;
- 4) *не́хотя отве́тить – не хо́тя* (= не желая);
- 5) *шапка съехала́ на́бок – лечь на бо́к*.

2. Обратите внимание на разницу в произношении отрицательных и неопределённых местоимений:

- 1) *никогда́ – не́когда*;
- 2) *нигде́ – не́где*;
- 3) *никому́ – не́кому*;
- 4) *ни у когó – не́ у кого*;
- 5) *ниче́го – не́чего*.

Работа по отбору и систематизации таких примеров для составления материалов подготовки диктующих нефилологов может быть продолжена.

Логическое ударение – это интонационное выделение слов в фонетической фразе, акцентирующее внимание слушающего на этих словах. Есть случаи, когда логическое ударение различается при слитном и раздельном написании графически сходных фонетических слов, имеющих разный частеречный (и вообще морфологический) статус. В авторских материалах подготовки диктующих нефилологов были приведены следующие рекомендации (примеры подобраны тривиальные и не из текстов ТД¹).

1. Обратите внимание на разницу в прочтении местоимений *также* и *тоже* и сочетаний местоимений с частицами *так же* и *то же*.

Первые обычно произносятся нейтрально (здесь и ниже выделены слова с логическим ударением). Они не вносят существенного смысла

¹ Более простые примеры лучше отражают необходимый контраст интонации. Текста 2017 г. мы ещё не имели, в текстах прошлых лет встретились примеры только на слитное написание.

в предложение, и их часто можно опустить, поэтому на них не всегда ставят логическое ударение:

Наши друзья идут на выставку, / и мы тоже пойдём. Я люблю кошек / и собак тоже.

В случае с *так же* и *то же* слова *так* и *то* часто указывают на что-то или что-то сравнивают, поэтому на них ставится логическое ударение. Сравните:

1. *Я тоже хочу яблоко, / как и Вася.* (*Тогда же* – это попутное дополнение).

2. *Я хочу то же яблоко, / что ест Вася.* (*То* – это указание на конкретное яблоко).

3. *Я также хочу пойти в парк.* (*Также* – попутное дополнение).

4. *Я так же, как и ты, / хочу в парк.* (*Так* – сравнение себя с другом).

В примерах (1) и (3) *тоже* и *также* произносятся нейтрально. В примерах (2) и (4) слова *то* и *так* имеют значение указания и сравнения, на них важно сделать логическое ударение.

2. Аналогичная закономерность проявляется между словами *зато* и *за то*.

Зато – это служебное слово (противительный союз), которое обычно произносится без логического ударения.

За то – указание на что-то конкретное, требующее логического ударения.

За то место стоило побороться.

Было тяжело тренироваться, / зато мы победили.

5. Аналогичная закономерность проявляется между словами *чтобы* и *что бы*.

Чтобы – это служебное слово (союз цели), которое произносится обычно без логического ударения.

Что бы – это местоимение и частица, на первом слове обычно ставят логическое ударение.

Что бы такое съесть, / чтобы похудеть.

Дополнительно внимание диктующих стоит обращать на то, что при выразительном чтении на месте удвоенных согласных произносится долгий согласный звук. Сравните: 1) *ранее* (=раньше) – *раннее* (утро); 2) *истина, цена, длина* (сущ.) – *истинна, ценна, длинна* (кр. прил.). Но и там, где такие сопоставления провести нельзя, на месте удвоенных согласных произносим долгий звук: *весенний, странно, миллион* и др. И наоборот, в словах, где часто ошибочно пишут удвоенные согласные, важно произнести звук обычной продолжительности, а не долгий: *юный, багряный, серебряный* и др.

К сожалению, подготовленные в прошлом году материалы не были ориентированы на текст 2017 г., а имели общий характер. В тексте было фонетическое слово *не дал* с проставленным ударением. При проверке бланков автором этой работы (площадки А3, А4) обнаружены работы с написанием **ни дал*. При орфоэпически нормативном произношении, предусмотренном в разметке для диктующих, такое написание невозможно. Приведённый пример показывает, что знакомство с орфоэпически сложными местами текста за считанные часы до акции не приводит к желаемому уровню его прочтения диктующими. При этом качество чтения не должно приводить к повышению числа орфографических ошибок. Возможны следующие решения проблемы: 1) подготовка материалов для диктующих не общего характера, а ориентированных на текст года (как курсы): с включением единичных сложных мест; 2) невключение в подсчёт орфографических ошибок, однозначно связанных с качеством диктовки (типа **ни дал*)¹. В прошлом году мы считали приведённое написание ошибочным, так как у пишущего есть все основания определить правописание (частица *не* с отрицательным, а не усилительным значением), но в целом необходимо нейтрализовать зависимость числа орфографических ошибок от качества чтения.

3. Перспективы развития темы и практические результаты

В организационном плане необходимо сделать обучение диктующих важной частью подготовительного процесса к акции на глобальном и местном уровнях с преобладанием очной (личные встречи и занятия) и дистанционной (вебинары для диктующих) формы над заочной (рассылка инструкций).

В плане научного сопровождения акции необходимо продолжать разработку методических инструктивных материалов с принципами выразительного чтения для подготовки диктующих на теоретическом и практическом уровне. Важны различные формы реализации этих материалов (тексты, презентации, аудио- и видеочтения текстов).

В плане сбора статистических данных об акции нужно выяснить, в скольких городах проводятся в той или иной форме занятия по подготовке диктующих и сколько среди диктующих представителей разных групп языкового сообщества (по классификации И. Е. Кима [#Тот-сборник 2017: 20]).

¹ *Комментарий от редколлегии сборника.* Вряд ли с таким решением можно согласиться, так как это очевидная орфографическая ошибка, она не зависит от качества диктовки.

Список литературы

Диброва Е. И. и др. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студ. высш. учеб. заведений. В 2 ч. Ч. 1. Ростов-на-Дону, 2006.

Михальская А. К. Основы риторики: Мысль и слово: Учебное пособие для учащихся 10–11 классов общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 1996.

Ким И. Е. Тотальный диктант как форма проявления русского языкового сообщества // #ТОТСБОРНИК. Вып. 2. Новосибирск, 2017.

Е. А. Bikmaev

Principles of Expressive Reading as a Means of Successful Communication

The aim of this article is to discover the principles of expressive reading, providing the greatest efficiency of oral-written communication in which the addresser's goal is to most accurately convey orally the content of the written text of another author; and the recipients' goal is to correctly translate the spoken words into written form. The objective of the article is to find techniques by which oral speech would convey the fundamental parameters of the text to be reflected in writing.

Keywords: oral-written communication; speech act; expressive reading; phonetic punctuation means; phonetic spelling means.

Послесловие от редколлегии сборника

В связи с поставленными в статье вопросами хотелось бы вспомнить несколько высказываний, принадлежащих А. М. Пешковскому¹:

«Несмотря на упорное стремление грамматистов в течение всей многовековой истории знаков препинания прикрепить их к определенным грамматическим понятиям и правилам, они и поныне отражают, по моему убеждению, в огромном большинстве случаев, не грамматическое, а декламационно-психологическое расчленение речи».

«Точка, несомненно, определенным образом читается, и потому-то пишущий и может ставить ее везде, где хочет вызвать соответствующее чтение. ... Всякую точку можно независимо от грамматических условий прочитать вслух и ... таких точек, которых бы не следо-

¹ *Пешковский А. М.* Роль выразительного чтения в обучении знакам препинания // А. М. Пешковский. Избранные труды. М., 1959. С. 19–32.

вало читать, нет. А если так, то она есть знак чисто декламационный на психологической основе».

«Усвоение всех знаков препинания, кроме запятой, раз они не коренятся в синтаксических условиях речи, не нуждается в поддержке синтаксиса и даже тормозится в иных случаях этой противоестественной поддержкой. Но зато тем более необходима для огромного большинства этих знаков ... поддержка со стороны выразительного чтения. План обучения при этом получается такой: ученик приучается при чтении вслух всегда *с о з н а т е л ь н о* читать эти знаки, т.е. приводить в связь ту или иную произносительную фигуру (которая дается ему, конечно, бессознательно самой «выразительностью» чтения) с тем или иным знаком... В случае подмены одного чтения другим ему должно указываться, что он прочитал не такой-то знак, который здесь напечатан, а такой-то... Этими и многими другими путями, которые может указать только практика, у ученика на уроках выразительного чтения образуется прочная ассоциация каждого знака с соответствующей произносительной фигурой (или фигурами, если знак их имеет несколько), – ассоциация, протекающая, конечно, в обоих направлениях. Затем при расстановке знаков в собственной работе ученик приучается *мысленно* читать *вслух* написанное, а еще лучше – *мысленно* слышать себя во время самого писания и соответственно ставить знаки. Такие знаки будут разнообразнее, гибче, выразительнее, индивидуальнее, чем измышляемые ныне на грамматической почве, и в то же время грамматические ошибки в них по существу, с точки зрения моей теории, быть не может».

«Усвоение одного знака, запятой, требует координированной поддержки выразительного чтения и грамматики».

«Мысленно слышать то, что пишешь! Ведь это значит написать красиво, живо, своеобразно, это значит заинтересоваться тем, что пишешь, прочувствовать его!»

Б. А. Панов

Школа «Интеллектуал», Москва

ТИПЫ УПРАЖНЕНИЙ ПО ОРФОГРАФИИ И ПУНКТУАЦИИ: ЗАДАНИЯ НА ВЫБОР ОБЪЯСНЕНИЙ

В статье рассматриваются типы упражнения, применяемые в распространенных школьных учебниках по русскому языку, а также предлагаются новые типы заданий, позволяющие повысить эффективность обучения.

Ключевые слова: методика преподавания орфографии; произвольное запоминание; ориентировочная основа действий; Тотальный диктант.

Возьмем один самых распространенных в стране школьных учебников, переживший несколько десятков переизданий – учебник Т. А. Ладыженской и соавторов под научной редакцией Н. М. Шанского. Какие же типы заданий использованы для отработки правил в этой книге? Обратимся к несложному правилу выбора букв *и* и *ы* после *ц* [Ладыженская, Баранов, Тростенцова 2008: 182–183].

Задание к первому после правила упражнению сформулировано так: *Цы или ци? Обозначьте условия выбора букв ы и и после ц (см. образец выше...)*. Вероятно, предполагается, что предложенные слова нужно списать в тетрадь, обозначая корни, суффиксы и окончания традиционными символами. Второе упражнение аналогично, только даны не слова, а словосочетания. В качестве дополнительного задания предлагается составить с двумя словосочетаниями предложения. Задание третьего упражнения таково: *Выпишите в левый столбик слова, в которых после ц пишется буква е, проверяемая ударением, а в правый – слова, в которых пишутся буквы ы, и. Обозначьте орфограммы*. Четвертое упражнение помечено буквой «Р» (что обозначает – «задание по развитию коммуникативных умений») и сформулировано так: *Озаглавьте текст. Какие объяснения приводит автор в первой и второй частях текста? Спишите на выбор одну из частей текста*. Ниже расположено рассуждение про этимологическую связь между *циркулем* и *цирком*. В самом тексте в 12 позициях пропущены буквы на разные правила.

Попробуем описать логику, которой руководствовались составители этих заданий. Во-первых, сначала шли упражнения, где ученик работал со словами, потом в качестве материала для работы использо-

вались словосочетания; завершало параграф упражнение, где нужно было переписывать текст. Во-вторых, для отработки закономерностей правила в первом и втором упражнениях нужно было при списывании вставлять пропущенные буквы и традиционными символами обозначать корни, суффиксы и окончания. В третьем упражнении – распределять слова по столбикам. Последнее упражнение предполагало просто вставку слов на месте пропусков без явного обозначения каких-то условий, определяющих правописание.

Сравним закрепление и отработку этого же правила в учебнике М. М. Разумовской и соавторов [Разумовская, Львова, Капинос 2003: 108–109]. Подробный обзор, вероятно, в нашем случае не нужен. Укажем лишь то, что отличает этот учебник. Во-первых, есть упражнение, где из списка слов нужно выписать лишь те, которые удовлетворяют какому-то заданному условию, например: *Выпишите слова с **ц**ы, графически покажите, в какой части слова после **ц** пишется буква **ы***. Во-вторых, в одном из упражнений есть дополнительное задание на отработку правописания производных слов. Задание звучит так: *От слов на **-ция** образуйте имена прилагательные. Запишите. Образец: лекция – лекционный*. Третье важное отличие – это задания на самостоятельное припоминание слов, удовлетворяющих к какому-то условию. Это задание звучит так: *Кто больше? Подберите слова на **-ция** и запишите их, проговаривая по слогам*. Как и в первом учебнике, есть упражнение, где нужно нарисовать таблицу и заполнить ее примерами, только примеры не даны: их ученики должны подобрать сами. Стоит также указать, что в этом параграфе учебника А. А. Разумовской и соавторов дети работают только со словами и словосочетаниями, упражнений с текстами нет.

Концептуальные различия очевидны, может быть, они заслуживают подробного анализа, но в этой работе мы ограничимся лишь перечислением типов заданий. Первое – списывание слов, словосочетаний или текста с графическим обозначением условий выбора вставленной буквы или без такого обозначения, второе – это выписывание из списка только тех слов, которые соответствуют заданному условию (есть только во втором учебнике), третье – заполнение таблицы (словесный материал может быть предложен или не предложен), четвертое – образование производных слов (тоже есть только во втором учебнике). Стоит отметить, что самые большие по объему – это задания первого типа на списывание со вставкой пропущенных букв.

Если искать психологические обоснования для эффективной методики обучения грамотному письму, то нельзя пройти мимо работ

П. И. Зинченко о произвольном запоминании и П. Я. Гальперина об ориентировочной основе действий.

Вот один из важнейших для педагогики выводов, который был сделан в результате многолетних исследований Петром Ивановичем Зинченко еще в 60-е годы прошлого века: «Материал, составляющий непосредственную цель действия, запоминается конкретно, точно, более эффективно и прочно; тот же материал, относящийся к способам осуществления действия (операциям), запоминается обобщенно, схематично, менее эффективно и менее прочно» [Зинченко 1996: 201]. Давайте проанализируем, что «конкретно, точно, более эффективно и прочно» запоминает ученик при выполнении упражнений, где основное задание – вставка пропущенных букв в слова при списывании. В большинстве случаев, увидев слово с пропущенной буквой, обычный школьник обращается к правилу, которое напечатано в книжке перед упражнением, выбирает нужную букву и грамотно записывает слово. Правило в такой деятельности является средством достижения цели, а целью, соответственно, оказывается вставленная буква. Согласно описанной выше психологической закономерности, получается, что традиционные упражнения эффективны лишь для того, чтобы запоминать, как пишутся конкретные слова, но не для того, чтобы качественно и долговременно закреплять в памяти правила. Очевидно, что выучить, как пишутся тысячи слов языка во всех грамматических формах невозможно, гораздо рациональнее запомнить ограниченное количество общих закономерностей, по которым эти слова пишутся. Если мы хотим добиться долговременного запоминания и глубокого понимания правил, необходимо искать и разрабатывать новые, более адекватные формы работы, где именно правила оказываются целью деятельности ученика.

Самая известная отечественная теория в педагогической психологии – это теория поэтапного формирования умственных действий Петра Яковлевича Гальперина. Важнейшая ее часть – ориентировочная основа действия [Гальперин 2002]. Только после формирования «ориентировки» мы сможем добиться качественного выполнения тех действий, которым хотим научить. Создатели указанных выше учебников сразу дают задания на списывание слов и вставку пропущенных букв, не обращая внимания на то, насколько глубоко учениками осознана та логическая закономерность, которой им предстоит пользоваться при выполнении этих заданий. Иными словами, в учебниках не было заданий, направленных на формирование ориентировочной основы действий.

Можно сказать, что и с точки зрения теории непроизвольного запоминания, и с точки зрения теории формирования умственных действий, самым распространенным учебникам не хватает заданий, целью которых является само правило и его запоминание, заданий, направленных на проверку того, насколько ученик понимает ту закономерность, которую потом нужно будет применять при написании слов. Из перечисленных выше типов заданий целью действий оказалось само правило только в упражнениях, где слова распределяются по столбикам и где из списка слов нужно выписать лишь те, которые удовлетворяют указанному условию. Однако эти задания очень маленького объема, и стоят они в параграфе ниже упражнений на вставку пропущенных букв.

Методические недостатки учебников в той или иной мере осознаются учителями. Именно поэтому в школах практически везде в дополнение к этим учебникам используют «Рабочие тетради» Г. А. Богдановой, в которых есть задания, где ученик работает непосредственно с правилом, например: *Вставьте нужные слова. Чтобы правильно написать безударные личные окончания глагола, необходимо определить его _____. Для этого глагол надо поставить в _____ форме. Если глагол оканчивается на **-ить** или является глаголом-исключением, то это глагол _____ спряжения. Глаголы **стелить, брить** – _____ спряжения* [Богданова 2004: 12].

От обычного учебника такое учебное пособие отличается тем, что ученик может вписывать недостающие слова своей рукой прямо в напечатанный текст, не переписывая его полностью в тетрадь. Поскольку пропущены наиболее значимые для этого правила слова, именно их и запомнит ученик, так как они являются целью его деятельности.

По нашему мнению, совершенно очевидно, в какую сторону нужно двигаться, чтобы обучение орфографии в школе было более эффективным: нужны новые виды заданий, где целью действий ученика является правило. Одно из таких заданий – подбор объяснения к слову. Упражнения на основе задания этого типа могут использоваться при изучении как орфографии, так и пунктуации. Важно, что в качестве материала можно использовать и слова, и словосочетания, и предложения, и даже большой текст. Принципиальной особенностью упражнений этого типа оказалось то, что они не требуют от учителей многочасовой проверки после уроков и позволяют организовать самостоятельную проверку или взаимную проверку прямо на уроке. Также эти упражнения формализуемы и операциональны, что позволяет легко использовать их в компьютерных системах обучения. Четыре примера упражнений на выбор объяснений представлено ниже. Первое упражнение

используется при изучении правописания *н* и *nn*, второе – это часть отработки темы про слитное и раздельное написание *не*. Обратите внимание на важное отличие: в первом упражнении не указано верное написание, но даны полные завершённые объяснения; во втором упражнении объяснения краткие, но верное написание указано. Третье упражнение – обобщающее задание для старшеклассников по первым строкам из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Работа с ним у учеников потребовала около полчаса, проверка заняла 10–15 минут.

Упражнение 1.

Соотнесите слово и объяснение его правописания.

Например, для первого слова *бесчисленное* подходит объяснение под буквой Г.

1.

1	бесчисле_ное
2	фарширова_ный
3	слома_ный
4	рва_ный

А. Это слово образовалось от глагола несовершенного вида, поэтому следует писать одну Н.
Б. Это причастие образовалось при помощи суффикса <i>-ова-</i> , поэтому его следует писать с двумя Н.
В. Это причастие, образованное от глагола совершенного вида, к тому же оно имеет приставку, поэтому нужно писать две буквы Н.
Г. Это прилагательное пишется с двумя буквами Н, так как оно образовано с помощью суффикса <i>-енн-</i> .

2.

1	письме_ный
2	стекля_ный
3	перегруже_ный
4	купле_ный

А. Это прилагательное является словом-исключением, поэтому следует писать две Н.
Б. Это прилагательное пишется с двумя буквами Н, так как оно образовано с помощью суффикса <i>-енн-</i> .
В. Это слово образовано от глагола совершенного вида, поэтому следует писать две буквы Н.
Г. Это причастие, образованное от глагола совершенного вида, к тому же оно имеет приставку, поэтому нужно писать две буквы Н.

3.

1	бесце_ный	А. Это прилагательное пишется с двумя буквами Н, так как оно образовано с помощью суффикса <i>-енн-</i> .
2	негада_ный	Б. Это слово образовалось от существительного <i>чугун</i> с помощью суффикса <i>-н-</i> , поэтому на стыке корня и суффикса пишется две буквы Н.
3	провере_ный	В. Это слово является исключением, в нем пишется две Н.
4	чугу_ный	Г. Это причастие, образованное от глагола совершенного вида, к тому же оно имеет приставку, поэтому нужно писать удвоенную Н.

Упражнение № 2.

Соотнесите слово и объяснение его правописания.

1.

1. <i>Не исследованные</i> места влекут меня, а глухая тайга	А. В этом предложении есть противопоставление.
2. Удобрения <i>не вывезены</i> .	Б. Это слово не употребляется без <i>не</i> .
3. <i>Нестерпимая</i> боль.	В. Это краткая форма причастия.
4. <i>Не склоняемые</i> в русском языке слова.	Г. Это причастие с зависимыми словами.

2.

1. <i>Еще не испытанное</i> в бою оружие.	А. Это краткая форма причастия.
2. На руке была незаметная <i>царина</i> .	Б. Это причастие с зависимыми словами.
3. <i>Ничем не оправданный</i> поступок.	В. Полная форма причастия без зависимых слов и противопоставления.
4. <i>Ответ не продуман</i> .	Г. Это причастие с зависимыми словами.

3.

1. <i>Невидимая</i> сторона луны.	А. Полная форма причастия без зависимых слов и противопоставления.
2. <i>Недоумевающий</i> взгляд.	Б. Это краткая форма причастия.
3. <i>Не умеющий</i> читать ребенок.	В. Это слово не употребляется без

4. Ошибка почти не исправима.

не.
Г. Это причастие с зависимыми словами.

Упражнение 3.

Расставьте над строчками из романа «Евгений Онегин» цифры, указывающие на расположенные ниже объяснения для грамотного написания слов и предложений. В качестве образца в первой и второй строках первой строфы несколько цифр уже поставлены.

I

«Мой дядя¹ самых чест²ных правил,
Когда не в шутку занемог,¹¹
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример другим наука;
Но, боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя!»

II

Так думал молодой повеса,
Летя в пыли на почтовых,
Всевышней волею Зевеса
Наследник всех своих родных.
Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас:
Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель;
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня.

1. Между подлежащим и сказуемым запятая не ставится. Это предложение представляет собой скрытое цитирование: четвертая строка басни И. А. Крылова «Осел и мужик» звучит так: *Осел был самых честных правил.*

2. Непроизносимая согласная. Следует подобрать такое проверочное слово, в котором этот звук произносится отчетливо. Например, *честь*.

3. *Боже мой* – это междометное устойчивое сочетание, которое выделяется с двух сторон запятыми.

4. *Не в шутку* – это наречное устойчивое сочетание, которое пишется раздельно.

5. *И день и ночь* является фразеологизмом, поэтому запятая не ставится.

6. *Не* и *ни* различают по значению. В данном случае частица имеет отрицательное значение, поэтому надо писать *не*.

7. *Не* и *ни* различают по значению. В данном случае частица имеет отрицательное значение, поэтому надо писать *не*. Эта частица с деепричастиями всегда пишется раздельно.

8. *Полу*- всегда пишется слитно.

9. «Сомнительная» согласная в корне; проверяем однокоренным словом или другой формой того же слова, после этой согласной должна стоять гласная, сонорная (*л, м, н, р*) или *в* (*низок*).

10. В сложноподчиненном предложении главная часть отделяется от придаточной запятой.

11. Безударная гласная в корне. Проверочное слово – *лекарь*.

12. Безударная гласная в корне. Проверочное слово – *родственник*.

13. Безударная непроверяемая гласная, написание устанавливается по словарю.

14. Буквосочетание *чт* пишется без *ь*.

15. В сложноподчиненном предложении главная часть отделяется от придаточной запятой. Владимир Набоков в своих комментариях к роману предлагал для прояснения смысла этой «темной» строфы поставить здесь двоеточие.

16. В сложноподчиненном предложении главная часть отделяется от придаточной запятой.

17. В сложносочиненном предложении части должны быть разделены. В соответствии с современными правилами здесь достаточно поставить запятую. Пушкин же использует двоеточие, поскольку далее указывается причина того, о чем говорится в первой части: автор находился в ссылке в Бессарабии.

18. Вводный оборот с двух сторон выделяется запятыми.

19. Далее следует прямая речь, которая у Пушкина оформлена без кавычек. Если прямая речь следует за словами автора, то необходимо поставить двоеточие.

20. Деепричастный оборот выделяется запятыми, кроме того, далее начинается приложение к слову *повеса*.

21. Деепричастный оборот выделяется запятыми.

22. Если между двумя однородными членами предложения есть не повторяющийся сочинительный союз *и*, то запятая не ставится.

23. Здесь двоеточие раскрывает содержание, его можно заменить на *а именно*.

24. Здесь усилительная частица *ни*, ее можно заменить на слова *даже* или *и*.

25. Между подлежащим и сказуемым запятая не ставится. В соответствии с современными правилами в данном случае требуется постановка тире, так как подлежащее и сказуемое выражены существительными в именительном падеже.

26. Между подлежащим и сказуемым запятая не ставится. В соответствии с современными правилами в данном случае требуется постановка тире, так как подлежащее выражено существительным в именительном падеже, а сказуемое – глаголом в неопределенной форме.

27. Написание проверяется по словарю.

28. Обращение выделяется запятыми.

29. Обращение обязательно выделяется запятой или восклицательным знаком, в данном случае Пушкин использовал восклицательный знак. «Руслан и Людмила» – первое крупное произведение Пушкина. Мнения критиков об этом произведении разделились, например, Карамзин называл поэму «непристойной», а Жуковский, напротив, подарил молодому поэту свой портрет с надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя».

30. Однородные обстоятельства разделяются запятыми.

31. Однородные члены предложения разделяются запятыми.

32. Приложение после определяемого слова с двух сторон выделяется запятыми.

33. Написание буквы *о* в приставке *по-* проверяется подбором других слов с той же приставкой, в которых она стоит под ударением, например: *поступь*, *посланный*.

34. Приставки *над-* не бывает. Написание буквы *о* в приставке *под-* проверяется подбором других слов с той же приставкой, в которых она стоит под ударением, например: *подпол*.

35. Словарное слово – *лучше*.

36. Так как после корня следует суффикс *-а-*, нужно писать букву *и*.

37. Частица *же* всегда пишется отдельно.

38. Это наречие, поэтому после шипящей пишется мягкий знак.

Подготовка таких упражнений достаточно трудоемка. Но существует ресурс, который можно использовать для создания целой серии таких заданий – это материалы для экспертов Тотального диктанта. Последние годы к каждому диктанту готовится большая таблица с подробным объяснением всех позиций текста, где при написании требуется применить то или иное орфографическое или пунктуационное правило. К каждому месту в тексте диктанта, где возможна ошибка, члены Экспертного совета Тотального диктанта ежегодно пишут подробные качественные комментарии, которые можно использовать для

создания подобных упражнений. Естественно, эти комментарии требуют сокращения. Для тренировочного упражнения не нужны ссылки на параграфы Полного академического справочника, также следует убрать упоминание слов или точное указание на предложения, о которых идет речь, чтобы задание было осмысленным и не примитивным. Приведем изначальный текст комментария: «Определительный оборот *приехавшие из глубинки*, стоящий перед определяемым существительным *буряты*, не выделяется запятыми. [ПАС. Пунктуация. § 46.2 в разделе «Знаки препинания при обособленных согласованных определениях»]». Для упражнения он должен выглядеть так: «Определительный оборот, стоящий перед определяемым существительным, не выделяется запятыми».

Результаты кропотливого труда, ежегодно проделываемого коллегами, окажутся востребованы не один раз при проверке конкретного текста ТД, а неоднократно при подготовке к очередным диктантам, не только тотальным.

Упражнение 4.

Расставьте над строчками из текста Тотального диктанта 2017 года цифры, указывающие на расположенные ниже объяснения для грамотного написания слов и предложений. В качестве образца в первой и второй строках несколько цифр уже поставлены.

Я застал этот город почти таким,¹¹ каким его видел Пепеляев. На рынке торговали бараниной⁴ при⁸ехавшие из глубинки буряты в традиционных синих халатах и прохаживались женщины в музейных сарафанах. Они продавали нанизанные на руки, как калачи, круги мороженого молока. Это были «семейские», как в Забайкалье именуют старообрядцев, раньше живших большими семьями. Правда, появилось и то, чего при Пепеляеве не было. Помню, как на главной площади поставили самый оригинальный из всех виденных мною памятников Ленину: на невысоком пьедестале круглилась громадная, без шеи и туловища, гранитная голова вождя, похожая на голову богатыря-исполина из «Руслана и Людмилы». Она до сих пор стоит в столице Бурятии и стала одним из ее символов. Здесь история и современность, православие и буддизм не отторгают и не подавляют друг друга. Улан-Удэ подарил мне надежду, что и в других местах это возможно.

1. Буква *ь* не пишется в сочетаниях согласных *нч*, *нщ*, в частности перед суффиксами *-чик*, *-щик*, *-щин(а)*.

2. В сложносочиненном предложении с одиночным союзом *и* запятая не ставится, если имеется общий второстепенный член (в данном случае – *на рынке*).

3. В этом слове корень с чередованием *оро* / *ра*. В таких корнях написание *-оро-* определяется проверкой хотя бы одной гласной (например, *холод*) или указанием на однокоренное слово с неполногласием (*хлад*).

4. Определительный оборот, стоящий перед определяемым существительным, запятыми не выделяется.

5. Вводное предложение выделяется запятыми либо тире.

6. Написание буквы *о* в приставке *по-* проверяется подбором других слов с этой же приставкой, в которых она стоит под ударением, например: *поступь*, *посланный*. От приставки *по-* следует отличать приставку *па-*, которая встречается в отдельных словах, обозначающих приобретенное родство: *пасынок*, *падчерица*.

7. Названия народов, жителей пишутся со строчной буквы.

8. В словах со значением приближения, доведения действия до определенного результата употребляется приставка *при-*.

9. Кавычками выделяются слова непривычные, малоупотребительные, на которые автор хочет обратить внимание, а также слова устарелые или, наоборот, совсем новые, если подчеркивается эта их особенность.

10. Запятые выделяется придаточная часть сложноподчиненного предложения.

11. Запятой разделяются главная и придаточная части сложноподчиненного предложения.

12. Запятой отделяется обособленное определение, выраженное причастным оборотом, которое стоит после определяемого слова.

13. Двойные согласные пишутся на стыке приставки и корня, если приставка кончается, а корень начинается одной и той же согласной буквой.

14. Написание двойных согласных в корнях заимствованных слов определяется по словарю.

15. Однородные члены предложения, соединенные одиночным союзом *и*, запятой не разделяются.

16. Определительный оборот, стоящий перед определяемым существительным, запятыми не выделяется.

17. Пишутся через дефис сочетания с однословными приложениями, следующими за определяемым словом.

18. После согласных перед буквами *я*, *ю*, *ё*, *е*, *и*, передающими сочетания [j] с гласными, в корне слова пишется разделительный *ь*.

19. Сравнительный оборот выделяется запятыми.
20. Соединительный гласный передается на письме после твердых парных согласных буквой *о*, а после мягких парных согласных, шипящих, *ц* и *ж* – буквой *е*.
21. Слово пишется с прописной буквы, так как является географическим названием.
22. С прописной буквы пишутся однословные производные (суффиксальные и приставочно-суффиксальные), преимущественно неофициальные, названия территорий, областей, местностей, например: *Подмосковье, Закавказье, Полесье, Приднестровье, Оренбургье*.
23. С двумя *н* пишутся суффиксы *-енн-* и *-онн-* имен прилагательных, образованных от существительных.
24. Причастия, образованные от глаголов несовершенного вида, и соотносительные с ними прилагательные пишутся по-разному: причастия с *нн*, прилагательные – с одним *н*. В этом случае перед нами причастие, так как у него есть зависимые слова.
25. Причастия, образованные от глаголов несовершенного вида, и соотносительные с ними прилагательные пишутся по-разному: причастия с *нн*, прилагательные – с одним *н*. В данном случае *морозенное* – прилагательное, оно не имеет зависимых слов.
26. Существительные с суффиксами *-ость*, *-ик*, *-иц(а)*, образованные от прилагательных и страдательных причастий, пишутся с двойным *н* или одним *н* – в зависимости от того, как пишется соответствующее прилагательное или причастие.
27. Эти определения не разделяются запятой, так как не являются однородными: они характеризуют объект с разных сторон.

Список литературы

- Богданова Г. А. Русский язык: Рабочая тетрадь для 5 класса. В 2-х ч. Ч. I. М.: Издательский дом «Генжер», 2004.
- Гальперин П. Я. Лекции по психологии / Под ред. и с предисл. А. И. Подольского. М., 2002.
- Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание, М.; Воронеж, 1996.
- Ладыженская Т. А., Баранов М. Т. Тростенцова Л. А. и др. Русский язык: учеб. для 5 кл. общеобраз. учреждений, 35-е издание. М.: Просвещение, 2008.
- Разумовская М. М., Львова С. И., Капинос В. И. и др. Русский язык: Учебник для 5 кл. общеобразовательных учреждений. М.: Дрофа, 2003.

B. A. Panov

**Teaching Methodology for Spelling and Punctuation:
New Types of Exercises**

The article discusses the traditional types of exercises for teaching Russian and offers new kinds of exercises with a choice of explanation for spelling and punctuation.

Keywords: teaching methods of spelling; involuntary memorizations; orienting basis of action; Total Dictation.

Н. С. Гусейнова

Муромский колледж радиоэлектронного приборостроения, Муром

ВОЗМОЖНОСТИ ТОТАЛЬНОГО ДИКТАНТА ПРИ ПОДГОТОВКЕ К ЕГЭ И ОГЭ В 9 И 11 КЛАССАХ

Рассматриваются возможности использования акции «Тотальный диктант» для подготовки учащихся 9-х и 11-х классов к экзамену по русскому языку. Предложены варианты заданий по текстам диктантов разных лет, задания для методической подготовки учителей русского языка и литературы. На примере заданий подготовительных курсов и текстов современных авторов рассмотрена возможность проведения интегрированного урока русского языка и литературы.

Ключевые слова: языковая; лингвистическая и коммуникативная компетенции; Тотальный диктант.

Современный экзамен по русскому языку в 9-м и 11-м классах предполагает владение языковой, лингвистической и коммуникативной компетенциями. На освоение этих компетенций нацелены многочисленные пособия по подготовке к ЕГЭ и ОГЭ. Однако именно материалы Тотального диктанта могут быть наиболее эффективными при совершенствовании орфографических и пунктуационных навыков, а также в работе с текстом и написании сочинения. Тексты Тотального диктанта подходят и по тематике, и по орфографической и пунктуационной сложности. На их основе возможно создание заданий в формате ЕГЭ и ОГЭ. Кроме того, несмотря на небольшое количество часов, отводимое на изучение русского языка и литературы при большом количестве материала, изучаемого в этих классах, в рамках подготовки к ОГЭ и ЕГЭ возможно проведение занятий интегрированного характера с использованием материалов Тотального диктанта, причем как самих текстов, так и материалов занятий «Русский по пятницам».

В качестве примера использования заданий, способствующих формированию навыков связной речи, можно обратиться к темам, связывающим такие дисциплины, как «Русский язык» и «Литература», на уроке, посвященном эпохе Серебряного века, на примере биографии Д. С. Лихачева и текста Е. Водолазкина, «И серебряный месяц ярко / Над серебряным веком стыл».

Урок может быть рассчитан на 1,5 часа и ориентирован на достижение следующих целей:

- 1) знание фактов биографии Д. С. Лихачева и особенностей его деятельности;
- 2) формирование навыков работы с текстом;
- 3) воспитание чуткого отношения к языку;
- 4) совершенствование навыков правописания;
- 5) знакомство с понятием «вариативность» в орфографии и пунктуации.

Конечно, урок такого типа не предполагает подробного изложения фактов биографии ученого и публициста, но тексты, посвященные детству академика, помогают охарактеризовать эпоху начала XX-го столетия.

Ход урока (занятия на элективных курсах)

I. Вступительное слово

Дмитрий Сергеевич Лихачев родился и рос в эпоху, когда человек жил в атмосфере кризиса общественного сознания, ощущения переломности исторического момента и переосмысления духовных ценностей. Это была та короткая и блестящая пора в истории русской культуры, которую принято называть Серебряным веком. И хотя родители будущего ученого и общественного деятеля не принадлежали к литературной или артистической среде (его отец был инженером), тем не менее эта эпоха затронула и их семейство. Большим увлечением родителей Лихачева был балет. Ежегодно, несмотря на недостаток в средствах, они старались снять квартиру как можно ближе к Мариинскому театру, покупали два балетных абонементов в ложу третьего яруса и не пропускали почти ни одного представления. Вместе с родителями с четырехлетнего возраста театр посещал и маленький Дмитрий. Летом семья отправлялась на дачу в Куоккалу. Здесь отдыхали многие представители артистического и литературного мира Петербурга. На дорожках местного парка можно было встретить И. Е. Репина, К. И. Чуковского, Ф. И. Шаляпина, Вс. Мейерхольда, М. Горького, Л. Андреева и других писателей, художников, артистов, музыкантов. Некоторые из них выступали в любительском дачном театре с чтением стихов, воспоминаний. «Люди искусства стали для нас всех если не знакомыми, то легко узнаваемыми, близкими, встречаемыми», – рассказывал Д. С. Лихачев.

II. Работа с текстом

1) Профессорская дача на берегу Финского залива. 2) В отсутствие хозяина, друга моего отца, нашей семье позволялось там жить. 3) Даже спустя десятилетия помню, как после утомительной дороги из города меня обволакивала прохлада деревянного дома, как собирала растрясшееся, распавшееся в экипаже тело. 4) Эта прохлада не была связана со свежестью, скорее, как ни странно, – с упоительной затхлостью, в которой слились ароматы старых книг и многочисленных океанских трюфеев, непонятно как доставшихся профессору-юристу. 5) Распространяя солоноватый запах, на полках лежали засушенные морские звёзды, перламутровые раковины, резные маски, пробковый шлем и даже игла рыбы-иглы.

Задания для 9 класса	Задания для 11 класса
<ol style="list-style-type: none"> 1. Подберите синоним к слову <i>обволакивала</i>. Попробуйте заменить им слово. Проследите, что изменилось в эмоциональном настрое текста. 2. Сформулируйте все возможные варианты заданий на правописание приставок в формате ОГЭ. 3. Сформулируйте все возможные варианты заданий на правописание <i>и</i> и <i>ни</i> в формате ОГЭ. 4. Выпишите пять словосочетаний с типом связи «согласование». Там, где это возможно, замените на словосочетания с типом связи «управление». 5. Определите количество грамматических основ в предложении (3). Определите вид соподчинения. При каких условиях возможно отсутствие запятой между частями? 6. Вспомните, что такое приложение. Найдите приложения в тексте. Расскажите об условиях постановки дефиса при одиночном приложении. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Выпишите слова с безударной непроверяемой гласной в корне. 2. Определите стиль и тип речи приведенного отрывка. Обоснуйте свой ответ. 3. Прочитайте фрагмент словарной статьи, в которой приводятся значения слова <i>экипаж</i>. Определите значение, в котором это слово употреблено в третьем предложении текста. ЭКИПАЖ, экипажа, муж. (франц. <i>équipage</i>). 1) Легкая повозка: <i>Несется в толкотне безумной блестящих экипажей ряд</i> (Некрасов); <i>Звяканье подков и экипажей грохот, по неровной мостовой</i> (Полонский). 2) Команда корабля, самолета, танка (мор., авиац., воен.). <i>Экипаж миноносца. Экипаж самолета.</i> 3) Береговая войсковая единица морской пехоты (воен.-мор.). <i>Балтийский флотский экипаж.</i>

Каков эмоциональный настрой отрывка?

С помощью каких изобразительно-выразительных средств языка он создается?

Как бы вы охарактеризовали атмосферу той эпохи?
Есть ли ощущение кризисности, катастрофичности?

III. Орфографический и пунктуационный практикум

Прочитайте высказывание Е. Водолазкина о Д. С. Лихачеве: «Говорил и писал Лихачев очень просто, так просто, как это может позволить себе человек, мысль которого уже не нуждается в орнаменте» (Е. Водолазкин).

Высказывание об академике Лихачеве дает возможность логически перейти к работе над третьей частью текста Тотального диктанта «Волшебный фонарь» 2015 г.

Задания к тексту можно предложить и в формате ОГЭ для 9-го класса и в формате ЕГЭ для 11-го класса. Причем характер заданий таков, что предполагает не натаскивание на выполнение заданий, а формирование широких представлений об орфографических и пунктуационных явлениях, а также навыков связной речи.

Задания предполагают отработку орфографических и пунктуационных навыков с использованием возможностей сайтов <http://totaldict.ru>, <http://www.gramota.ru>.

Кроме того, в сильном 9-м классе, а также в 11-м классе для всех возможно задание в формате веб-квеста, связанное с вариантами постановки знаков препинания на примере разных предложений текста (а как мы знаем, одно из них допускает 50 вариантов).

Примерные задания к тексту Е. Водолазкина

Задания для подготовки к ЕГЭ

1. Выпишите слова с непроверяемой гласной корня. Объясните значение непонятных слов.

2. Перестройте словосочетание *кованая решетка* таким образом, чтобы проиллюстрировать все возможные варианты написания **н** и **nn**.

Выполните задание на сайте <http://totaldict.ru>. При наличии ошибок выполните упражнение по теме в разделе «Репетитор онлайн» на сайте <http://www.gramota.ru>.

3. Решите орфографическую задачу: какие слова нельзя написать слитно или раздельно вне контекста.

(Без)устали, (без)просвета, (в)высь, (в)далеке, (в)двое, (в)догонку, (в)дребезги, (в)седьмых, (в)замен, (в)ничью, (в)общем, (в)открытую, (в)конце(концов), (в)одиначку, (по)одиначке, (по)двое, (по)одному, (по)прежнему, (по)русски, (по)латыни, мало(по)малу, (давным)давно, бок(о)бок, точь(в)точь, (под)стать, (под)час, (за)границу, (за)границей, (за)мужем, (на)изусть, (на)зубок, (на)память, (на)спех, (на)лету, (с)плеча, (с)размаху, (в)наем, (в)рассрочку, (в)сердцах, (в)срок, (в)розницу, (за)одно, (за)полночь, (из)дали, (ис)под(тишка), ис(под)воль, (на)взничь, (на)глаз, (на)завтра, (до)упаду, (до)красна, (по)утру, (по)моему, (по)пусту, (по)легоньку, (с)маху, (на)бегу, (как)будто, (как)раз, (на)кануне, (на)поруки, (на)стежь.

Найдите в тексте слова с подобной орфограммой.

4. Вспомните особенности склонения личных местоимений. Найдите в тесте предложение, в котором есть падежные формы личных местоимений.

5. Прокомментируйте отсутствие запятой в предложении (8) перед союзом *и*, а также наличие запятой перед союзом *и* в предложении (10).

6. Найдите в тексте все предложения с несколькими придаточными, определите вид соподчинения.

7. Вспомните правила определения спряжения глаголов, найдите в тексте все слова, написание которых зависит от спряжения.

8. Прочитайте предложения, объясните варианты постановки знаков препинания. При затруднениях обращайтесь на сайты <http://gramma.ru>, <http://www.gramota.ru>.

Я видел, как по Невскому ехали тушить пожар ранней осенью на исходе дня.

Я видел, как по Невскому ехали тушить пожар ранней осенью, на исходе дня.

Я видел, как по Невскому ехали тушить пожар, ранней осенью на исходе дня.

Я видел, как по Невскому ехали тушить пожар, ранней осенью, на исходе дня.

Я видел, как по Невскому ехали тушить пожар – ранней осенью на исходе дня.

Я видел, как по Невскому ехали тушить пожар – ранней осенью, на исходе дня.

9. Маркируйте ключевые слова: слова-понятия – красным маркером, оценочные – синим. Определите проблемы текста. Сформулируйте в виде вопросов.

Варианты

1. Что такое детство? Какие воспоминания связаны со временем детства?

2. Что такое профессия? Как человек должен выбирать свою будущую профессию?

3. Что такое героизм? В чем он проявляется?

10. Определите, какой вариант комментария соответствует той или иной проблеме.

Варианты

1. Герой Е. Водолазкина вспоминает детство. Большое впечатление на него произвели пожарные. Их трагичный и торжественный вид впервые заставил ребенка задуматься о будущей профессии, ведь при виде огнеборцев «...все бросаются врассыпную».

Избыток чувств приводит к тому, что мальчик «...обращал к ним беззвучную просьбу принять ... в их ряды». Конечно, став взрослым, он выбирает другую профессию, но воспоминание о первых впечатлениях от вида людей, занимающихся опасным, но нужным делом, остается на всю жизнь.

2. Герой Е. Водолазкина вспоминает детство. В ту пору все казалось таким необычным и грандиозным: и «скачок», и «...колесница, несущая огнеборцев...», и обоз, который «...на небольшой высоте летит над Невским».

Маленький мальчик может представить себя мужественным и героическим пожарным и заплакать не столько от испуга, сколько «...от избытка чувств, от восхищения...».

3. Герой Е. Водолазкина вспоминает детство. Именно в эту пору он начинает понимать, что есть люди, чья профессия опасна и требует каких-то определенных качеств, поэтому даже мальчик чувствует трагичность момента, когда пожарные мчатся «...по бурлящему Невскому...» и «...на их лицах играют отблески пламени, которое уже где-то разгорелось...». Он начинает понимать, что им предстоит совершить что-то героическое.

Вид пожарных, стремящихся спасти людей, производит на мальчика такое впечатление, что он плачет «...от избытка чувств...», восхищенный героизмом и мужеством тех, кто самоотверженно может находиться там, где опасно.

Задание для методического обучения учителей русского языка и литературы: сделайте комментарий к тексту «Профессорская дача на берегу Финского залива».

Заключительный этап урока об эпохе Серебряного века и Д. С. Лихачеве знакомит учащихся с тем, как сложилась судьба академика после заката эпохи, подводятся итоги занятия; выразительное чтение стихотворения А. Блока, что еще раз подводит к мысли о связи эпох, диалоге культур и убеждению, что существуют вечные ценности, среди которых – родной язык.

Несомненно, можно подобрать множество вариантов упражнений по текстам Тотального диктанта, направленных как на формирование правописных навыков, так и навыков связной речи:

- создание взаимодиктантов;
- зрительные диктанты;
- анализ структуры предложений;
- составление алгоритмов правил.

По образцу заданий, предложенных для занятий «Русский по пятицам», составлены задания с самопроверкой.

Тексты современных авторов могут использоваться в качестве литературных аргументов для сочинения по предложенному тексту.

Хорошим примером формы методической работы служат тренинги по проверке диктантов на конференции Тотального диктанта, проходящей в г. Новосибирске. Не только молодые, но и опытные педагоги в процессе таких тренингов могут повысить уровень своей квалификации.

В связи с этим можно предложить следующие варианты методического обучения:

- напишите диктант, примите участие в тренинге по проверке, рассмотрите возможные варианты написания, обоснуйте их, сделайте комментарий к тексту, ориентируясь на предложенные справочники;
- рассмотрите возможные варианты грамматических и речевых ошибок, определите содержание конкретных тем сочинения (итоговое и 17.1), составьте и заполните таблицу с графами: «Компоненты со-

держания образования»; «Предметные результаты»; «Метапредметные результаты»; «Личностные результаты»;

- проверьте сочинения учеников в группе, классифицируйте грамматические и речевые ошибки;

- напишите сочинение (по русскому языку или литературе), проверьте по критериям, определите, проверка какого критерия вызвала наибольшие затруднения при оценке, продумайте задания при изучении какой-либо темы, которые помогут избежать подобной ошибки;

- решите логические задачи, связанные с текстом: по предложенному комментарию определите проблему текста;

- прочитайте текст (может быть вариант для 5–11 классов), продумайте задания, нацеленные на достижение результатов разных уровней.

Работа с материалами Тотального диктанта может способствовать повышению интереса к русскому языку, ведь учащиеся будут знать, что эти тексты являются материалом проведения акции во многих странах мира, а для учителей русского языка это возможность повышения квалификации.

Список литературы

Васильева Т. С. ФГОС нового поколения о требованиях к результатам обучения // Теория и практика образования в современном мире: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, январь 2014 г.). СПб.: Заневская площадь, 2014. С. 74–76.

Ильина А. В. Кадровое и методическое обеспечение введения Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования. Челябинск: ООО «Пронто», 2011. № 1 (6). С. 120–124.

Немова Н. В. Управление методической работой в школе // Приложение к журналу «Директор школы». М.: Сентябрь, 1999.

Интернет-источники

<http://totaldict.ru>

<http://www.gramota.ru>

<http://grammar.ru>

N. S. Guseinova

**Possibilities of Using the Total Dictation in Preparation
for Unified State Exam (11th grade) and Middle School Exam (9th grade)**

Our article reviews the possible use of the Total Dictation as preparation for the 9th and 11th grade students for the Russian Language exam. The article offers several exercises based on previous dictations, as well as tasks for the methodological training of Russian Language and Literature teachers. We analyze the possibility of an integrated Russian Language and Literature lesson on the example of tasks from preparatory courses and texts written by modern authors.

Keywords: language; linguistic and communicative competence; Total Dictation.

Д. Дружиловска

*Институт славянской филологии Вроцлавского университета,
Вроцлав, Польша*

**ТОТАЛЬНЫЙ ДИКТАНТ КАК СРЕДСТВО ИЗМЕРЕНИЯ
СТЕПЕНИ ДОСТИЖЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ЯЗЫКОВЫХ
НАВЫКОВ ИНОФОНАМИ
(на примере польскоговорящих учащихся)**

Всемирная акция «Тотальный диктант» рассматривается с точки зрения обучения русскому языку как иностранному. Целью исследования было выявить, охарактеризовать и объяснить самые частотные и распространенные ошибки, допущенные в тексте Тотального диктанта — 2017 участниками вроцлавской площадки (Вроцлав, Польша). Был проведен анализ ошибок, с целью выявления закономерностей между ними, их (ошибок) классификация, были выявлены их причины. В основе большинства из них лежит интерференция между близкородственными польским и русским языками. Выявлены следующие типы ошибок: ошибки, в основе которых лежит звуковосприятие русской речи поляками; ошибки в области флексии и морфологии; ошибки, возникающие под влиянием интерференции русского и польского языков; ошибки, отражающие незнание лексики, особенно в сфере страноведческих фактов.

Ключевые слова: Тотальный диктант, русский язык как иностранный, польский язык, близкородственные языки, языковая ошибка, языковая интерференция, языковой навык, языковое умение.

В рамках статьи всемирная акция «Тотальный диктант» рассматривается с точки зрения обучения русскому языку как иностранному.

Целью исследования было выявить, охарактеризовать и объяснить самые частотные и распространенные ошибки, допущенные в тексте Тотального диктанта — 2017 участниками вроцлавской площадки (Вроцлав, Польша). Был проведен анализ и классификация типичных ошибок, выявлены причины их возникновения. В основе большинства из них лежит интерференция между близкородственными языками, каковыми являются друг по отношению к другу русский и польский языки. Коэффициент ошибок позволил определить степень владения определенными языковыми навыками и умениями у поляков, принимавших участие в Тотальном диктанте — 2017 во Вроцлаве.

Достижение поставленной цели предполагало решение ряда как теоретических, так и практических задач:

1) определить понятия, ключевые в контексте настоящего исследования: *языковой навык, языковое умение, языковая интерференция, языковая ошибка, близкородственные (славянские) языки*;

2) провести анализ и классификацию ошибок, допущенных в тексте Тотального диктанта – 2017 польскоговорящими учащимися вроцлавской площадки;

3) определить и объяснить причины ошибок;

4) определить степень достижения определенных навыков и умений пишущими;

5) выявить особые ценности участия в Тотальном диктанте для инофонов;

6) сформулировать частные и общие выводы.

Методы исследования определялись поставленной целью и задачами: наряду с общенаучными методами наблюдения, описания, анализа, синтеза, обобщения и систематизации, а также дедуктивного и индуктивного методов, применялись лингвистические и лингводидактические методы и приемы: опытно-экспериментальная работа и эмпирический метод.

Материалами эксперимента послужили 49 работ польскоговорящих учащихся, написавших Тотальный диктант во Вроцлаве в 2017 г.

Вроцлавская площадка Тотального диктанта была организована в Институте славянской филологии Вроцлавского университета. В акции участвовал 61 человек, в том числе 12 носителей русского языка (русские, украинцы и белорусы) и 49 поляков, изучающих русский язык как иностранный, в основном – студенты-русисты. Среди них были представители как дневной, так и заочной формы обучения русской филологии, а также (в значительно меньшей степени) любители русского языка, не являющиеся студентами Института славянской филологии. Текст написали также двое польских преподавателей русского языка.

Большая часть студентов, написавших Тотальный диктант, учились на 2–5 курсах. Студенты-русисты – это, с одной стороны, иностранцы, изучающие русский язык, не являющийся для них родным, с другой – иностранцы, получающие профессиональное образование в области русистики и стремящиеся овладеть им на достаточно высоком уровне.

Русский язык в настоящее время преподается только в некоторых польских школах, следовательно, в Институт поступают в основном учащиеся элементарного уровня. За три года бакалавриата они должны

достичь уровня В2.2, в течение следующих двух лет магистратуры – С1.2.

Акция TRUD, предлагаемая организаторами Тотального диктанта с 2016 г., задуманная для иностранных участников и базирующаяся на уровневом подходе к тестированию по русскому языку как иностранному, не нашла применения для участников акции во Вроцлаве. Русский и польский языки являются близкородственными, соответственно, они «отличаются большой степенью близости друг к другу, которая обнаруживается в корнеслове, аффиксах, структуре слова, употреблении грамматических категорий, структуре предложения, семантике, системе регулярных звуковых соответствий, морфонологических чередованиях. Эта близость объясняется как единством происхождения славянских языков, так и их длительными и интенсивными контактами на уровне литературных языков и диалектов. Имеются, однако, и различия материального, функционального и типологического характера, обусловленные длительным самостоятельным развитием славянских племен и народностей в разных этнических, географических и историко-культурных условиях, их контактами с родственными и неродственными этническими группами» [Бернштейн 1998: 460–461]. В этой связи овладение русским языком поляками-инославянами проходит значительно быстрее и эффективнее, чем носителями других (неславянских) языков. Таким образом, часть заданий, особенно относящихся к элементарному, базовому и первому сертификационному уровням, являлись недостаточно сложными для того, чтобы активизировать весь потенциал участников. Было принято решение о том, что написание текста, предназначенного для носителей русского языка, в данном случае будет более эффективным с точки зрения лингводидактики.

Для настоящего исследования представляется целесообразным привести определение и классификацию ошибок, встречающихся в речи инофонов. Под ошибкой подразумевается «отклонение от правильного употребления языковых единиц и форм. [...] Ошибки классифицируются по *аспектам языка* (фонетические, лексические, грамматические) и *видам речевой деятельности* (понимание иноязычной речи, говорение, чтение, письмо)» [Азимов 2009: 182]. Следует подчеркнуть, что «причины ошибок видят в межъязыковой и внутриязыковой интерференции либо в причинах дидактического характера. Межъязыковые ошибки возникают под влиянием родного языка и отражают особенности процесса овладения иностранным языком, ход этого процесса и влияние ранее усвоенных явлений изучаемого языка на новый материал» [Там же]. Исследуемые в данной статье ошибки, допущен-

ные в тексте Тотального диктанта — 2017 вроцлавскими участниками акции, наглядно показывают влияние интерференции на достижение определенных языковых навыков.

Как говорилось выше, существуют разные классификации ошибок, построенные по разным параметрам. Ученые выделяют, например, акцентологические ошибки (находящие свое отражение и на письме, как показало исследование), ошибки в согласовании, ошибки в управлении, грамматические ошибки, грамматико-синтаксические ошибки, графические ошибки и др. Авторы научных трудов предлагают и деление ошибок по другим критериям, например, З. М. Цветкова выделяет оговорки, ошибки, возникающие из-за отсутствия *прочных навыков*, ошибки, являющиеся результатом неверного понимания или *неверного застарелого навыка*, ошибки незнания [Цветкова 1964]. Детальный обзор классификаций ошибок проводит Н. Н. Рогозная [Рогозная 2012].

Диктант, используемый традиционно при обучении иностранным языкам (например, контрольный диктант, «использован также для контроля некоторых навыков и умений» [Азимов 2009: 62]), отличается структурой и принципами построения от диктанта, разработанного для носителей языка. Под навыком подразумеваются «операции, доведенные до уровня совершенства (автоматизма, безошибочного выполнения)» [Там же: 150–151], под умением – «усвоенный субъектом способ выполнения действий, обеспечиваемый совокупностью приобретенных навыков и знаний» [Там же: 320].

Таким образом, ошибки, появившиеся в исследуемых работах, касались не только орфографии и пунктуации (пунктуационные ошибки не рассматриваются в рамках данной статьи), но и грамматики, звуковосприятия и др. Во многих случаях они обусловлены интерференцией русского и польского языков.

Многочисленную группу составляют ошибки, являющиеся результатом звуковосприятия русской речи поляками. Среди них можно выделить ошибки, вызванные звуковосприятием редуцированных гласных, в основном в процессе аканья и иканья, например:

мне слышалось – *мне *слышелось* (63 % ¹)
непреложно – **неприложно* (63 %)
отторгают – **оттаргают* (59 %)
лейтенанту – **летинанту* (25 %), **литинанту* (3 %), **литянанту* (9 %), **литенанту* (6 %), **летенанту* (9 %), **лейтнанту* (6 %), **лейтинанту* (6 %), *летейнанту* (3 %)

¹ Здесь и далее в скобках указывается процент ошибочных написаний.

поручику – **поручику* (3 %)

часто – **часто* (3 %)

Своеобразную группу ошибок представили собой те, в которых отражается определенный страх допустить ошибку в написании безударного гласного, что привело в итоге к неверному написанию редуцированных гласных в следующих словах:

калачи – **колачи* (72 %); **калочи* (31 %)

прохаживались – **прохоживались* (44 %)

в халатах – **в халотах* (39 %), **в холатах* (28 %)

подавляют – **подовляют* (38 %)

сарафанах – **сарофанах* (38 %), **сорафанах* (22 %), **сарафонах* (9 %), **серофанах* (3 %)

неровный – **неровный* (25 %)

богатыря – **боготыря* (22 %), **богатеря* (19 %)

памятников – **помятников* (20 %)

правда – **правдо* (19 %)

загадочной – **загодочной* (19 %)

мне чудилось – *мне *чуделось* (9 %)

поручику – *поручеку* (6 %)

Ошибки в словах **халатах*, **сарафонах*, **прохоживались*, **неровный* указывают, что не выработан навык на уровне аудитивной фонетики, связанный с неразличением ударных и безударных звуков: в итоге нарушается написание гласных в сильной позиции.

Были допущены и ошибки, связанные со звуковосприятием мягкого [л'], например:

ссылных – **ссылных* (38 %), **ссыльных* (3 %)

сельской – **селской* (16 %)

оригинальный – **оригинальный* (13 %).

Звуковосприятие удвоенных согласных *сс* отразилось на письме следующим образом:

**ссылных* (22 %)

**сылных* (19 %)

**зыльных* (6 %); предполагается, что данная ошибка могла возникнуть под влиянием польского префикса *z-*.

Незнание парадигмы ударения лексемы *рука* привело к написанию словосочетания *нанизанные на руки* в форме *нанизанные *наруки* (31 %).

Следующую группу представили грамматические ошибки. Ошибка в написании слова *богиня* в дательном падеже **богинии* (31 %) (в словосочетании *имя греческой богини*) может объясняться его неправиль-

ным соотношением с типом склонения существительных женского рода с окончанием на *-ия*.

Многие ошибки были связаны с нарушением форм согласования, например:

круглилась [...] голова – **круглилось [...] голова* (40 %); причину ошибки, как кажется, можно усматривать в инверсии порядка подлежащего и сказуемого;

появилось и то – **появилась и то* (22 %);

стиснутая / окутанная Селенга – **стиснутое / окутанное* (13 %), ** стиснутые / окутанные* (6 %) *Селенга*; в данном случае можно говорить о двойном характере ошибки: звуковосприятие провоцируется на выбор формы флексии;

поросиими лесом – *поросиими *лесам* (21 %);

окутанная туманом – **туманам* (6 %); появление ошибки свидетельствует о недостаточной выработке навыка использования правильных падежных окончаний;

на невысоком пьедестале – **на невысокой* (13 %), **на невысокам* (6 %);

мне слышалось в нем имя – *мне *слышалась в нем имя* (9 %);

мне чудилось обещание – *мне *чудилась обещание* (9 %);

обещание счастья – *обещание *счастье* (6 %).

К другим, «промежуточным» (находящимся на грани звуковосприятия и флексии) ошибкам можно отнести следующие:

то есть «железо» – **то есть «железа»* (40 %);

в сельской церкви – **в сельской церкви* (9 %); ошибка указывает на тот факт, что пишущие не довели до уровня навыка использование правильных форм окончаний прилагательных, с одной стороны, с другой, может объясняться влиянием родного языка, то есть склонением лексемы *sielski* в польском языке – *w sielskiej cerkwi*.

Встречались и ошибки, спровоцированные неверным восприятием смысла фразы:

торговали бараниной приехавшие из глубинки – *торговали бараниной, *приехавшей* (31 %) / *приехавший* (25 %);

история и современность, православие и буддизм – **история и современность *православия* (25 %);

так же непреложно – **также непреложно Селенгу ждет Байкал* (53%);

то же обещала она – **тоже обещала она* (44 %).

Среди чисто орфографических ошибок встретились написания слов под влиянием их польских эквивалентов, например:

благословение – **благославение* (71 %), **блогославение* (47 %) – под влиянием польского эквивалента *błogosławieństwo*;

торговали – **тарговали* (56 %) под влиянием польского глагола *targować*;

символов – **симболов* (38 %) под влиянием польского эквивалента *symbol*;

хранит – **хронит* (28 %) под влиянием польского глагола *chronić*;

поручику – **поручнику* (6 %) под влиянием польского *porucznik*;

отторгают – **одторгают* (3 %) под влиянием польского префикса *od-*.

Часть орфографических ошибок можно объяснить недостаточным владением правилами русского правописания, например:

счастья – **счастия* (22 %), **счастья* (13 %), **счастя* (3 %), *щастья* (3 %), *щастья* (3 %);

дочерью – **дочерю* (13 %), **дочьерю* (3 %);

любви – **любьви* (34 %), **любвий* (3 %);

семьями – **семями* (9 %); **семенами* (13 %);

богатыря – **богатырья* (22 %), **боготрыря* (6 %);

вождя – **вождья* (22 %); **вождия* (3 %).

Некоторые ошибки возникли из-за незнания слов, не входящих в списки лексических минимумов для иностранных учащихся, следовательно, встретившихся им впервые во время написания диктанта, например:

сопками – **собками* (72 %); слово являлось совершенно неизвестным польским участникам; оно не входит в состав лексических минимумов, несет страноведческую нагрузку; это и есть лексическая и культурологическая ценность участия в диктанте – расширение словарного запаса и ознакомление с реалиями; польские участники не опознали этимологию слова от «сыпать», зато были уверены, что в корне стоит звонкий *б*, подвергшийся ассимиляции по глухости;

богатыря-исполина – осмысление неизвестного слова происходило разными способами:

**богатыря Исполина* / *Испалина* (40 %), *Изпалина* (3 %) / *Испанина* (3 %) – имя нарицательное воспринималось как имя собственное;

**богатыря из Полина* (13 %) / *из Палина* (3 %) – участниками слышалось название места происхождения упомянутого богатыря;

**богатыря-из-Полина* (6 %);

**богатыря-Исполина* (6 %);

богатыря исполина (13 %);

**богартыря-испалина* (3 %);

**богатыря и спалина* (3 %) – осмысление как двух персонажей;

**богатыря из Спалина* (3 %).

Среди незнакомой лексики встретились слова, связанные со страноведческими фактами. В них особенно часто допускались ошибки:

как в Забайкалье – **в Забайкале* (53 %); **в Забайкалии*; **как за байкалье* (3 %);

бурятского – **буряцкого* (50 %); **бурядского* (6 %);

эвенкийский – **эвэнкийский* (25 %), **евенкийский* (19 %), **егенкийский* (3 %), *ебенкийский* (3 %), **евенкиский* (3 %);

глубинка – **Глубинка* (25 %), имя нарицательное было воспринято как имя собственное;

«Руслана и Людмилы» – **Руслана и Людмилы* (19 %).

Проведенный анализ языкового материала позволил сделать следующие выводы:

1) анализируемые ошибки, допущенные инофонами в тексте Тотального диктанта – 2017 на вроцлавской площадке, касались двух видов речевой деятельности: рецептивного, то есть аудирования, и репродуктивно-продуктивного, то есть записи текста под диктовку;

2) допущенные ошибки были обнаружены практически на всех уровнях языковой системы: фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом;

3) ошибки не подвергаются четкой классификации в связи с тем, что нередко нельзя однозначно определить их причины, такие как звуковосприятие, отсутствие навыка в употреблении определенных грамматических форм и др.;

4) многие ошибки были вызваны интерференцией языковых систем родного и изучаемого языков;

5) многие ошибки свидетельствуют о том, что языковые навыки и умения требуют совершенствования;

6) детальное обсуждение ошибок с участниками способствует лучшему запоминанию языковых единиц и структур как встретившихся в тексте, так и аналогичных;

7) Тотальный диктант имеет для инофонов лингвокультурологическую ценность в связи с тем, что знакомит участников со страноведческой информацией, а также расширяет их лексический запас;

8) выявленные ошибки представляют определенную ценность для преподавателей, так как позволяют выявить и правильно оценить трудности в освоении неродного языка и способствуют совершенствованию дидактического процесса.

Список литературы

Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий. М., 2009.

Бернштейн С. Б. Славянские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1998. С. 460–461.

Рогозная Н. Н. Билингвизм. Интерязык. Интерференция. Иркутск, 2012.

D. Drużyłowska

The Total Dictation as an Assessment Method of the Level of Non-native Speakers' Language Skills (on the Example of Polish Students)

In our paper, the world-wide event the Total Dictation is considered from the point of view of teaching Russian as a foreign language.

The aim of the study was to identify, describe, and explain the most frequent and common mistakes made in the text of the Total dictation of 2017 by the participants in Wrocław (Wrocław, Poland). An error analysis was conducted to identify the patterns between them, to classify them, and reveal their causes. Most common cause is the interference between closely related languages: Russian and Polish.

In the theoretical part we offer the definitions of the following terms: language error, closely related languages, language skills, language drills; we also give basic classifications of errors allowed by foreigners.

The materials of the study were 49 works of Poles who study Russian as a foreign language.

During the analysis, the following types of errors were identified: errors based on the sound perception of Russian speech by Poles; errors related to the lack of skills in the field of flexion and morphology; errors caused by interference of Russian and Polish languages; errors reflecting unacquaintance with particular vocabulary, especially related to country-specific information.

Based on the analysis, particular and more generalized conclusions were formulated:

- 1) analyzed errors committed by foreigners in the text of the Total Dictation of 2017 in Wrocław concerning two types of speech activity: receptive, i.e. listening, and reproductive-productive, i.e. recording text for dictation;

- 2) mistakes were made at almost all levels of the language system: phonetic, lexical, morphological, and syntactic;

- 3) mistakes are not subjected to a clear classification, due to the fact that it is often impossible to unequivocally determine their causes: for example, whether it is sound perception or rather lack of skill in the use of certain grammatical forms, etc.;

- 4) many errors were caused by interference of the language systems of one's first and second languages;

- 5) many errors indicate that language skills require improvement;

6) a detailed discussion of mistakes with the participants contributes to better memorization of linguistic units and structures, both found in the text, and similar ones;

7) The Total Dictation has linguoculturological value for foreigners due to the fact that it acquaints participants with culturological information, and also expands their lexicon;

8) the identified errors are of some value to teachers as they allow them to correctly assess the language elements that cause problems to students and improve the didactic process.

Keywords: Total Dictation, Russian as foreign Language, Polish language, closely related languages, language error, language interference, speech drill, speech skill.

Цитатник Тотального диктанта

«Ученик, выдающийся по своим познаниям, может окончить школу и при вопиющей орфографической безграмотности (следует помнить, что орфографический навык специфичен, что он совсем не обязательно идет в ногу с общим развитием и знаниями...). <...> Орфографическая грамотность хотя бы даже в самых скромных дозах, не есть *conditum sine qua non*¹ ни для ученика, ни для учителя. Это – факт жизни, который вряд ли кто-нибудь станет отрицать. И, вероятно, при чтении этих строк у многих читателей возникнет в голове мысль: да и нужно ли устанавливать такую *conditionem*, нужен ли этот официально установленный абсолютно для всех случаев школьной жизни минимум, ниже которого нельзя опускаться? Наше убеждение, что он нужен. Правда, учитывая вышеупомянутую специфичность данного навыка, минимум этот должен быть установлен к р а й н е о с т о р о ж - н о , он должен быть «минимальным минимумом». Но он должен существовать для того, чтобы в стране была орфографическая культура, необходимая, в свою очередь, как средство социального общения».

А. М. Пешковский. Цели и методы учета орфографических ошибок
(А. М. Пешковский. Избранные труды. М. 1959. С. 193.)

¹ *conditum sine qua non* (лат.) – непереносимое условие.

Сведения об авторах

Арутюнова Елена Вячеславовна – кандидат филологических наук, член Орфографической комиссии РАН, доцент кафедры медиаречи Института массмедиа Российского государственного гуманитарного университета, заместитель главного редактора справочно-информационного интернет-портала «Грамота.ру», г. Москва (arutyunova.elena@gmail.com).

Бешенкова Елена Виленовна – кандидат филологических наук, член Орфографической комиссии РАН, ведущий научный сотрудник Отдела культуры русской речи Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, г. Москва (evbeshenkova@gmail.com).

Бикмаев Евгений Александрович – студент филологического факультета Московского педагогического государственного университета, автор задач игры-конкурса «Русский медвежонок», г. Астрахань (evgeniybikmaev@gmail.com).

Глазкова Светлана Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Миасского филиала Челябинского государственного университета, г. Миасс (snglaz@rambler.ru).

Гусейнова Наталья Сергеевна – заместитель директора по воспитательной работе Государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения Владимирской области «Муромский колледж радиоэлектронного приборостроения», г. Муром (n_guseinova@mail.ru).

Друговейко-Должанская Светлана Викторовна – член Орфографической комиссии РАН, старший преподаватель кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург (s.drugoveyko@gmail.com).

Дружиловска Дорота Мария – кандидат филологических наук, адъюнкт кафедры русского языка Института славянской филологии Вроцлавского университета, г. Вроцлав, Польша (dorota.druzylowska@uwr.edu.pl).

Дымарский Михаил Яковлевич – доктор филологических наук, член Орфографической комиссии РАН, профессор кафедры русского языка филологического факультета Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, ведущий научный сотрудник Отдела теории грамматики Института лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург (dym2005@list.ru).

Евграфова Светлана Маратовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка факультета теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва (evgrafts@yandex.ru).

Исаченко Оксана Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск (isachenko@mail.ru).

Кошкарёва Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор, член Орфографической комиссии РАН, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, заведующая кафедрой общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск (koshkar_nb@mail.ru).

Панов Борис Александрович – учитель школы «Интеллектуал», г. Москва (baranov@gmail.com).

Патрушева Лидия Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики Удмуртского государственного университета, г. Ижевск (Line_lidia@list.ru).

Пахомов Владимир Маркович – кандидат филологических наук, член Орфографической комиссии РАН, главный редактор справочно-информационного интернет-портала «Грамота.ру», г. Москва (vmpakhomov@gmail.com).

Плунгян Владимир Александрович – доктор филологических наук, профессор, академик РАН, заместитель директора Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, г. Москва (plung@yandex.ru).

Савельева Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Миасского филиала Челябинского государственного университета, г. Миасс (tatjana-saveljeva2010@yandex.ru).

Сафонова Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент, ведущая передачи «Русский устный» (Радиостанция Sputnik, МИА «Россия сегодня»), научный консультант портала «Грамота.ру», г. Москва (nsafo@mail.ru).

Шмаков Артем Алексеевич – кандидат филологических наук, заместитель заведующего кафедрой социологии и психологии управления Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Барнаул (art.schmakow@gmail.com).

Шпильман Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск (s.m.v@mail.ru).

Яковлева Юлия Владимировна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры медиаречи Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва (yak112@inbox.ru).

Научное издание

#ТОТСБОРНИК

Сборник научных трудов
по материалам Тотального диктанта

Вып. 2

Редактор – А. С. Терёшкина

Издательско-полиграфический центр НГУ
630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2

A

ଆ

ISBN 978-5-4437-076-6

9 785443 707266